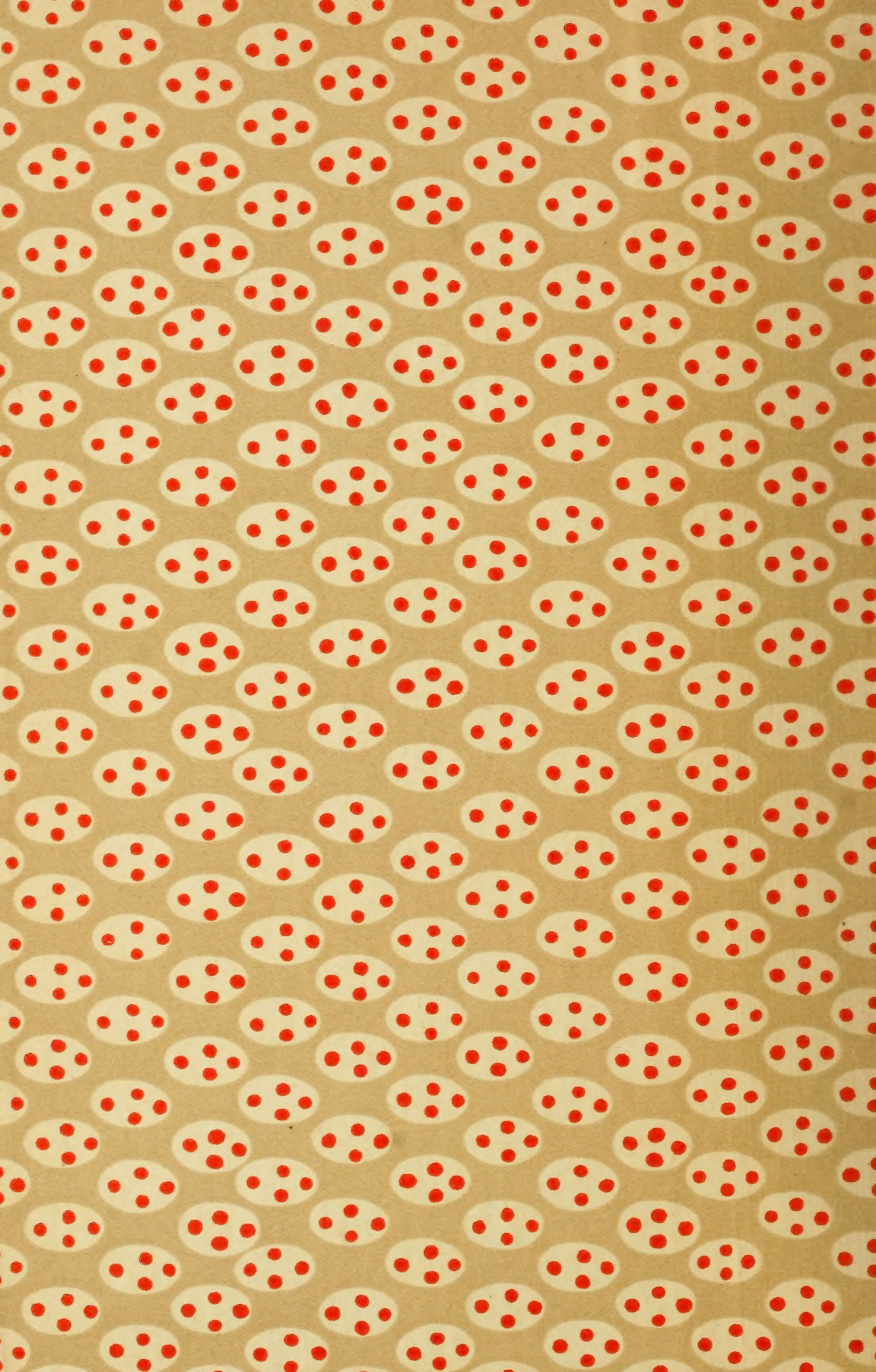
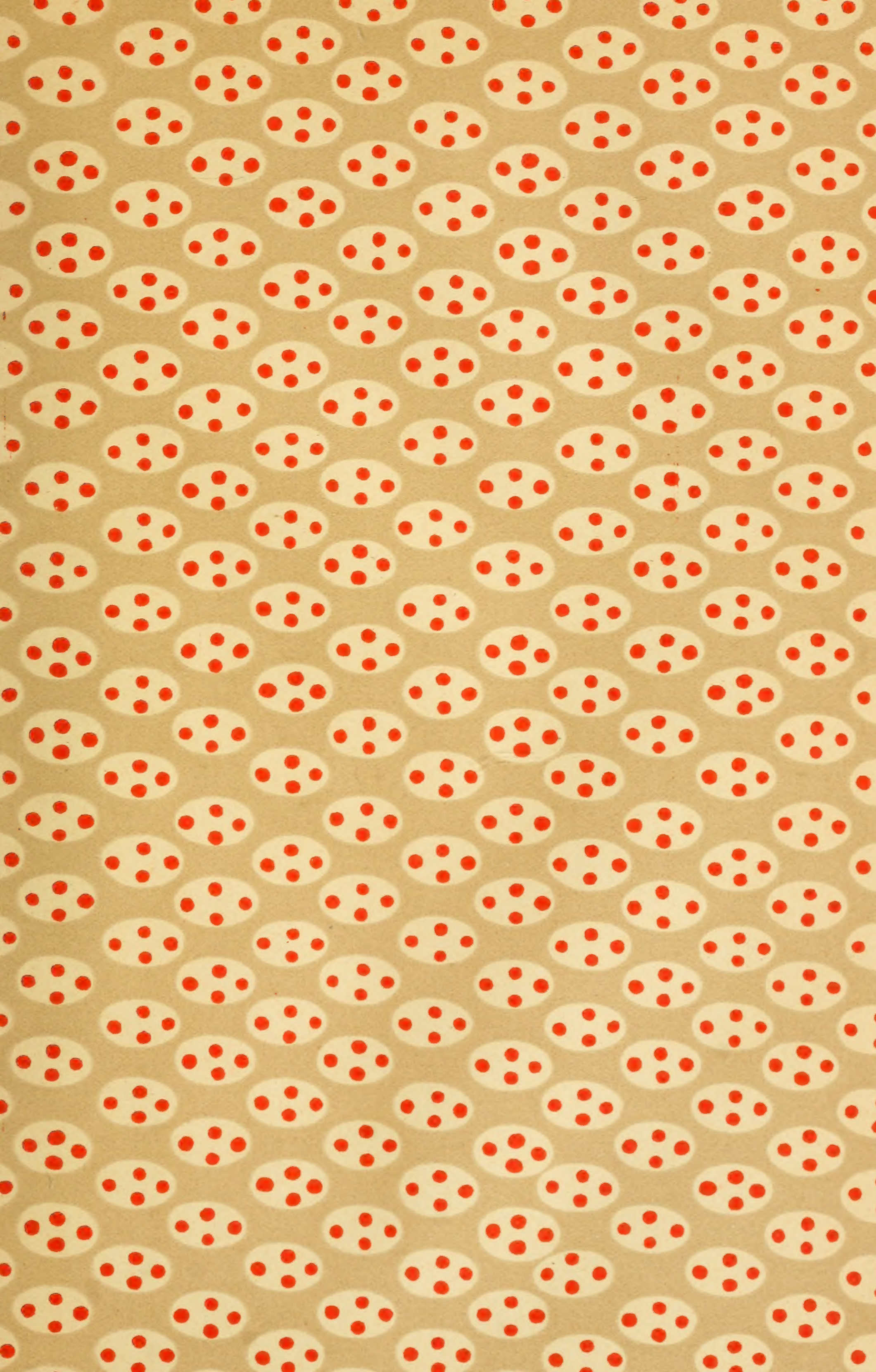
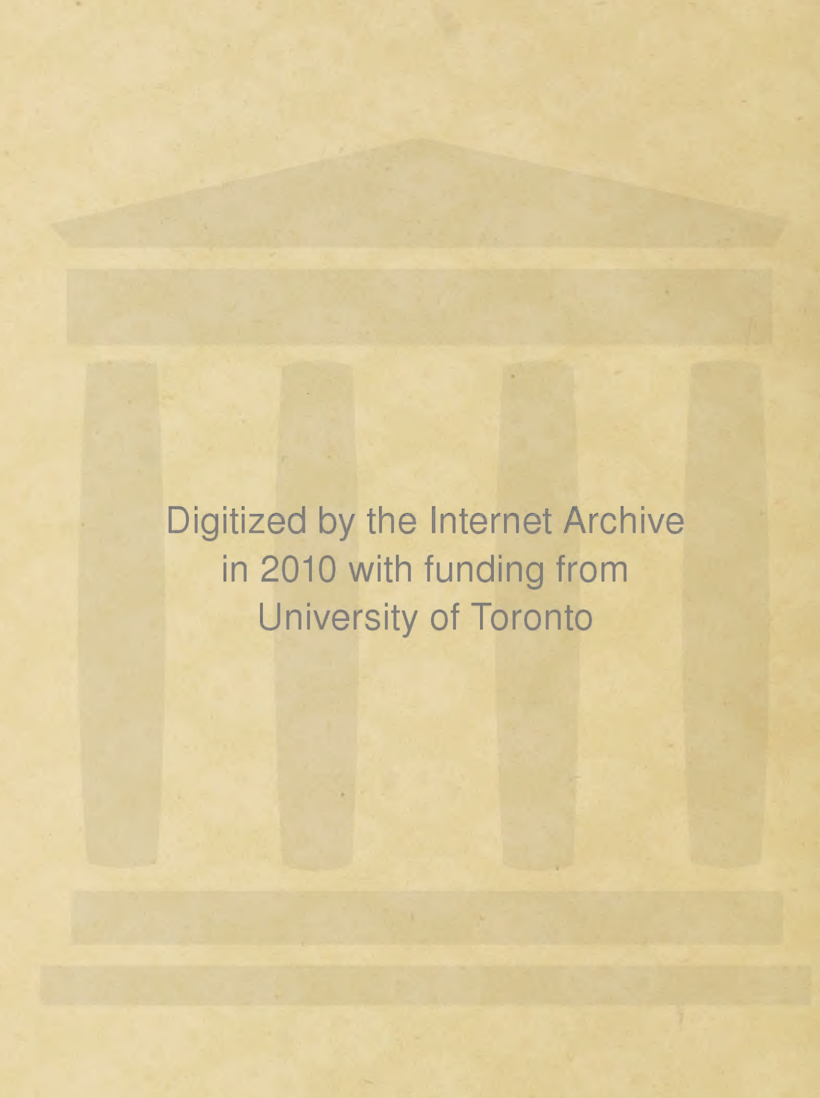

Андр. Шемшуринъ

Стихи В. Брюсова и русскій языкъ

СТИХИ В. БРЮСОВА и РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Андрей Шемшуринъ.

Изслѣдованіе драмы Г. Гауптмана „Михаилъ Крамеръ“.

Собраніе сочиненій. Т. I.

Миніатюры, кн. 1-я и 2-я.

О Театрѣ: почему „онъ“ не художественный.

Герой Чемульпо.

Смуты нашего времени—расплата за униженіе красоты.

В. И. Денисовъ.

Складъ изданій у ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ.
МОСКВА, Петровскія линіи.

Андр. Шемшуринъ.

СТИХИ В. БРЮСОВА И РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

МОСКВА.
1908.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-ВО СКОРОПЕЧ. А.А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР. С. Д.

Необходимое предупрежденіе недогадливаго читателя.

Тѣ, которые надѣются найти въ моей книжкѣ обычный критическій разборъ стихотвореній, къ сожалѣнію должны будутъ разочароваться съ самаго начала, такъ какъ моя работа не оправдаетъ ихъ ожиданій. Дѣло въ томъ, что я разсматриваю стихи В. Брюсова только съ одной узкой спеціальной точки зрѣнія, только въ отношеніи ихъ къ русскому языку, какъ читатель долженъ былъ уже видѣть по заглавію. Между тѣмъ стихи, да и всякое произведеніе искусства вообще,—явленіе сложное, а не простое. При этомъ большинство составныхъ частей этого сложнаго явленія имѣетъ такой характеръ, что по каждой отдѣльно взятой части нельзя дѣлать заключенія о цѣломъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что по шрифту и общему виду книги можно догадываться о времени написанія этой книги, но ни одинъ благоразумный человѣкъ не рѣшится утверждать, что шрифтъ и общій видъ книги могутъ служить надежными руководителями въ рѣшеніи вопроса: давно написана книга или недавно? Старая книга можетъ быть напечатана новымъ шрифтомъ и новая старымъ. Точно то же слѣдуетъ сказать и относительно идей книги, ея слога и т. п. Только очень разностороннимъ анализомъ можно достигнуть правильнаго отвѣта на вопросъ, когда и кѣмъ написана извѣстная какая-нибудь книга. Но если отвѣтъ на такой сравнительно легкій вопросъ требуетъ осмотрительности и осторожности, то тѣмъ больше вниманія и всесторонняго освѣщенія должно тратиться на ту работу, которая составляетъ содержаніе критики художественныхъ произведеній. Никогда разсмотрѣніе одной какой-нибудь части стихотворенія, картины, романа и т. п. не можетъ служить указаніемъ недостатковъ или достоинствъ всего стихотворенія, всего романа, всей картины, т.-е. самаго произведенія искусства. Можно, напримѣръ, доказать, что образы въ произведеніи какого-нибудь поэта—очень хороши, но это доказательство нимало не будетъ говорить о томъ, что стихи этого поэта—хороши; они могутъ, конечно, быть и очень хорошими, но они могутъ быть и тяжелы, неуклюжи, они могутъ походить на прозу какого-нибудь научнаго сочиненія. Наоборотъ, поэтъ можетъ обладать легкостью и изяществомъ стиля, но его образы будутъ ничтожны. Наконецъ, слогъ, идеи и образы какого-нибудь писателя могутъ быть очень приличными, но его произведенія все-таки плохо будутъ скрывать ограниченность его поэтическаго дарованія. Повторяю, только глубокій, всесторонній анализъ можетъ называться критикой въ настоящемъ смыслѣ, все же остальное, ка-

сающееся разбора отдѣльныхъ частей художественнаго произведенія— должно быть не критикой, а лишь матеріаломъ для критики. Не думаю, чтобы нужно было доказывать, что это не одно и то же. Тотъ, кто видитъ щебень и известку, но не имѣетъ понятія о сводахъ Монье, никогда и представить себѣ не можетъ, на что можетъ быть употребленъ подобный разрозненный матеріалъ, какую крѣпость и легкость дастъ онъ бетоннымъ сводамъ. Точно такъ же и обозрѣватель критическихъ матеріаловъ, подобныхъ моему, не долженъ полагать, что матеріалъ, предназначаемый для критики въ будущемъ, дастъ именно тѣ результаты, которые кажутся обозрѣвателю единственно возможными, какъ логическій выводъ изъ извѣстныхъ посылокъ. Помимо того, что критическій геній можетъ совершенно неожиданно обратить матеріалы, имѣющіеся у него подъ руками, въ такое подспорье, о которомъ изслѣдователю, доставившему этотъ матеріалъ, и не снилось даже, что называется,—помимо этого, матеріалъ, взятый изъ литературныхъ изысканій, можетъ быть примѣненъ, какъ доводъ, въ какой-нибудь филологической работѣ, доказывающей, напримѣръ, геніальность своеобразнаго пониманія г. Брюсовымъ русскаго языка.

Вотъ почему я прошу читателя не видѣть въ моемъ изслѣдованіи критики, а лишь скромныя изысканія въ узкой, ограниченной и скучной области чтенія литературныхъ произведеній—въ словопониманіи.

Кромѣ этого настоятельно важнаго предупрежденія, необходимо прибавить еще, что если бы кто не захотѣлъ отнестись къ моей работѣ такъ холодно и безразлично, какъ я того желалъ бы, то результаты моихъ изысканій, въ сущности, ни къ чему не обязываютъ тѣхъ, кто съ ними согласится. Какъ извѣстно, удовольствіе отъ чтенія стиховъ слагается не изъ одного только словопониманія. Поэтому, если бы даже мнѣ и удалось установить, что г. Брюсовъ понимаетъ, очевидно, свои стихи не такъ, какъ они понимаются на русскомъ языкѣ, то это ни о чемъ бы другомъ не говорило, конечно, какъ только о самомъ фактѣ появленія въ русской литературѣ изслѣдованія, для котораго стихи г. Брюсова послужили объектомъ. Впрочемъ, и то нужно сказать, что я ничуть не претендую доказать своей работой только-что выраженную мысль о пониманіи г. Брюсовымъ русскаго языка какъ-то «по-другому»,—можно считать, что мысль эту я сказалъ «такъ»—для примѣра. Вотъ, другое бы дѣло, если бы мои изысканія были помѣщены какъ доказательство бездарности поэтовъ, пишущихъ съ уклоненіемъ отъ обычнаго словопониманія,—ну, тогда, конечно, всякому, согласившемуся съ главнымъ положеніемъ, что писать на каждомъ языкѣ должно такъ, чтобы люди, говорящіе на этомъ языкѣ, все написанное могли понимать въ такомъ именно смыслѣ, какой хотѣлъ выразить человѣкъ, писавшій извѣстную мысль,—то всякому согласившемуся съ этимъ основнымъ положеніемъ, придется, конечно, согласиться и съ послѣдствіями, т.-е. признать бездарностями поэтовъ, пишущихъ съ обнаруженными мною ошибками въ словопониманіи.

Но какъ ни заманчива перспектива написать такой одухотворенный общей идеей критическій трудъ,—я все же воздержался отъ него, и моя работа—одно лишь кропанье въ словахъ, въ предлогахъ, въ созвучіяхъ. Это — нудный и скучный анализъ выраженій, казавшихся мнѣ сомнительными, неясными, сбивчивыми и неточными. Читатель увидитъ далѣе, что я вовсе и не настаиваю на безусловной вѣрности моихъ выводовъ. Если я иногда скажу что-нибудь рѣзкое и черезчуръ ужъ утвердительное, то

я заранѣе извиняюсь и заявляю, что я всегда готовъ первый признать ошибку скорѣе у себя, чѣмъ у разбираемаго мною поэта. Чтобы не было прискорбныхъ недоразумѣнiй, мнѣ необходимо хорошенько объяснить недогадливому читателю, что отмѣчаемыя мною ошибки въ словопониманiи русской рѣчи—вовсе не ошибки г. Брюсова, а ошибки читателя его стихотворенiй. Г. Брюсовъ всегда можетъ отвѣтить, что разбираемое мною выраженiе онъ понимаетъ въ выгоднѣйшемъ для стиха смыслѣ: — поэтому-то и нельзя говорить, что г. Брюсовъ ошибается въ словопониманiи. Потомъ мое словопониманiе есть словопониманiе среднихъ людей, и привычки этого словопониманiя не обязательны для самого поэта и для избранныхъ натуръ. Волей-неволей, мнѣ приходится раскланиваться и говорить: «Извините, что я къ вамъ зашелъ...» И вотъ я стараюсь указать въ сторону читателя и говорю, что, читая стихотворенiя г. Брюсова, среднiй человѣкъ можетъ ошибиться. Но я долженъ сознаться, что въ увлеченiи работой я не всегда бываю остороженъ, и мои доказательства иногда, помимо моей воли, облекаются въ такiе обороты рѣчи, что выходитъ, будто бы я приписываю ошибку г. Брюсову, а не читателю. Для исправленiя такихъ оговорокъ я не могъ ничего придумать, какъ заявить и въ этомъ предисловiи и, позднѣе, въ заключенiи, что мои намѣренiя были самыя благiя, и я ихъ прошу считать таковыми, несмотря на то, что мнѣ не удалось выдержать до конца ихъ стиль. Для меня весьма нужно, чтобы у читателя, по просмотрѣ большого количества ошибокъ въ стихахъ г. Брюсова, не оставалось впечатлѣнiя, что у г. Брюсова наблюдается полнѣйшее отсутствiе чутья къ тому языку, на которомъ онъ вздумалъ писать стихи. Я былъ бы больше удовлетворенъ, если бы мнѣ удалось оправдать смущенiе средняго читателя, котораго поэтъ лишилъ возможности понимать стихи свои такъ, какъ самъ поэтъ ихъ понимаетъ. Конечно, раза три-четыре мнѣ удается блестящимъ образомъ доказать заблужденiя и самого г. Брюсова въ пониманiи русскаго языка, но, само-собой разумѣется, такимъ пустякамъ я не придаю серьезнаго значенiя.

И такъ, я прошу читателя помнить во время чтенiя: 1) что основанiемъ моего труда служитъ обыкновенное пониманiе русскими людьми своего родного языка, 2) что меня не интересуетъ въ этой работѣ отношенiе поэта къ этому пониманiю и, наконецъ, 3) что я разбираю случайности и совпаденiя въ поэтическомъ калейдоскопѣ словъ, выраженiй и понятiй. Я смотрю въ стеклышко калейдоскопа не воспаленнымъ, огненнымъ взоромъ поэта, а простымъ, обыкновеннымъ глазомъ.

О чутьѣ къ языку.

Теперь, когда я долженъ приступить къ самому изложенiю предмета настоящей работы, мнѣ хочется для болѣе яснаго развитiя моихъ послѣдующихъ мыслей еще и дальше использовать случайно ворвавшееся въ циклъ моихъ идей сопоставленiе глаза и обычнаго словопониманiя. Я считаю необходимымъ обратить вниманiе читателя на одно обстоятельство, которое всѣ хорошо понимаютъ, но надъ которымъ обыкновенно рѣдко кто задумывается. Это обстоятельство—правильность рѣчи людей необразованныхъ. Но я не хочу указать на эту правильность, какъ на нѣкотораго рода православiе, непогрѣшимость или что-нибудь подобное. Можетъ-быть, конечно, когда-нибудь я и выскажу мое удивленiе и уваженiе русскому простолюдину за его чуткость къ родному языку,—однако въ настоящемъ случаѣ я указываю на правильность такъ-называемой

народной рѣчи не съ этой цѣлью. Мнѣ нужно объяснить, что нашей рѣчью, вообще, управляютъ законы, часть которыхъ изложена для образованныхъ людей въ грамматикѣ. Что законы эти существуютъ помимо нашего сознанія и воли, доказывается именно правильностью рѣчи простыхъ людей, которые, не зная грамматики, все же говорятъ правильно и вѣрно. Аналогія между аппаратомъ нашей рѣчи и глазомъ всего ярче выясняетъ мою мысль. Какъ извѣстно, глазъ человѣка воспринимаетъ впечатлѣнія съ самаго начала не такъ, какъ они доходятъ до мозга подъ конецъ процесса воспріятія. Мы знаемъ, что предметы отражаются на сѣтчатой оболочкѣ кверхъ ногами; мы знаемъ, что часть видимаго нами попадаетъ на слѣпое пятно; мы знаемъ, что ясность зрѣнія зависитъ отъ извѣстнаго положенія хрусталика и напряженія мышцы, держащей его; мы знаемъ, наконецъ, что путемъ упражненій и привычки зрительный аппаратъ нашъ достигаетъ такого совершенства и ловкости, что при каждомъ зрительномъ воспріятіи въ глазу происходятъ особаго рода манипуляціи, которыя совершенно незамѣтно для насъ самихъ дѣлаютъ изъ нашихъ зрительныхъ впечатлѣній то, что мы называемъ «правильнымъ зрѣніемъ». Въ нашъ вѣкъ особенно тонкихъ людей, людей уже чувствующихъ, куда клонится моя рѣчь, и потому выдвигающихъ уже рефлекторъ сомнѣнія, чтобы при свѣтѣ его удобнѣе высказаться относительно «правильности» всего происходящаго на Божьемъ свѣтѣ,—я долженъ сказать, что я заранѣе соглашаюсь съ мнѣніемъ объ условности всего «правильнаго». Я согласенъ, что, можетъ быть, дѣйствительно правильнѣе бы было видѣть предметы по настоящему, кверхъ ногами, а тѣ части, которыя попадаютъ на слѣпое пятно, совсѣмъ не видѣть. Это очень любопытная мысль, но, къ моему большому сожалѣнію, настоящая работа написана въ кругу обыденныхъ идей, окружность котораго ни разу не была перейдена. Да. Здѣсь была взята такая точка зрѣнія, при которой не принималось въ расчетъ сомнѣніе въ условной вѣрности явленій природы.

И такъ, совершенно независимо отъ воли и сознанія человѣка, зрѣніе его подчиняется особымъ законамъ, часть которыхъ, подобно грамматическимъ законамъ, изложена для образованныхъ людей въ книгахъ. Законамъ этимъ, какъ и вообще законамъ природы, нѣтъ никакого дѣла до записей оптики, механики и физики. Обращаю на это особое вниманіе читателя. Наука только наблюдаетъ законы, но не предписываетъ имъ образъ ихъ дѣйствій. Однако, въ случаѣ болѣзни и неисправности глазного аппарата, мы пользуемся именно этими самыми законами для того, чтобы опредѣлить, въ какую сторону произошло отклоненіе отъ обычной нормы явленій, и чѣмъ именно слѣдуетъ объяснить ненормальность.

Аппаратъ рѣчи находится въ такихъ же условіяхъ. Во время дѣйствія его, у насъ происходитъ машинальная быстрая механическая работа... Все это совершенно понятно, но, тѣмъ не менѣе, я все же позволю себѣ нѣсколько распространиться и привести простой примѣръ, доказывающій, что всякое неправильное примѣненіе слова, т.-е. нарушеніе законовъ рѣчи,—рѣжетъ нашъ слухъ, независимо отъ того, знаемъ мы или нѣтъ тѣ законы, которые нарушаются ошибкою.

Простой, необразованный человѣкъ, когда слышитъ неправильное употребленіе слова, какъ извѣстно, смѣется, но не можетъ объяснить, почему нельзя сказать, напримѣръ, вмѣсто «я пришелъ»—«моя пришла».

Полуобразованному человѣку потребуется произвести довольно продолжительный анализъ, чтобы вспомнить грамматическую разницу между мѣстоименіями и родами мужскимъ и женскимъ. Но всѣ, конечно, понимаютъ, что образованному человѣку нужно всего двѣ минуты, чтобы указать, въ чемъ дѣло, какіе именно законы рѣчи нарушены были говорившимъ. Однако эти грамматическіе законы, которыми воспользуется образованный человѣкъ, будутъ взяты имъ не изъ какого другого мѣста, какъ изъ жизни того самаго языка, на которомъ съ такимъ совершенствомъ говоритъ необразованный человѣкъ, не знающій этихъ законовъ и не подозрѣвающій объ ихъ существованіи. Эти законы живутъ и дѣйствуютъ въ его аппаратѣ словопониманія такъ же, какъ въ его глазу живутъ и дѣйствуютъ законы зрѣнія, законы оптики. И вотъ, какъ ни скроменъ этотъ примѣръ, какъ ни скромна въ немъ борьба двухъ мѣстоименій, но этого совершенно достаточно, чтобы увидѣть въ аналогичномъ случаѣ затрудненія образованнаго человѣка—дѣйствіе непонятныхъ малоизвѣстныхъ, но важныхъ и существенныхъ законовъ языка. Я думаю, что найдется очень мало образованныхъ людей, которые, услышавъ вмѣсто «я видѣлъ красный домъ»—«я видѣлъ красенъ домъ»,—будутъ въ лучшемъ положеніи, чѣмъ простолюдинъ, смѣющійся надъ «моя пришла». Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить, что «добръ человѣкъ»—выраженіе болѣе употребительно въ наше время, чѣмъ «добръ отецъ», «добръ сынъ». Можно легко подыскать такой случай, когда очень складно выйдетъ, если сказать на вопросъ, кто принесъ, напримѣръ, эту книгу: «Да, тутъ, одинъ добръ человѣкъ». Но сколько мы ни будемъ биться, намъ никогда не удастся найти такую форму, гдѣ бы къ слову д а м а можно было поставить прилагательное д о б р ъ въ старинномъ оборотѣ: «добра дама». Мы можемъ предложить нѣсколько объясненій, можетъ-быть мы найдемъ среди нихъ и вѣрное, но когда перейдемъ дальше въ область неопредѣленнаго и неяснаго, то сходство наше съ необразованнымъ человѣкомъ будетъ увеличиваться все больше и больше и, наконецъ, дойдетъ до полнаго тождества. Я сейчасъ приведу примѣры, но прежде закончу мысль, которую мнѣ такъ настойчиво хочется выразить. Когда мы очутимся въ безвыходномъ положеніи, вслѣдствіе незнанія законовъ словопониманія, мы, тѣмъ не менѣе, увидимъ, что законы эти если мы и не знаемъ, то мы ихъ чувствуемъ. Чувствуемъ ихъ такъ же, какъ простолюдинъ чувствуетъ извѣстныя намъ правила грамматики. И вотъ это наше состояніе въ отношеніи словопониманія я назвалъ бы чуткостью къ языку.

Обратимся теперь къ примѣрамъ. Какъ извѣстно, имена существительныя въ отношеніи единственнаго и множественнаго чиселъ дѣлятся на три рода: во-первыхъ, на имена существительныя, употребляющіяся только во множественномъ числѣ, во-вторыхъ—на употребляющіяся только въ единственномъ и, въ третьихъ, на употребляющіяся и въ единственномъ и во множественномъ числахъ. Примѣръ существительныхъ въ одномъ множественномъ числѣ: щипцы, ворота, сани, дрова, похороны. Примѣръ одного единственнаго числа: золото, серебро, пламя, утварь, мука, ропотъ, топотъ. Примѣръ единственнаго и множественнаго: поле, скамья, село. Теперь поднимается вопросъ: можно ли изъ существительныхъ, имѣющихъ одно число, дѣлать существительныя съ двумя числами? Почему, напримѣръ, можно изъ существительнаго «вселенная», имѣющаго по логикѣ одно единственное число, можно сдѣлать совершенно правильно

множественное «вселенныя», но почему изъ «мука» нельзя, даже несмотря на разрѣшеніе грамматики, сдѣлать «мукѝ». Грамматика, какъ извѣстно, позволяетъ для обозначенія сорта дѣлать множественное изъ единственнаго, напримѣръ: соль — соли, масло — маслà. Почему будетъ смѣшно сказать: у торговца продаются разныя муки: пшеничная, ржаная? Но, съ другой стороны, почему уже не смѣшно, а только неловко дѣлается, когда кто-нибудь скажетъ: я слышалъ разныя пѣніи? Ниже читатель найдетъ довольно примѣровъ такой неопредѣленности въ ошибкахъ, пока же что у насъ налицо сейчасъ вопросъ о томъ, какъ же въ самомъ дѣлѣ быть съ единственнымъ и множественнымъ числами, если классификація грамматики такъ неожиданно нарушается? Мы видимъ, что дѣйствительно есть такія сомнительныя слова, которыя никакъ не узнаешь, — имѣютъ они другое число, или нѣтъ. Я не хочу предложить никакого новаго правила для того, чтобы помочь въ этомъ затрудненіи, но я отмѣчаю наличность самаго затрудненія. Тамъ, гдѣ грамматика намъ помогаетъ, мы, конечно, чувствуемъ себя героями, но когда сталкиваешься съ чѣмъ-то незаписаннымъ въ грамматикѣ, когда чувствуешь себя не совсѣмъ хорошо, слыша какое-то странное словоупотребленіе, возникаетъ вопросъ, въ чемъ дѣло: или у тебя словопониманіе не въ порядкѣ, или у автора? И вотъ, тогда для объясненія своей странности, своей ненормальности, или, если хотите, ненормальности у автора странныхъ оборотовъ, приходится представить себѣ грамматическую классификацію именъ существительныхъ въ такомъ искусственомъ видѣ. Представьте себѣ скалу для именъ существительныхъ: на одномъ концѣ такой скалы помѣщаются существительныя, употребляющіяся только въ единственномъ числѣ: золото, мѣдь, а на противоположномъ—только во множественномъ, какъ щипцы, сани. Средина скалы будетъ занята существительными, легко принимающими и множественное и единственное числа. Промежутки между срединой и концами должны будутъ заполниться словами, близкими или къ единственному, или ко множественному числу. Какъ я понимаю русскій языкъ, къ концу единственнаго числа будутъ приближатся и стоять недалеко отъ серебра и золота слово «звяканье», нѣсколько дальше отъ конца такія сомнительныя слова, какъ «пѣніе», еще дальше слова спеціализировавшіяся: шумъ—шумы, говоръ—говоры, соль—соли и т. д. Точно такъ же размѣстятся слова и на другомъ концѣ. Около «щипцовъ» помѣстятся «хоромы», дальше въ срединѣ «будни», еще дальше «очки» и т. д. Надѣюсь, что никто не подумаетъ, что я считаю описанную мною скалу нѣкоторою реальностью или безусловнымъ грамматическимъ правиломъ, если я скажу, что знаніе такой скалы будетъ свидѣтельствовать о знаніи языка, о чуткости къ нему. Мы можемъ всегда узнавать, насколько кто-нибудь изъ насъ чутокъ къ тонкостямъ словопониманія, когда почувствуемъ, изъ какого мѣста скалы беретъ говорящій съ нами свои существительныя для образованія множественнаго или единственнаго числа. Если кто-нибудь будетъ ошибаться, то мы сейчасъ же почувствуемъ ошибку и узнаемъ даже насколько она груба, такъ какъ знаніе скалы именъ существительныхъ, знаніе лежащее въ основѣ нашего словопониманія, укажетъ намъ и ошибку и мѣсто, откуда взято существительное съ грубою формой множественнаго или единственнаго числа. Мы всегда почувствуемъ, далеко или недалеко стоитъ существительное отъ концовъ скалы. И вотъ тогда мы будемъ въ правѣ заключить, что чуткость автора по отношенію образованія множественнаго числа болѣе чѣмъ сомнительна.

Теперь посмотримъ, какъ примѣняется только что сказанное къ стихотвореніямъ г. Брюсова. Въ сборникѣ «Пути и Перепутья» въ стихотвореніи «Летучая мышь» встрѣчается такая строчка:

Образованіе множественнаго числа у г. Брюсова.

«Всѣ шумы исчезнутъ въ объятьи».

Нѣсколько выше я напомнилъ читателю о сдѣланномъ русскою грамматикою наблюденіи, что языкъ допускаетъ образованіе множественнаго числа изъ существительныхъ съ однимъ-единственнымъ для обозначенія сорта, или, какъ я назвалъ это новое словообразованіе, «слова для спеціализировавшихся понятій». Существительное «шумъ» имѣетъ одно только единственное число, но въ медицинѣ для классификаціи звуковъ, слышимыхъ въ сердцѣ, употребляютъ выраженіе «шумы». Какъ образчикъ другого такого спеціализировавшагося понятія, укажу на существительное «говоръ». Употребляемое во множественномъ числѣ, это существительное имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ существительное единственнаго числа. «Говоры»—значитъ разныя нарѣчія въ какомъ-нибудь языкѣ: сѣверное, восточное нарѣчія. Что было бы, если бы поэтъ сказалъ: «подходя къ двери, я услышалъ, какъ замолкли говоры въ комнатѣ»? Могли ли бы мы допустить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ исключительной тонкостью слуха у автора, который на ходу уже разбираетъ, что разговаривающіе—уроженцы разныхъ губерній? Мнѣ кажется, что для составленія себѣ понятій о такомъ исключительномъ явленіи, одного анализа фразы—мало, и авторъ поступилъ бы благоразумнѣе, и мы бы имѣли больше основаній, если бы онъ построилъ фразу иначе и о своемъ исключительномъ дарѣ заявилъ бы намъ какъ-нибудь особенно. Поэтому въ указываемомъ случаѣ одно только мы должны предположить, всего вѣроятнѣе,—это то, что авторъ не знаетъ правъ слова «говоры» въ русскомъ языкѣ.

Въ томъ же сборникѣ, на страницѣ 11, въ стихотвореніи «Въ старомъ Парижѣ»:

«Здѣсь слышала стоны и звяканья шпаги».

Если я ударю шпагой о шпагу одинъ разъ, то никто изъ говорящихъ на русскомъ языкѣ не скажетъ, что онъ слышалъ «звяканье шпаги». Всѣ скажутъ, что шпаги звякнули. Когда же я повторю ударъ шпаги о шпагу нѣсколько

разъ, то тогда всѣ скажутъ, что было слышно з в я к а н ь е шпаги. Звяканьемъ называется послѣдовательное повторенiе ударовъ металлическихъ предметовъ одинъ о другой. У спецiалистовъ понятiе о звяканьи шпагъ не дифференцировано, и я не думаю, чтобы поэтъ, игнорируя особенность русскаго языка не давать множественнаго числа тѣмъ существительнымъ, которыя выражаютъ продолжительность дѣйствiя (суетня, стукотня, хлопанье),—чтобы поэтъ хотѣлъ обратить наше вниманiе на свой особенно тонкiй слухъ, позволяющiй ему различать разницу въ быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ звукахъ. Еще разъ повторяю, на мой взглядъ, для подобной цѣли было бы благоразумнѣе сказать что-нибудь болѣе рѣшительное и опредѣленное, чѣмъ маленькiй темный намекъ, больше наталкивающiй мысль на предположенiе объ ошибкѣ, чѣмъ на удивленiе передъ исключительнымъ даромъ Божiимъ. Однако, что же спорить,—конечно, я согласенъ, что каждый дѣйствуетъ, какъ ему нравится. И если г. Брюсовъ считаетъ намекъ совершенно достаточнымъ, то это его воля. Можетъ-быть, онъ и правъ: поэзiя—это такое тонкое искусство, что излишняя опредѣленность только вредитъ дѣлу, а не пособляетъ.

Дальше я уже не буду останавливаться такъ подробно на приводимыхъ примѣрахъ, ограничусь указанiемъ на слѣдующiя мѣста.

Въ томъ же сборникѣ:

Стр. 38. Идеалъ, 4.

Въ открытыхъ п р о с т о р а х ъ
их дѣвственныхъ грезъ

Стр. 93. Флоренцiя Декамеронъ.

Среди земныхъ красотъ, земныхъ величiй

Стр. 147.

Отдѣлъ названъ «Прозрѣнiя».

Стр. 148.

Стихотворенiе озаглавлено: «Въ дни запустѣнiй».

Стр. 150. Брань народовъ.

Царь, во лжи многообразный,
Свергнетъ п ы ш н о с т и порфиръ,

Въ словѣ п ы ш н о с т и винительный падежъ множественнаго числа кажется родительнымъ единственнаго и вниманiе

напрягается въ ожиданіи встрѣтить дальше какое-нибудь слово, относящееся къ пышности. Напримѣръ: пышности обманъ, пышности прелесть. Насколько выгодно поэту такое безполезное напряженіе мысли читателя, мы будемъ имѣть случай разобрать при болѣе серьезныхъ случаяхъ.

Стр. 159. Устои.
Но кто готовъ отвергнуть миги
Стр. 179. Царь сѣвернаго Полюса, III:
Дни проходятъ словно дымы
Стр. 194. Замкнутые, II:
Обрядъ застывшій въ пышностяхъ старинныхъ

Я, конечно, очень мало понимаю въ стихахъ, и потому, если и рѣшаюсь высказать мое недоумѣніе, то не въ укоръ поэту, а исключительно какъ недоумѣніе одного изъ читателей. Чему, собственно, мѣшало бы существительное пышность, если бы оно было взято въ обычномъ его видѣ, т.-е. въ единственномъ числѣ? Что прибавило множественное число въ эти стихи:

Я въ ихъ церквахъ бывалъ, то пышныхъ, то пустынныхъ.
Въ однѣхъ все статуи, картины и рѣзьба,
Обрядъ, застывшій въ пышностяхъ старинныхъ,
Безсмысленно пустая ворожба!

Я понимаю, если бы было сказано: «Обряды, застывшіе въ пышностяхъ старинныхъ», т.-е., молъ-де, у каждаго обряда поэтъ различаетъ особую какую-то пышность, несмотря на то, что «пышность» есть обозначеніе извѣстнаго качества, какъ мокрота и сухость.

Но поэтъ взялъ «обрядъ» въ единственномъ числѣ и потому непонятно, какой ущербъ понятію былъ бы, если бы сказать:

Обрядъ, застывшій въ пышности старинной,

вмѣсто:

Обрядъ, застывшій въ пышностяхъ старинныхъ.

Я слыхалъ, что поэты прибѣгаютъ къ разнымъ поворотамъ фразы и измѣненіямъ словъ въ тѣхъ случаяхъ, когда риѳма и размѣръ не даются имъ, но я не рѣшусь утверждать, что здѣсь «пышности»

появились не отъ тонкости поэта въ пониманіи различій, а отъ безсилія его въ стихосложеніи.

Стр. 199. Замкнутые, IV:
Загораются странные свѣты
Стр. 200, тамъ же:
И вдругъ все мертво и пустынно,
Ни свѣтовъ, ни красокъ нѣтъ.

Я просматривалъ записанныя Далемъ выраженія, относящіяся къ слову свѣтъ. Выраженій записано очень много, но ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ свѣта во множественномъ числѣ. Однако, я вспомнилъ, что есть старинное русское выраженіе со словомъ свѣтъ во множественномъ числѣ: «Батюшки свѣты!» Но одно ли и то же означаютъ «свѣты» и «свѣтъ»—не знаю.

Стр. 194. Замкнутые, I:
Въ музеяхъ запертыхъ, въ торжественномъ покоѣ,
Хранились бережно останки старины:
Одежды, утвари, оружіе былое...

Если есть, по Брюсову, одежда и одежды, утварь и утвари, то должно быть и оружіе и оружія. Далѣе, если поэтъ въ числѣ останковъ старины упоминаетъ оружіе, а не оружія, то я въ правѣ предположить, что одеждъ въ музеяхъ хранилось много, а оружіе какое-то одно: сабля одна, что ли, тамъ. Между тѣмъ какъ обыкновенно въ музеяхъ больше всего бываетъ оружія, чѣмъ одеждъ. Положимъ, это къ дѣлу не относится: въ томъ городѣ, про который разсказываетъ поэтъ, могло все быть и не такъ, какъ въ нашихъ городахъ. Однако, какъ ни будетъ страненъ какой-нибудь городъ, но все же подъ существительнымъ «утварь» слѣдуетъ понимать не одну тарелку или чашку, а множество предметовъ, обслуживающихъ обиходъ жизни человѣка; будь онъ татаринъ, негръ, европеецъ, азіатъ—все равно: его посуда, убранство и наряды будутъ представлять изъ себя то, что называется утварью, какъ и сами обладатели утвари будутъ представлять тс, что называется человѣчествомъ. Человѣчество не можетъ быть во множественномъ числѣ—этого даже и г. Брюсовъ не сдѣлаетъ,—точно такъ же не будетъ и утварь во множественномъ числѣ, потому что утварь уже сама множественна.

Стр. 141, Грядущіе гунны. Изъ сборника «Вѣнокъ»:
На насъ ордой опьянѣлой
Рухните съ темныхъ становій—

У Даля записано: «становьё».

(Встрѣчающіяся въ моей книгѣ ссылки на толковый словарь Даля не слѣдуетъ понимать, какъ указаніе на высокій авторитетъ или какъ на что-то непогрѣшимое, православное. Цѣнность богатствъ, собранныхъ Далемъ, конечно, относительна. Отсюда слѣдуетъ, что ссылки мои имѣютъ характеръ доводовъ, сопровождаемыхъ обыкновенно выраженіемъ «между прочимъ».)

Стр. 146. Фонарики:
Всѣ краски, всѣ сверканія

Стр. 150. Слава толпѣ:
Мимо зеркальныхъ сіяній

Стр. 113. Въ скверѣ:
Первые дымы встаютъ надъ
домами

Стр. 121. Одному изъ братьевъ:
На всѣхъ запястьяхъ знаю
Слѣды невидимыхъ желѣзъ

У металловъ вообще нѣтъ множественнаго числа, но желѣзо специализировалось, и въ русскомъ языкѣ есть слово желѣзы, обозначающее оковы. Слово это малоупотребительно и, какъ большинство такихъ малоупотребительныхъ словъ, обыкновенно предпочитаетъ упорно оставаться въ одной какой-нибудь формѣ; такъ, напримѣръ, Пушкинъ употребилъ это слово въ такой формѣ, что смыслъ не заставляетъ себя долго искать.

Кавказскій плѣнникъ говоритъ дѣвѣ горъ:

Оставь же мнѣ мои желѣзы.

Мы будемъ еще имѣть случай столкнуться съ такою чуткостью языка у Пушкина и у Лермонтова, теперь же обратимъ вниманіе, что у г. Брюсова это малоупотребительное слово взято въ такой формѣ, которая допускаетъ возможность предположенія родительнаго падежа множественнаго числа отъ слова жéлезы. Правда, въ словѣ имѣется буква ѣ и родительный отъ жéлезы произносится жéлезъ, но родительный п. часто мѣняетъ удареніе: óкна, окȯнъ. Я не хочу сказать, что читатель правъ, будучи глупымъ и ограниченнымъ. Конечно, стихи пишутся не для дураковъ. Но мнѣ говорили, что стихъ долженъ быть легкимъ, воздушнымъ, мечтою слова, грезой, которую оскорбляетъ всякое усиліе мозга, даже самомалѣйшее.

Стр. 124. Одному изъ братьевъ:
......дай обнять
Братскую грудь среди вражескихъ становъ.

Но вотъ что курьезно: когда привыкаешь, наконецъ, къ множественному числу, то оно начинаетъ казаться даже и тамъ, гдѣ его нѣтъ. Конечно, здѣсь не вина поэта, а болѣзненность воспринимающаго чувства; однако, примѣръ настолько любопытенъ, что я не могу не привести его.

Стр. 15. Цѣленіе.
Обвили сладостными п л а т а м и
Мнѣ тѣни дышащую грудь.

Что такое п л а т а м и? Не множественное ли это число отъ существительнаго: плата—платить? Потому что другое похожее слово п л а т ъ, п л а т о к ъ сюда едва ли подходитъ, такъ какъ платками грудь обвить нельзя, платкомъ покрыть грудь можно, обвить же платкомъ можно корпусъ, ногу, руку и т. п. Первое указанное толкованіе потому подходящѣе, что оно придаетъ строчкѣ какой-то темный смыслъ, съ которымъ все же легче помириться, чѣмъ съ очевидною несуразностью.

Возвращеніе къ чуткости языка.

Таково образованіе множественнаго числа у г. Брюсова. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно было объяснить себѣ, почему чуткость языка права, отмѣчая извѣстныя слова, какъ неудачную выдумку. Но въ такихъ случаяхъ, какъ п р о с т о р ы, в е л и ч і я, п р о з р ѣ н і я, з а п у с т ѣ н і я, п ы ш н о с т и, м и г и, д ы м ы и т. п., нѣтъ возможности сказать что-либо опредѣленное. Мы не можемъ съ достаточною увѣренностью объяснить, почему всѣ эти слова рѣжутъ нашъ внутренній слухъ. Слѣдовало бы, конечно, указать, что есть грамматическое правило о невозможности дѣлать множественное число для тѣхъ существительныхъ, которыя произошли отъ глаголовъ; но этимъ мы устранимъ сомнѣніе лишь въ нѣкоторыхъ только случаяхъ: мигать — мигъ, дымить—дымъ, прозрѣть—прозрѣніе, но остальные случаи останутся все же необъясненными. Кромѣ того, мнѣ кажется, что и самое грамматическое наблюденіе недостаточно убѣдительно. Два-три примѣра—и оно разбито. И вотъ въ этомъ-то случаѣ и будетъ ясно, насколько цѣнно наше чувство языка. Въ то время какъ грамматическое наблюденіе можно опровергнуть доводами, чувство все время будетъ говорить намъ о фактѣ. Ничего не значитъ, что мы не можемъ объяснить невозможность «просторовъ», «пышностей» и т. п. Важно, не п о ч е м у случилась боль чувства, а важенъ самый ф а к т ъ боли. Не правъ ли я былъ, когда говорилъ, что единственнымъ доводомъ противъ вторженія грубости въ музыку языка будетъ наше инстинктивное знаніе скалы именъ существительныхъ, наша чуткость къ языку.

Нѣтъ словъ,—пока не случилось еще ничего особеннаго: передъ читателемъ прошло нѣсколько существительныхъ въ такомъ видѣ, въ какомъ языкъ народа ихъ не перевариваетъ. Образованіе множественнаго числа не есть еще показатель большого остроумія въ изобрѣтеніи новыхъ словъ. Но дѣло въ томъ, что это множественное число, подобно другимъ простѣйшимъ частямъ языка, къ которымъ мы сейчасъ перейдемъ, даетъ возможность ясно увидѣть, что въ насъ существуетъ какой-то регуляторъ языка. Когда передъ нами пройдутъ дѣйствительно новоизобрѣтенныя слова, то, въ силу ихъ неожиданности, мы не въ состояніи будемъ ничего сказать. Можно дать объясненіе нѣкоторымъ несуразностямъ, можно указать приблизительно, въ чемъ именно неправда, но все же самымъ надежнымъ аргументомъ противъ дикости будетъ не что другое, какъ указаніе слова, дѣлающаго больно чувству языка. Какъ въ разборѣ предлоговъ, новыхъ и старинныхъ словъ, такъ и въ разборѣ цѣлыхъ оборотовъ, выраженій и созвучій, т.-е. такихъ сложныхъ элементовъ рѣчи, анализъ которыхъ почти невозможенъ для современныхъ средствъ людей, мы увидимъ, что логика будетъ иногда даже нахо-

диться на сторонѣ поэта-изобрѣтателя, но чувство наше будетъ протестовать и указывать боль. И мы увидимъ, что чувство окажется право, потому что оно ловко отличаетъ логику ума отъ логики языка. Какъ извѣстно, иностранецъ, говорящій по-русски, можетъ построить правильно логически и грамматически фразу, но именно эта самая логичность и грамматичность фразы больше всего и будетъ говорить о томъ, что фраза построена человѣкомъ, не чувствующимъ языка, не слышащимъ его музыки. Первый, кто отмѣтитъ несуразность фразы,— наша чуткость къ языку. Фактъ боли нашего чувства, фактъ остановки нашего вниманія во время бѣглаго чтенія долженъ имѣть для насъ силу закона.

Мнѣ кажется, что если и возможно появленіе въ языкѣ чего-либо новаго, то это новое должно быть до того музыкально и складно, что оно тотчасъ же уляжется въ чувство языка. Мы даже не замѣтимъ, что услышали и прочли что-нибудь новое. Или нѣтъ, мы можемъ и замѣтить новость, но она будетъ пріятна нашему чувству. У насъ не будетъ боли. Потомъ, вѣдь, это очень трудно—выдумать новое въ языкѣ. Новыя слова не родятся, какъ грибы. У Брюсова же мы увидимъ ихъ достаточно, чтобы не повѣрить въ геніальность его способностей къ изобрѣтенію новостей въ языкѣ. Когда во время оно славянофилы вздумали изгнать изъ жизни русскаго языка иностранныя слова и придумали для этой цѣли массу новостей, то попытка не имѣла успѣха, а вызвала одинъ лишь смѣхъ своими: шаропехомъ, шарокатицей, мокроступами, самостью и т. п. Создать одно новое слово—задача, требующая способностей геніальныхъ; что же можно сказать про человѣка, который выбрасываетъ новыя слова дюжинами? Въ чудеса вѣрили во время стоянія земли на трехъ китахъ,—мы теперь въ нихъ уже не вѣримъ.

Спеціально новыя слова.

Изъ сборника «Пути и Перепутья».
Стр. 77. Возвращеніе.
Со мной сосѣдили орлы.

Сосѣдить, собственно, не новое слово, но у Даля такого глагола не записано. Есть глаголъ «сосѣдать», отъ котораго осталось очень немного словъ: сосѣдній, сосѣдъ, сосѣдство, — но глагола сосѣдить нѣтъ. Я помню, что есть выраженіе: мы или они пососѣдились, но, кажется, это осталась единственная форма: остальное умерло все. Такъ что сосѣдили орлы или неправильно вновь произведено, или что-то ужъ очень дряхлое.

На той же страницѣ:
Крылато-радостные лики
Глядѣли съ довременныхъ стѣнъ.

Разсказываютъ, что когда-то было время, что слова понимались въ буквальномъ смыслѣ, то-есть слѣдить, напримѣръ, понималось не такъ, какъ теперь, то-есть не—не упускать кого-нибудь изъ виду, а просто, какъ—дѣлать слѣды за извѣстнымъ лицомъ. Теперь же для насъ слова имѣютъ большею частью мнемоническое значеніе, то-есть: мы уже не знаемъ, что́ выражаютъ звуки словъ, но мы помнимъ, что́ подъ такими зву-

ками условлено понимать. Къ новому слову «довременный»—какое же пониманіе слѣдуетъ приложить? Старое или современное? Должно ли понять это слово въ томъ именно смыслѣ, какой придается на русскомъ языкѣ выраженію, похожему на это слово:

«Подожди до поры до времени».

Или же нужно понять слово «довременный» въ буквальномъ смыслѣ?

Въ выраженіи «до поры до времени» до времени значитъ, что придетъ еще время, то-есть въ виду имѣется время, не наступавшее еще. И въ этомъ смыслѣ «довременныя стѣны», съ которыхъ глядѣли какіе-то лики,—стало-быть стѣны, не существующія еще. Понятно и лики съ такихъ стѣнъ будутъ еще смотрѣть, а не смотрѣли уже. Въ смыслѣ же буквальнаго словопониманія «довременный»—значитъ существовавшій тогда, когда времени еще не было. Но сказать это—все равно, что сказать: во время оно, когда не было ни земли ни неба, а стоялъ только одинъ плетень. Однако, если позволительно спросить, на чемъ же стоялъ плетень,—то почему же не спросить тогда, какъ строились стѣны безъ времени. Когда Библія говоритъ намъ о сотвореніи міра, то неправду она старается сказать болѣе или менѣе складно. Г. Брюсовъ не хочетъ даже и скрывать своего заблужденія, дѣлая видъ, что онъ будто бы и не понимаетъ, что стѣны впередъ времени не могутъ быть.

Стр. 107. Еще закатъ.
Лился румянецъ предзакатный.
Стр. 132. Слѣпой.
Люблю я предразлучное.
Изъ сборника «Вѣнокъ».
Стр. 7. Привѣтствіе.
Поблекъ предзакатный румянецъ.
Стр. 17. Охотникъ.
Надъ бредомъ предзакатныхъ маревъ.

У Даля нѣтъ ни предзакатнаго, ни предразлучнаго. Съ приставкой пред въ русскомъ языкѣ произошло-какое то недоразумѣніе, которое необходимо имѣть въ виду всѣмъ изобрѣтателямъ новыхъ словъ. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ словахъ приставка пред выражаетъ, что понятіе слова съ этой приставкой по положенію находится впереди того понятія, которое выражено корнемъ слова, напримѣръ: предгорный значитъ находящійся передъ горою. Въ другихъ же словахъ пред, наоборотъ, не только

не выдѣляетъ понятіе корня, но даже уничтожаетъ его, напримѣръ: предубѣжденный — значитъ не просто убѣжденный въ чемъ - нибудь человѣкъ, а ложно убѣжденный. Предугадать значитъ произвести такое дѣйствіе, которое сдѣлало бы излишнимъ угадываніе. Предупредить — значитъ уничтожить все, что кѣмъ-нибудь можетъ быть сдѣлано напередъ. Точно такъ же предыдущіе дни. Это выраженіе понимается по-русски не въ смыслѣ дней, идущихъ впереди чего-либо, а въ смыслѣ прошедшихъ уже дней. Однако, не всѣ слова съ приставкою пред успѣли принять это своеобразное значеніе—уничтоженіе дѣйствія корня,— нѣкоторыя, какъ я уже говорилъ, такъ и выражаютъ приставкой «начало», «перёдъ» понятія корня. Поэтому «предшествовавшій», «предвѣчный», «преддверный» и т. п. мы понимаемъ какъ шествовавшій впереди, какъ бывшій раньше вѣчности, какъ находящійся передъ дверью.

Но наше двойственное пониманіе приставки пред показываетъ, что, очевидно, русскій языкъ утрачиваетъ уже остроту этой части рѣчи, почему и всѣ новообразованія съ приставкою пред звучатъ такъ неуклюже, такъ немузыкально, неизящно:

разлучный	предразлучный,
докучный	преддокучный,
скучный	предскучный,
дачный	преддачный,
бѣглый	предбѣглый,
закатный	предзакатный,
раскатный	предраскатный,
тертый	предтертый,
заварный	предзаварный,
запертый	предзапертый.

Но само-собой разумѣется, что я не беру на себя смѣлости утверждать, что новыя слова съ приставкою пред неуклюжи именно поэтому. Для меня важно отмѣтить самый фактъ неловкости новаго слова; вѣрность объясненія—во-

просъ совсѣмъ другого порядка и, можетъ-быть, даже другой компетенціи. Поэтому я охотно заранѣе присоединяюсь къ болѣе остроумному объясненію и уничтожаю мое, только-что изложенное. Пусть мое мнѣніе будетъ только гипотезой. Вмѣсто одной я могу самъ сейчасъ же предложить другую, объясняющую мою боль отъ этихъ новыхъ словъ съ приставкою пред. Я, напримѣръ, предполагаю, что когда приставка пред приставляется прямо къ корню, то мѣстонахожденіе понятія, выражаемаго новымъ словомъ, будетъ впереди понятія корня этого новаго слова, напримѣръ, предвѣчный—передъ вѣчностью находившійся. Такимъ образомъ новое слово имѣеъ смыслъ тотъ же, что и смыслъ корня. Когда же пред присоединяется не прямо къ корню, а къ приставкѣ, находящейся передъ корнемъ, какъ напримѣръ, предугадать,—то смыслъ новаго слова будетъ противоположный смыслу корня. Отсюда выходитъ, что нельзя говорить предзакатный, потому что это должно обозначать, что заката нѣтъ. Точно такъ же нельзя говорить и предразлучный, потому что это будетъ выражать что-нибудь разстраивающее, устраняющее разлуку.

Но кромѣ всѣхъ этихъ гипотезъ и предположеній, относительно слова «предзакатный» нужно еще и то сказать, что подъ закатомъ мы понимаемъ такое длительное явленіе, которое начинается задолго до самаго исчезновенія солнца за горизонтомъ. Понятіе заката еще не дифференцировано въ наше время,—поэтому если даже ничего не имѣть противъ структуры слова, то подъ предзакатнымъ нужно понимать то, что бываетъ передъ закатомъ т.-е. обыкновенный день. Между тѣмъ днемъ не бываетъ никакого румянца. Отсюда выраженіе «предзакатный румянецъ»—совершенно не пріемлемо. Чтобы сохранить за своимъ словомъ право гражданства, г. Брюсову слѣдуетъ условиться съ русскимъ народомъ, что подъ закатомъ онъ будетъ понимать самое

исчезновеніе солнца. Но какъ сдѣлать, чтобы это условіе было извѣстно всѣмъ?

Еще маленькое замѣчаніе относительно «предзакатныхъ маревъ» изъ стихотворенія «Охотникъ». Марево по-русски имѣетъ два смысла: одинъ,—обозначающій особую такую мглу, смрадъ во время лѣсныхъ пожаровъ, когда воздухъ на сотни верстъ напитывается дымомъ и гарью, изъ болотъ поднимаются испаренія и т. д. Второй смыслъ—это миражъ въ южныхъ и восточныхъ степяхъ во время знойнаго и яснаго лѣта. Какой же, собственно, смыслъ имѣетъ въ виду поэтъ: и мгла и миражъ могутъ имѣть передъ закатомъ свои особенности, о которыхъ писатель въ правѣ упоминать. Но тогда, на что же намъ указывается—на миражъ или на мглу?

Изъ сборника «Пути и Перепутья».
Стр. 137. Къ Большой Медвѣдицѣ.
Мы шепчемъ прерывныя рѣчи.

У Даля слова прерывный—нѣтъ. Есть прерывчатый. Это выраженіе говорятъ про вѣтеръ, голосъ, стонъ. Если бы г. Брюсовъ своимъ прерывнымъ хотѣлъ сказать про рѣчи то же самое, что народъ говоритъ про стонъ и вѣтеръ, то-есть если бы онъ хотѣлъ охарактеризовать длительность рѣчей, какъ народъ характеризуетъ длительность стона: «прерывчатый стонъ», то, конечно, г. Брюсовъ долженъ былъ бы взять настоящее русское слово, а не выдумывать сомнительную новость. Если же нужно было указать читателю на то обстоятельство, что рѣчи чѣмъ-то прерываются, то для этой цѣли едва ли достаточно одного оборота стиха. На мой взглядъ, чуть-чуть яснѣе было бы, если бы удареніе стояло не на первомъ ы, а на второмъ, т.-е. если бы было сказано не пре́рывныя, а прерывны́я рѣчи. Но, повторяю, такой смыслъ нуждается въ бóльшихъ ухищреніяхъ: очевидно, нужно сдѣлать еще нѣсколько логическихъ предпосылокъ, а не пытаться оперировать съ этимъ страннымъ словомъ. Должно-быть, нашему времени не по плечу такія задачи. Въ самомъ дѣлѣ, по-русски есть два слова: прерывистый и непрерывный. И то и дру-

гое употребляется въ разговорномъ языкѣ, но попробуйте произвести съ ними какую-нибудь операцію. Попробуйте отнять у одного приставку не, а къ другому прибавить ее. Прерывистый, — прибавляемъ не: «непрерывистый». Для моего чувства это нѣчто дикое. Непрерывный, — отнимаемъ не, — получается брюсовское прерывный, для меня, опять-таки, — дубовое слово.

Стр. 141. На смерть И. Л. Облелѣянный тихой печалью.

У Даля слова облелѣянный—нѣтъ. Подходящее къ этому понятіе мы находимъ въ глаголѣ «лелѣять». Глаголъ этотъ такого же стариннаго характера, какъ глаголы «нѣжить» и «вѣдать». Чтобы понять, въ чемъ заключается несуразность брюсовскаго «облелѣянный», я пробовалъ произвести новыя понятія изъ этихъ двухъ старинныхъ глаголовъ, но получившіяся слова «обнѣжить» и «обвѣдать» — кромѣ своихъ грубыхъ формъ мнѣ не дали ничего. Конечно, между «облелѣянный» и «обнѣженный» есть что-тс общее, но что именно, я самъ хорошенько не пойму. Груба ли приставка об къ этимъ глаголамъ, можетъ-быть, лучше сказать олелѣянный, онѣженный, овѣданный? Или, можетъ-быть, ошибка здѣсь въ томъ, что г. Брюсовъ пренебрегъ экономіей языка? Что это такое еще за экономія языка, сейчасъ объясню. Я думаю, что каждая новая приставка, каждый суффиксъ выражаютъ совершенно новое понятіе, и тѣ частички слова, которыя произведутъ понятіе, уже выраженное, существующее въ языкѣ, — будутъ создавать немузыкальныя слова: языкъ не терпитъ тавтологіи. Глаголы «рѣзать», «бѣжать» подтверждаютъ, кажется, мою мысль: каждая приставка къ нимъ создаетъ новое понятіе: у-бѣжать, за-бѣжать, при-бѣжать, от-бѣжать и т. д., за-рѣзать, у-рѣзать, раз-рѣзать, от-рѣзать, об-рѣзать. Но дѣло въ томъ, что слова появляются въ языкѣ послѣ того, какъ интеллектъ уловитъ разницу въ извѣстныхъ понятіяхъ. Я выразился бы въ этомъ случаѣ такъ, что дѣйствія глаголовъ «бѣжать» и «рѣ-

зать» уже дифференцированы въ нашихъ понятіяхъ. Поэтому приставки и создали такъ много разныхъ словъ съ однимъ и тѣмъ же корнемъ. Тавтологіи нѣтъ, экономія языка соблюдена,—слова поэтому хороши. Но глаголъ лелѣять мало нами дифференцированъ, и мы не представляемъ себѣ новаго понятія, образующагося отъ приставки об. Такимъ образомъ, я объясняю несуразность брюсовскаго выраженія тѣмъ, что наше ухо, присутствуя при соревнованіи двухъ словъ съ одинаковымъ понятіемъ, выбираетъ себѣ старое, хорошо уже извѣстное. Наше сердце знаетъ: лелѣять и взлелѣять. Первое — покоить, заботиться; второе—вырастить съ любовью. Какія бы приставки мы ни прибавляли дальше, все равно, ничего большаго, кромѣ этихъ двухъ понятій, мы не получимъ.

Въ наше время мы еще не понимаемъ, что такое значитъ: улелѣять, перелелѣять, залелѣять, облелѣять,—для насъ это дико, грубо, и больше ничего.

Изъ сборника «Вѣнокъ».
Стр. 162. Конь блѣдъ.
Руки простирала къ огневѣющему дню

Глагола «огневѣть» тоже нѣтъ у Даля. Подъ словомъ огонь записано много разныхъ словъ, выраженій и поговорокъ, но нѣтъ ничего такого, чтобы давало хотя бы намекъ на такую неуклюжую форму, какъ «огневѣть», даже и не огневѣть, а «огневѣющій». Не потому ли это, что гнѣвъ даетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ что-то сходное съ огневѣющимъ: есть глаголъ «огнѣвить» и причастіе отъ него будетъ огнѣвившій.

Изъ сборника «Пути и Перепутья».
Стр. 5. Утренняя звѣзда.
На черно-безжизненный садъ,
Изъ вышины,
Послѣднія звѣзды глядятъ.

Предлоги.

Переходя отъ новостей въ словахъ къ новостямъ въ примѣненіи предлоговъ,—на первый разъ мы встрѣчаемся съ неудачнымъ случаемъ. Предлогъ изъ особенно неудобенъ для всякихъ новшествъ потому именно, что онъ особенно какъ-то предпочитается инородцами, говорящими по-русски. Предлоги вообще—камень преткновенія инородцевъ, и стилистамъ нужно всегда имѣть въ виду это обстоятельство. Ко-

гда отъ говорящаго по-русски мы слышимъ вмѣсто «возьми съ него плату» — «возьми изъ него плату», то для насъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ инородцемъ. Предлогъ съ почему-то не уживается съ инородческимъ выговоромъ, онъ настойчиво передѣлывается ими въ зъ, поэтому инородцы говорятъ: «возьми зъ меня примѣръ». Нѣкоторые особенно усердствуютъ въ исправленіи кажущейся имъ ошибки русскаго языка и говорятъ: «возьми изъ меня примѣръ». И вотъ съ этою-то особенностью предлога съ, повторяю, стилисту слѣдуетъ считаться, потому что инородцы встрѣчаются во всѣхъ слояхъ русскаго общества, и каждому русскому хорошо извѣстна ихъ неудача съ предлогомъ съ. Пренебрегая осторожностью въ разсматриваемомъ случаѣ, поэтъ даетъ поводъ къ улыбкѣ, т. к. его фраза походитъ на фразу изъ шуточнаго армянскаго стихотворенія, и это сравненіе тѣмъ болѣе справедливо, что глаголъ «глядѣть» позволяетъ глядѣть изъ окна, изъ сада,—но не изъ воздушнаго шара, не изъ вышины, не изъ колокольни, не изъ крыши дома.

Стр. 34. Три свиданья.
Стоитъ ли жизнь, чтобы плакать объ ней.

Я слышалъ такое наблюденіе: когда слово, стоящее передъ предлогомъ, начинается съ гласной буквы, то для благозвучія ставятъ предлогъ объ, напримѣръ: объ охотѣ, объ ярмаркѣ, объ яблокѣ. Передъ согласными же употребляются предлоги о и обо, напримѣръ: о ней, о жизни, обо мнѣ. Справедливо это наблюденіе или нѣтъ, конечно,— вопросъ, но нѣтъ вопроса, что лучше, о ней или объ ней.

Стр. 39. Идеалъ.
Которое въ да́ли лазоревой та́я.

Въ поискахъ, почему эта строчка, совершенно правильно составленная, рѣжетъ, тѣмъ не менѣе, мой слухъ,—я наткнулся у Грота на такое наблюденіе относительно непріятнаго для меня выраженія въ да́ли. Въ словахъ вверхъ, вдали, кстати и т. п. предлоги пишутся слитно съ существительными, но тѣ же слова пишутся врозь, когда къ

имени существительному присоединино опредѣленіе, напримѣръ: въ самый верхъ, съ какой стати, въ лазоревой дали. При этомъ любопытно слѣдующее явленіе: съ точки зрѣнія логики ума, выраженіе въ верхъ самый и въ самый верхъ одно и то же, въ первомъ даже слышенъ стихъ Жуковскаго:

Съ царевною Еленою Прекрасною.
Богатыхъ всѣхъ дворянъ мелкопомѣстныхъ.

На что бы, кажется, лучше словооборота, а между тѣмъ для уха пріятнѣе въ самый верхъ, чѣмъ въ верхъ самый. Точно то же нужно сказать и относительно брюсовскаго въ да́ли лазоревой. Если выбирать между «въ лазоревой дали́» и «въ да́ли лазоревой»— то, конечно, уже «въ лазоревой дали́» лучше... Какая тому причина,—я не знаю. Можетъ-быть, здѣсь грамматика права, можетъ-быть, у г. Брюсова падежъ здѣсь выходитъ не тотъ. Такъ, родительный отъ даль будетъ да́ли, а предложный въ дали́. По смыслу рѣчи слѣдуетъ поставить предложный въ дали́, а по ударенію стиха приходится какъ бы взять родительный да́ли.

То былъ мотылекъ, пилигримъ вечеровъ,
Который подслушалъ прощанье безъ словъ,
То было смущенное облачко мая,
Которое, въ да́ли лазоревой та́я...

На это конечно можно возразить, что предложный правильнѣе будетъ произносить въ да́ли, а не въ дали́. Однако стоитъ только попробовать спросить кого-нибудь, но не Эллиса, конечно,—какъ нужно составить фразу, чтобы нарѣчіе вдали было раздѣлено на предлогъ и на существительное, и мы увидимъ, что большинство скажетъ въ дали́, а не въ да́ли. Но пусть этотъ опытъ будетъ неубѣдителенъ, въ русской поэзіи есть примѣръ съ этимъ

существительнымъ. Поэтъ К. Р. имѣетъ въ «Баркароллѣ» между прочимъ, такую строчку:

Тамъ, въ голубомъ просторѣ, въ лазоревой дали
Забудемъ мы и горе, и бѣдствія земли.

Вѣроятно есть какія-нибудь и грамматическія объясненія, почему нужно произносить въ далѝ, а не въ да́ли, для меня же лично неудобство произношенія въ да́ли усугубляется еще тѣмъ соображеніемъ, что вда́ли похоже по созвучію на вульгарное фабричное выраженіе вда́ли отъ глагола вдать,—всыпать, ударить: «какъ вдали ему перцу». Мнѣ еще приходитъ въ голову объясненіе, почему именно для слуха пріятнѣе въ далѝ, чѣмъ въ да́ли. Въ далѝ чаще употребляется потому, что большинство путаетъ нарѣчіе съ существительнымъ. Музыка нарѣчія вытѣсняетъ, такимъ образомъ, произношеніе существительнаго, но не всегда, конечно, а въ нѣкоторыхъ только падежахъ.

Нужно сказать, что всѣ эти хитросплетенія и не нужны были бы, если бы всѣмъ и каждому ясно было, что предложный падежъ слѣдуетъ произносить въ далѝ, а не въ да́ли. Между тѣмъ слѣдуетъ сознаться, что съ произношеніемъ въ этомъ случаѣ—дѣло темное, настолько темное, что авторитетъ науки даже не въ силахъ поколебать ошибки. Если бы профессоръ Брандтъ заявилъ бы, что-де правильно будетъ такое-то произношеніе, то это все равно не доказало бы ничего ни мнѣ ни г. Брюсову, разъ онъ можетъ писать въ да́ли, а я оспариваю это произношеніе. Когда Тютчевъ, которому г. Брюсовъ, между прочимъ, настойчиво подражаетъ въ ошибкахъ, пишетъ въ ку́стахъ зелени, то даже каждому дураку очевидно, что удареніе не тамъ поставлено, но когда г. Брюсовъ путаетъ су́дьбы съ судьба́ми—то́лпы съ толпа́ми*), въ да-

*) У Крылова: Такъ за слономъ то́лпы зѣвакъ ходили.

лисъ въ дали,—то не такъ-то легко установить ошибку. У Брюсова есть такія строчки, что, читая ихъ, никакъ не поймешь произношенія автора:

А ночь, охотникъ съ вѣрнымъ лукомъ,
Кладетъ на тетиву стрѣлу.

Вотъ примѣръ. Какъ авторъ произноситъ: те́тиву или тетиву́?

И ратей пролитую кровь
Ты бросилъ на вѣсы, надменный,—
И перевѣсила любовь!
Когда вершились судьбы міра.

Какъ читаетъ авторъ су́дьбы или судьбы́?
Точно такъ же и въ да́ли. Строчка съ этимъ выраженіемъ такъ хитро составлена, что, читая ее не такъ, какъ требуетъ логика ума, а какъ инстинктивно хочетъ логика языка, не получаешь сначала сюрприза, потому что, чувствуя неподходящій размѣръ, думаешь, что здѣсь имѣетъ мѣсто обыкновенная привычка новыхъ поэтовъ разбивать однообразный размѣръ стиха строчкою, написанною совершенно въ другомъ размѣрѣ, например:

Когда мы бывали
Томительно сцѣплены
(Руки и губы,
И груди, и плечи),
Изнемогая
Въ сладостной мукѣ,—
И т. д.

Точно такъ же и здѣсь:

То былъ мотылекъ, пилигримъ вечеровъ,
Который подслушалъ прощанье безъ словъ,
То было смущенное облачко мая,
Которое, въ дали́ лазоревой тая.
Надъ лиліей видѣло алый цвѣтокъ.

Нарушенiе размѣра при условiи произношенiя въ дали́ дѣлаетъ технику стихотворенiя похожею на предыдущее:

И груди, и плечи,
Изнемогая
Въ сладостной мукѣ.

Но измѣненiе размѣра въ стихотворенiи «Когда мы бывали» само собой очевидно, здѣсь же въ строчкѣ съ этимъ въ да́ли его можно только предполагать. Это какая-то шутка съ читателемъ, игра въ загадки: пусть кто-нибудь отгадаетъ, въ какомъ размѣрѣ написана поэтомъ строчка. Я не знаю, конечно, чему приписать эту шутку съ читателемъ. Можетъ-быть въ ней есть высшая аристократичность мастерства, какъ, напримѣръ, шестой палецъ у папы Сикста на дрезденскомъ Рафаэлѣ, но можетъ-быть это—месть логики языка за то варварство, которое проявляетъ поэтъ по отношенiю къ нему.

Во всяко́мъ случаѣ это чрезвычайно любопытная строчка. Она показываетъ, что у языка есть своя собственная логика, а у этой логики есть свои собственные капризы и привычки. Можно не обращать на эту логику никакого вниманiя и подобно г. Брюсову руководствоваться лишь логикою ума, но въ царствѣ стиховъ, — въ этомъ царствѣ языка,—не думается, чтобы подобная борьба говорила объ изяществѣ нашего эстетическаго вкуса.

Стр. 72. Числа.

Вамъ поклоняюсь, васъ желаю, числа.
Свободныя, безплотныя какъ тѣни,
Вы радугой связующей повисли
Къ раздумiямъ съ вершины вдохновенья.

По-русски висѣть и повиснуть можно на комъ, на чемъ и надъ кѣмъ, надъ чѣмъ, но нельзя повиснуть къ кому, къ чему. Мнѣ кажется это настолько ясно, что я даже не могу рѣшиться и доказывать что-нибудь. Считаю гораздо болѣе интереснымъ обратить вниманiе на второй предлогъ, съ:

. . . . повисли
Къ раздумiямъ съ вершины вдохновенья.

Мѣсто предлога съ таково, что смыслъ преложенія туманенъ. Въ самомъ дѣлѣ, что́ такое хочетъ сказать поэтъ: радуга ли спустилась съ вершины вдохновенья, или поэтъ раздумываетъ съ вершины вдохновеній, и радуга спустилась къ раздумьямъ его.

Стр. 76. Предисловіе къ Третьей Стражѣ.
И было мнѣ такъ сладко въ дѣтствѣ,
Слѣдить мелькающую нить,
Стр. 80. Я.
Я изслѣдилъ пути въ огняхъ безъ огней,
Стр. 93. Флоренція Декамеронъ.
Красавца видя, всѣ полны отравой,
И долго жадный взоръ его слѣдитъ.
Стр. 128. Дозоръ:
Я слѣжу дозоромъ
Медленные дни.
Изъ сборника «Вѣнокъ».
Стр. 63. Жрицѣ луны.
Храня таинственный чередъ,
Слѣдишь ты мѣсяцъ перемѣнный.

Глаголъ «слѣдить» на русскомъ языкѣ значитъ дѣлать слѣды на чемъ-нибудь. Когда же по-русски хотятъ сказать «слѣдить» въ смыслѣ наблюдать, то прибавляютъ предлогъ за: слѣдить за кѣмъ-нибудь. Тѣмъ не менѣе, слѣдить, въ смыслѣ наблюдать, употребляютъ иногда и безъ предлога за, но это дѣлаютъ для того, чтобы придать рѣчи старинный стиль.

Между прочимъ, глаголъ слѣдить очень любопытенъ, какъ примѣръ, характеризующій эволюцію языка. Въ отдаленный періодъ жизни человѣчества, въ періодъ скитанія по полямъ и лѣсамъ, по грязи и слякоти, глаголъ этотъ, вѣроятно, могъ имѣть не одно только значеніе оставлять гдѣ-нибудь слѣды. Весьма можетъ статься, что его употребляли въ разговорѣ, какъ глаголъ охотиться, какъ глаголъ жить, ходить и т. п. Почему не возможно, что нашъ отдаленный предокъ на вопросъ: ну что, братъ, живешь еще? отвѣчалъ:— «слѣжу», а не говорилъ «живу». Я предполагаю такой разговоръ возможнымъ потому, что жизнь такъ тѣсно была связана съ возможностью дѣлать слѣды на равнинахъ Россіи, что сказать тогда «живу» все равно было, что сказать, «слѣжу». Въ силу того обстоятельства, что желудокъ, здоровье, настроеніе, словомъ, все такъ тѣсно было связано съ глаголомъ дѣлать слѣды, что глаголъ этотъ вызывалъ у древнихъ русскихъ какія-нибудь особенныя ощущенія, теперь намъ совершенно непонятныя и незнакомыя. Теперь тягостная работа ногъ не говоритъ нашей душѣ уже ни о чемъ: мы ѣздимъ на извозчикахъ, по желѣзной дорогѣ, на трамваяхъ, автомобиляхъ и т. п. Для правильнаго пониманія глагола слѣдить

мы нуждаемся теперь въ помощи приставокъ и предлоговъ. Мы говоримъ теперь: «слѣдить за кѣмъ-нибудь», «прослѣдить кого-нибудь», «услѣдить когонибудь». Тамъ, гдѣ глаголъ «слѣдить» ставится около существительныхъ, помогающихъ понять этотъ глаголъ посовременному,—тамъ, хотя и съ большою натяжкой, мы все же миримся съ этимъ страннымъ «слѣдить», напримѣръ: слѣдить путь, слѣдить поле. Но какъ только поэты пробуютъ поставить «слѣдить» около такихъ существительныхъ, на которыхъ слѣды нельзя оставить, то безъ предлога нѣтъ возможности обойтись. Никто не можетъ себѣ представить, какимъ бы сильнымъ воображеніемъ онъ ни обладалъ, какъ можно оставить слѣды на дымѣ, на мысли, на водѣ и т. п. У г. Брюсова даже на человѣкѣ можно оставить слѣды:

И долго жадный взоръ его слѣдилъ.

Однако, злоупотребленія непонятнымъ намъ старинным словомъ приводятъ поэзію къ такимъ курьезамъ и двусмысленностямъ, которые автору, конечно, нежелательны. Напримѣръ, въ стихотвореніи «Я» говорится, что поэтъ, будучи на островѣ Мечты, «гдѣ статуи, гдѣ пѣсни», изслѣдилъ все. Говоря другими словами, онъ оставилъ послѣ себя слѣды возлѣ статуй и на путяхъ, т.-е. на дорогахъ. Какіе это слѣды, поэтъ не говоритъ, онъ только дѣлаетъ намекъ на то, что онъ не стѣснялся даже освѣщенія:

Я изслѣдилъ пути въ огняхъ и безъ огней.

Объясненіе такой неразборчивости мы находимъ въ предисловіи къ Третьей Стражѣ, гдѣ поэтъ отмѣчаетъ наблюдавшуюся у него еще въ дѣтствѣ наклонность туриста оставлять вездѣ послѣ себя слѣды: будучи дитятей, поэтъ любилъ оставлять слѣды наниткахъ. Въ стихотвореніи, посвященномъ Жри-

цѣ луны, разсказывается про героиню, что она въ таинственный чередъ оставляетъ на мѣсяцѣ какіе-то очень странные слѣды. Этого всего мало еще,—поэтъ ухитряется даже на медленныхъ дняхъ оставить какіе-то слѣды послѣ дозора.

Ну, все это, конечно, — буффонада, она не заслуживаетъ никакого вниманія, и я извиняюсь передъ читателемъ за трату его времени на прочтеніе этихъ нѣсколькихъ строчекъ. Однако, поэзія не должна давать даже и намека на шутку тамъ, гдѣ совершенно не желательно, чтобы былъ подобный намекъ. Каждый благоразумный человѣкъ, когда хочетъ итти близко отъ воды, долженъ быть готовъ замочиться. Тотъ же, кто не понимаетъ этого, — или неразуменъ, или слѣпъ.

Стр. 132. Слѣпой.
Въ слѣдъ спутнику минутному
Смотрю я долго, смутно.

Вотъ,—любопытный случай нарушенія музыки языка изъ-за правильности въ построеніи фразы. Предлогъ въ, поставленный отдѣльно отъ существительнаго слѣдъ, вызываетъ въ насъ представленіе о какомъ-то комическомъ положеніи поэта, который, остановившись на улицѣ, смотритъ на слѣдъ, оставленный ногой слѣпого. Между тѣмъ, поэтъ хотѣлъ сказать, что онъ глядитъ на самого уходящаго слѣпого, а не на слѣды его.

Стр. 185. Царю Сѣвернаго Полюса, VI.
Къ цѣли жизни онъ проникъ.
Стр. 187, тамъ же, VII.
Если къ тайнѣ заповѣданной
Взоръ единой думѣ преданный.
Съ дерзкой радостью проникъ.

Когда въ русскомъ языкѣ глаголъ «проникнуть» связывается съ существительными тайна и цѣль жизни, то говорятъ проникнуть въ тайну, проникнуть въ цѣль жизни, а не проникнуть къ тайнѣ и къ цѣли жизни. Предлогъ къ дѣлаетъ изъ тайны и изъ цѣли жизни, изъ отвлеченныхъ понятій, какіе-то конкретные образы. Уже въ такихъ сравнительно понятныхъ выраженіяхъ, какъ «мы проникли къ источнику», «мы проникли къ дому», предлогъ къ дѣлаетъ фразу дубоватою и порождаетъ потребность замѣнить ее чѣмъ-нибудь въ родѣ «мы достигли источника», «мы подошли къ дому». Съ глаголомъ проникнуть предлогъ къ

умѣстенъ только въ условныхъ выраженіяхъ: «они проникли къ фараону», «воръ проникъ ко мнѣ»,—однако не слѣдуетъ забывать, что въ случаяхъ, подобныхъ приведеннымъ, я и фараонъ взяты въ смыслѣ дома, помѣщенія, комнаты, но не въ смыслѣ личности, индивидуальности. Смыслъ этихъ я и фараона, такой же, какъ въ выраженіи: «я у себя принимаю гостей». «Я былъ у Ивана Ивановича»—не значитъ, что я былъ около Ивана Ивановича, но что я былъ у него въ домѣ. Точно то же и относительно фараона: проникли къ фараону, значитъ, проникли въ помѣщеніе, гдѣ находился фараонъ, а не къ самому фараону подошли. Если желать выразиться подобнымъ же образомъ про тайну, то необходимо, во-первыхъ, чтобы у тайны было какое-нибудь помѣщеніе, во-вторыхъ, чтобы самою тайной назывался какой-нибудь такой предметъ, существованіе котораго было бы уже всѣмъ извѣстно. Вообще, при подобномъ выраженіи необходимо сплетеніе множества обстоятельствъ и понятій, совершенно независимыхъ отъ догадокъ читателя. Заставлять же его самого блуждать среди разныхъ предположеній и вопросовъ, какъ-де поэтъ разумѣлъ въ данномъ случаѣ тайну,—въ общемъ или какомъ-нибудь необыкновенномъ смыслѣ,—значитъ превращать чтеніе стиховъ въ отгадываніе ребусовъ и шарадъ.

Стр. 196. Замкнутые.
Я слушалъ между нихъ заученный напѣвъ.

Въ чемъ ошибка въ этой фразѣ—я не пойму, но для меня ясно, что фраза составлена дико и нескладно. Здѣсь не понятно: слушалъ ли я заученный напѣвъ, находясь между ними, или же я слушалъ напѣвъ, разученный между ними? Опять-таки, отыскивая причину недоразумѣнія, я встрѣтилъ въ одной грамматикѣ такое наблюденіе: «нарѣчія употребляются въ значеніи предлоговъ, но тогда они требуютъ падежа». Тамъ было нѣсколько примѣровъ справедливости этого правила,

но къ между примѣра не было, самъ же я, сколько ни бился, не могъ подобрать примѣра такъ, чтобы между было нарѣчіемъ. Но найди я этотъ примѣръ, можетъ-быть, было бы ясно что все дѣло ошибки у г. Брюсова—въ неосторожномъ обращеніи съ этимъ злосчастнымъ предлогомъ между, который, требуя въ разсматриваемомъ мѣстѣ падежа, получилъ ихъ какъ бы сразу два, изъ которыхъ каждый тянетъ это между къ себѣ, и читатель находится вслѣдствіе этого въ недоумѣніи, къ какому падежу слѣдуетъ отнести между. Однако, мнѣ представляется справедливымъ и то соображеніе, что здѣсь дѣло въ случайномъ совпаденіи двухъ такихъ глаголовъ, которые оба отвѣчаютъ на одни и тѣ же вопросы.

Слушалъ—между кого, между чего, слушалъ—между кѣмъ, чѣмъ. Заученный—между кого, чего; заученный—между кѣмъ, чѣмъ. Правда, заученный между кого, чего, т.-е. заученный между нихъ какъ-будто и нескладно и неправильно выходитъ, но неправильность здѣсь такого рода, что на первый взглядъ она кажется относящеюся больше къ грубому вкусу языка, чѣмъ къ грамматикѣ. Напримѣръ, фабричный говоръ знаетъ такой словооборотъ: «мы говорили промежду себя» т.-е. нѣчто близкое къ заученному между нихъ.

Изъ сборника «Вѣнокъ». Стр. 100. Въ ресторанѣ. Смотри изъ пытки на меня.

По-русски не говорятъ «смотрѣть изъ пытки», а—«смотрѣть въ пыткѣ». При этомъ смыслъ этого выраженія будетъ приближаться къ спеціализировавшимся выраженіямъ, а не къ буквально точнымъ, потому что, буквально точно понимая «смотрѣть въ пыткѣ»,— приходится подгонять это выраженіе подъ такой смыслъ, что-де разсматривать что-нибудь, находящееся въ пыткѣ. Между тѣмъ всѣ отлично понимаютъ, что выраженіе это ничего подобнаго и не имѣетъ въ виду. Такимъ образомъ, «смотрѣть въ пыткѣ» условное

выраженіе. Отсюда тотъ выводъ, что, говоря даже въ обычномъ словопониманіи, нужно быть очень чуткимъ съ этимъ «смотрѣть въ пыткѣ», чтобы не сморозить какой-нибудь чепухи. Что же можно сказать про такую смѣлость, какъ замѣна спеціальнаго предлога такимъ, который никогда не употребляется въ извѣстномъ всѣмъ выраженіи? Не говоря о результатахъ, уже самый фактъ безумія говоритъ о какой-то поразительной слѣпотѣ въ языкѣ смѣльчака: — у него какой-то въ конецъ испорченный аппаратъ рѣчи! Для чтенія поэзіи г. Брюсова нужно, подобно ребенку, бѣгать за разъясненіемъ каждаго выраженія къ старшимъ. Для этой поэзіи не существуетъ ни русскаго языка, ни его характера, ни его особенностей, — есть одна только воля поэта, одно его самодурство: какъ хочу — такъ и ворочу. Хочу сказать такъ и скажу, а читатель пусть отгадываетъ, чтó такое я хотѣлъ. И вотъ, читатель ломаетъ себѣ голову, чтó такое сказано въ строчкѣ: «Смотри изъ пытки на меня»? По построенію это выраженіе мало походитъ на «смотрѣть въ пыткѣ»,—оно больше приближается къ тому смыслу, который имѣютъ выраженія: «онъ смотритъ такъ изъ расчета», «онъ дѣлаетъ такъ изъ ревности», т.-е. не изъ средины какого-нибудь предмета, а вслѣдствіе извѣстнаго цикла чувствъ и умозаключеній. Такъ что

Смотри изъ пытки на меня

можно понимать какъ желаніе говорящаго мучиться отъ взгляда смотрящаго субъекта. Дѣло происходитъ въ ресторанѣ, говорящій допился до извѣстной точки, какъ говорятъ, и у него, можетъ статься, появилась такая идея.

Звени огнемъ,—стаканъ къ стакану!
Смотри изъ пытки на меня!
Плыветъ, плыветъ по ресторану
Синь воскресающаго дня.

Но я не утверждаю этого предположенія, что изъ пытки — то же самое,

что и изъ ревности, я говорю лишь, что смыслъ выраженія изъ пытки больше походитъ на смыслъ изъ ревности, чѣмъ на смыслъ въ пыткѣ. Похожимъ быть, какъ извѣстно, не значитъ быть тожественнымъ. И какъ мы ни старайся понимать выраженіе г. Брюсова, правильно или неправильно, въ обоихъ случаяхъ мы будемъ имѣть дѣло съ натяжкой, а это едва ли допустимо въ поэзіи.

Стр. 101. Въ вагонѣ.
И было здѣсь вліяніе.
Въ которомъ никли мы.

Если даже и допустить по-русски выраженіе «никнуть»—то, во всякомъ случаѣ, нужно сказать никнуть отъ вліянія, а не во вліяніи. Предлоги отъ и въ не всегда равноцѣнны: бываютъ случаи, когда все равно сказать отъ или въ. Напримѣръ, «корабль погибъ въ бурѣ» или «корабль погибъ отъ бури»—разница въ центрѣ тяжести смысла фразы, но грамматичность и въ томъ и въ другомъ случаѣ—правильна. Другое дѣло въ выраженіи: «погибъ въ пучинѣ», «погибъ въ сраженіи». Здѣсь уже будетъ неправильно сказать погибъ отъ сраженія, погибъ отъ пучины. Вліяніе и никнуть—не такія два слова, которыя могли бы связываться двумя предлогами отъ и въ.

Стр. 123. Къ Тихому Океану.
Шли мы, слѣпые, и вскрылся намъ ты,
Тихій! Великій!

Говорятъ по-русски: рѣки вскрылись. Это значитъ, что весною рѣки вскрылись изъ-подо льда. Но какъ можетъ вскрыться океанъ, да еще Великій, то-есть—не замерзающій,—это прямо—непостижимо уму человѣческому. Про море и океанъ говорятъ, что когда путешественники приближаются къ нимъ, то они «открываются глазамъ». Однако, я долженъ сознаться, что, при болѣе внимательномъ чтеніи стихотворенія, я нашелъ, что недоумѣніе мое сильно должно понизиться. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи упрека поэтъ совершенно свободенъ. Дѣло въ томъ, что рѣчь въ стихотвореніи ведется отъ лица слѣпыхъ, для которыхъ, конечно, все равно—вскрылся или открылся

океанъ. У меня только одно сомнѣніе въ данномъ случаѣ: я никогда не слыхивалъ, чтобы слѣпота такъ вліяла на органъ рѣчи, что слѣпые перестаютъ правильно говорить на родномъ языкѣ.

Стр. 145. Фонарики.
Но пляшутъ отраженія, как ъ змѣи, по водѣ.

Авторъ хочетъ сказать, что змѣевидныя отраженія пляшутъ по водѣ,—а по смыслу, отъ разстановки словъ, выходитъ, что отраженія такъ же пляшутъ, какъ пляшутъ змѣи по водѣ. Расположеніе словъ въ этомъ стихѣ таково, что выраженіе «какъ змѣи по водѣ», несмотря на выдѣленіе запятыми двухъ словъ какъ змѣи, составляетъ одно цѣлое, и читателю предоставляется работать воображеніемъ, чтобы представить себѣ змѣй пляшущихъ на водѣ; мнѣ кажется, что этотъ примѣръ идеаленъ для книжки «Теорія Поэзіи». Онъ очень хорошо доказываетъ, что запятыя и знаки препинанія, вообще — плохіе помощники для стиховъ. Въ научномъ сочиненіи, гдѣ мысль всегда готова двадцать разъ возвратиться назадъ для того, чтобы яснѣе понять идеи книги,—тамъ знаки препинанія всегда являются вѣрными нѣмыми стражами воли автора. Но въ стихахъ и въ изящной прозѣ,гдѣ всякое усиліе, всякая темнота, трудъ, безпокойство за неловкость автора,—положительно не терпимы, тамъ на знаки препинанія едва ли можно возлагать большія надежды. Идеальный стихъ требуетъ такого расположенія словъ, чтобы смыслъ стиха былъ всегда только одинъ. Темнота смысла въ стихотвореніи допускается только такого характера, который былъ бы приличенъ святости поэзіи. Нельзя допускать такихъ намековъ, которые, понимаемые въ обыкновенномъ, прямомъ смыслѣ, могли бы вызывать улыбки у недогадливаго читателя. Напримѣръ въ данномъ случаѣ передъ нами фигурируютъ змѣи, которыя мало того, что пляшутъ, но пляшутъ еще по водѣ. Танцующая змѣя явленіе, конечно, не невозможное, но, во всякомъ случаѣ, исключительное, и едва ли можно дѣ-

лать какія-нибудь сравненія съ нимъ: кто можетъ знать, какъ будетъ танцовать змѣя, если бы и удалось даже выдрессировать ее. Будутъ ли ея́ танцы схожи съ отраженіями въ водѣ? Кромѣ этихъ глупостей, въ голову приходитъ насмѣшка относительно самой возможности змѣй плясать по водѣ. Какъ существо, имѣющее удѣльный вѣсъ большій, чѣмъ вода, змѣя, если бы она даже и выучилась плавать и танцовать, — должна бы была плясать не по водѣ, а въ водѣ. Наконецъ, самое послѣднее: для глагола плясать предлогъ на долженъ быть предпочтенъ предлогу по, потому что какъ-то складнѣе выходитъ, если говорить плясать на паркетѣ, а не—по паркету, плясать на полѣ, а не—по полю.

Неудачныя созвучія.

Изъ сборника «Пути и Перепутья».

Стр. 81. Ассаргадонъ.

Я исчерпалъ до дна тебя, земная слава.

Въ этой строчкѣ, въ глаголѣ исчерпалъ удареніе приходится на послѣднемъ слогѣ, тогда какъ по-ру́сски глаголъ этотъ произносится съ удареніемъ на второмъ. Въ удареніи г. Брюсова получается невыносимое для меня созвучіе исчерпа̀лъ.

Стр. 85. Александръ Великій.

Но не въ часъ ужасныхъ боевъ, возлѣ древнихъ Гавгемалъ.

По-русски произносятъ не бо̀евъ, а боёвъ.

И. З. Бой.	В. Бои.
Р. Боёвъ.	Т Боями.
Д. Боя̀мъ.	П. О бояхъ.

Для меня дико звучитъ: бо̀евъ, бо̀ямъ, бо̀ями, о бо̀яхъ. Въ послѣднемъ случаѣ, о бо̀яхъ, — получается даже какое-то смѣшное созвучіе, близкое къ обоихъ, т.-е. двухъ.

Стр. 87. Тамъ же.

Стихли толпы, колесницы, на равнину палъ туманъ.

То̀лпы, а не толпы́—какъ все это не по-русски, а между тѣмъ трудно доказать правильность ударенія. Это все такія скользкія мѣста, что лучшихъ г. Брюсову и подыскать невозможно.

Тѣмъ не менѣе я утверждаю, что правильнѣе по-русски будетъ звучать во множественномъ числѣ: толпы́ *), тол-

*) У Крылова: Такъ за слономъ толпы́ зѣвакъ ходили.

па́мъ, толпа́ми о толпа́хъ. Что-то дубовое и неуклюжее есть въ произношеніи тòлпы, тòлпамъ, тòлпами, о тòлпахъ.

Стр. 93. Донъ-Жуанъ.
Скиталецъ дерзкій въ неоглядномъ морѣ.

Неоглядный. У Даля подъ этимъ словомъ имѣется такая запись: неоглядка, неоглядь, неогляда. Какъ видитъ читатель, слова совсѣмъ неупотребительныя въ наше время. Вѣроятно, слова эти—что-нибудь мѣстное, собственность какой-нибудь губерніи. Есть еще слово съ такимъ же нескладнымъ характеромъ: «неоглядчивый». Правда, оно лучше другихъ, но все же лучше его «неоглядный». Однако, слово это записано въ выраженіи «неоглядное пространство», т.-е. въ единственной формѣ, признаваемой русскимъ языкомъ за удачную. Дѣйствительно, все другое неоглядное—отдаетъ какою-то несуразностью: неоглядная степь, неоглядный горизонтъ, море. Ничего въ нихъ неогляднаго нѣтъ, потому что и степь, и море, и горизонтъ—все можно оглядѣть или сразу однимъ взоромъ или постепенно, подвигаясь впередъ.

Стр. 94. Тамъ же.
Гдѣ все единственно и не случайно.

«Все единственно», — говорятъ герои разсказовъ Лейкина и Мясницкаго. Фабричные тоже любятъ это выраженіе, и оно настолько пріобрѣло специфическій характеръ, что рѣжетъ слухъ во всякой рѣчи, кромѣ шуточной.

Стр. 143. Случайной.
За безсиліемъ безстрастья.

Какъ я уже говорилъ, нѣкоторымъ сочетаніямъ словъ не подыщешь и объясненія,—почему именно они плохи. Поэтому съ радостью берешься за малѣйшій даже признакъ объясненія. Напримѣръ въ этомъ случаѣ первое, что бросается въ глаза,—темнота выраженія, пустота его. Такъ, если, вмѣсто за безсиліемъ безстрастья, сказать за безстрастіемъ безсилья, то разницы никакой не будетъ, потому что и то выраженіе и другое—такая же чепуха какъ выраженія:—за твердостью силы и за силою твердости...

Стр. 143. Памяти Е. И. П.
И таились древнія тайны.
Стр. 145. Ей же.
Другимъ — бушеванія бури.

Эти строчки слѣдовало бы поставить ниже, въ отдѣлъ геніальностей*), если бы, къ сожалѣнію, каждый читатель не могъ бы самъ выдумать чего-нибудь даже болѣе геніальнаго, какъ напримѣръ:

къ таившимся тайнамъ,—т а й н ы т а я т с я в ъ т а й н о й т а и н с т в е н н о с т и т а й н а г о;

къ бушеванію бури,—в ѣ т р е н н о с т ь в ѣ т р а, д о ж д л и в о с т ь д о ж д я, ж а р ъ ж а р а.

Стр. 177. Царю Сѣвернаго Полюса.
...смотритъ на зыби зыбей.

Опять-таки и здѣсь можно сказать: холодъ холода, твердость твердаго, мягкость мягкаго и т. д., то-есть—мокрая вода.

Только въ грубыхъ и ясныхъ случаяхъ всего легче и всего проще можно бываетъ объяснить, почему то или другое созвучіе нескладно. Грубыми и ясными я считаю тѣ сочетанія словъ, когда созвучіе, помимо воли поэта, вызываетъ смѣхъ, напоминая какое-нибудь всѣмъ хорошо извѣстное смѣшное слово. Конечно, такихъ выраженій много привести нельзя, но примѣръ ихъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что онъ даетъ вообще схему опредѣленія ошибки въ созвучіи. Такъ,—въ любомъ такомъ самомъ грубомъ и очевидномъ случаѣ мы замѣчаемъ два элемента, ярко освѣщающихъ намъ ошибку: первый элементъ—появленіе такого слова, которое бываетъ совершенно ни къ чему въ данномъ стихотвореніи; второй—само собой понятное отсутствіе воли поэта въ причинѣ появленія этого ни къ чему не идущаго слова. И такъ,—если для группы аналогичныхъ случаевъ неудачныхъ созвучій очертить кругъ, то въ центрѣ его будутъ стоять явно смѣшныя слова, образовавшіяся отъ созвучій. По мѣрѣ же удаленія отъ центра комизмъ словъ будетъ все уменьшаться, но отсутствіе воли все же окажется налицо. На самой окружности помѣстятся такія созвучія, которыя сами по себѣ не будутъ ни смѣшными, ни серьезными, но тѣмъ не менѣе очерченный мною характеръ неудачныхъ созвучій въ нихъ останется. Нужно сказать, что, изобрѣтая мой кругъ, я вовсе не хотѣлъ расположить брюсовскія неудачныя созвучія по описанному мною порядку. Кругъ этотъ нуженъ мнѣ какъ стилистическая фигура, усвоивъ которую читатель не будетъ нуждаться въ объясненіяхъ къ каждому примѣру.

Изъ сборника «Пути и Перепутья».
Стр. 24. Первыя раздумья, 2.
Скала къ скалѣ.

Скалакъ кскалѣ.

Стр. 73. Обязательства.
О, храни каждый мигъ бытія.

Охрани.

*) Такой отдѣлъ будетъ на стр. 38.

Стр. 132. Слѣпой. Веду межъ экипажей, ... И бросить вдругъ межъ экипажей.	Мешеки пажей.
Стр. 132. Тамъ же. Люблю я предразлучное Ихъ тихое спасибо.	Ихти.
Стр. 166. Преданіе о лунѣ. Повисъ, въ пучинѣ ль, въ небѣ ль.	Впучинель. Внебель, — небель простонародное произношеніе иностраннаго слова «мебель».
Стр. 198. Замкнутые. Какъ жаждалъ, хоть на часъ, я вольно отдохнуть.	Явольно.
Изъ сборника «Вѣнокъ»: Стр. 15. Вечеровыя пѣсни, «Цѣленіе». Иль позабыть во мглѣ пещеры я.	Во мглѣ пещерыя. Пещерая мгла—чѣмъ-то стариннымъ отзывается.
Стр. 30. Тамъ же. На Саймѣ, 5. Смущаясь и томясь, искала бъ темноты.	И скалабъ или искалабъ. Птемноты.
Стр. 40. Орфей и Эвридика. Что вручу объятью я.	Объять ю я.
Стр. 48. Ахиллесъ у алтаря. Нѣтъ, не выбралъ счастья я. . . . . Улыбаясь, упаду я.	Счастія. Упадуя.
Стр. 57. Въ полдень. Впивалъ всѣ краски и всѣ тѣни я.	Всетенія.
Стр. 60. Портретъ. И рада видѣньямъ.	Ирада... тирада.
Стр. 62. Жрицѣ луны. Что тебя цѣлую я.	Цѣлуюя.
Стр. 66. Молнія. Ударомъ молніи, и я.	Молнія.

Стр. 71. Антоній. Среди вспѣненныхъ боемъ струй.	Боемструй. Если бы читатель только зналъ, какъ мнѣ нравится это «боемструй». Это какое-то околдованное созвучіе, оно преслѣдуетъ меня всюду. Ахъ, боемструй, боемструй... какимъ же мастеромъ слова нужно быть, чтобы создать это боемструй!
Стр. 75. Въ трюмѣ. Нашъ міръ—молчанье, мракъ и прахъ.	Мракъ и пракъ.
Стр. 82. Два голоса. Руки, плечи,—прочь.	Даже и коментарій не нужно.
. . . .	
Жажду повторить я.	Повторитья.
Стр. 83. Изъ Ада изведенные. Края плащаницы хочу цѣловать я.	Цѣловатья.
Стр. 96. Въ игорномъ домѣ. Я—мечта, но лишь качну я.	Качнуя.
. . . .	
Я храню сомкнутымъ кругъ.	Сомкнутымкрукъ.
Стр. 142. Грядущіе гунны. Что вѣдомо было однимъ намъ.	Однимнамъ. Одни мнамъ.
Стр. 143. Къ счастливымъ. Чтобъ не былъ міръ ни твой, ни мой, ни чей.	Нитвойни, мойни.
Стр. 145. Фонарики. Хочу полюбоваться я...	Полюбоватція.
. . . .	
Тебя ли не признаю я...	Признаюя.
. . . .	
И вотъ, стою ослѣпшій я...	Ослѣпшія.
Стр. 149. Слава толпѣ. Въ пропасти улицъ закинуты, Городомъ взятые въ плѣнъ, Что мы мечтаемъ о Солнцѣ потерянномъ.	Чтомы мечтáемо.
Стр. 157. Духи огня. Молнійныхъ словъ.	Молній ныхъ словъ.

Стр. 161. Конь блѣдъ.
Заглушая гулы, говоръ, грохоты каретъ. Грохотъ и каретъ.

Теперь передъ читателемъ пройдетъ новая группа, передъ просмотромъ которой необходимо сдѣлать предупрежденіе относительно ея чрезвычайной особенности. Дѣло въ томъ, что, выписывая изъ сборниковъ тѣ мѣста стихотвореній, которыя казались мнѣ неудобными для чтенія, я не всегда могъ объяснить себѣ причину остановки и запинки во время чтенія стиховъ. Къ большому для меня огорченію необъясненная часть оказалась значительно большею, чѣмъ я разсчитывалъ, и мнѣ оставалось только сложить оружіе и, признавъ мои остановки и запинки неосновательными,—исключить необъяснимую группу изъ моей книги. Какъ вдругъ совершенно неожиданно для меня нашлось такое обстоятельство, которое утвердило мои ощущенія, и я рѣшилъ не нарушать первоначальнаго своего намѣренія. Разговаривая какъ-то съ однимъ изъ моихъ пріятелей по поводу начатой мною работы, я узналъ, что въ русской литературѣ имѣется строчка, по геніальности равная знаменитому стихотворенію въ одну строку:

О, закрой свои блѣдныя ноги.

Строчка, съ которой меня познакомилъ мой пріятель, принадлежитъ Бальмонту, и знающими людьми считается такимъ шедевромъ, равнаго которому нѣтъ ни въ какой литературѣ міра. Строчка эта вотъ какая:

Чуждый чарамъ черный челнъ.

Едва я узналъ эту строчку, какъ мнѣ вдругъ стало все ясно: созвучія, которыя я считаю неудачными, оказывается, относятся къ разряду геніальныхъ. Вотъ въ этомъ-то и было все дѣло. Тогда я подумалъ, что нѣтъ ничего несообразнаго, если я помѣщу всѣ выписанныя мною необъяснимыя созвучія въ одну группу, около которой безъ всякихъ коментарій будетъ написано только одно: «чуждый чарамъ черный челнъ». Если читатель считаетъ удивительную строчку геніальной, то и выбранныя мѣста изъ стихотвореній Брюсова должны ему показаться тоже геніальными, и онъ будетъ мнѣ только благодаренъ за то, что я доставилъ ему случай прочитать еще разъ эти геніальныя мѣста. Если же чуткость читателя будетъ подобна моей, то, видя количество неудачныхъ созвучій, онъ пойметъ, что такъ много геніальнаго едва ли можно написать одному человѣку: силы человѣческія все-таки предѣльны, а не безконечны.

Группа «чуждый чарамъ черный челнъ».

Изъ сборника «Пути и Перепутья».
Стр. 38. Идеалъ, 3.
Какъ радостныхъ радугъ...

Тамъ же, 8.
Но свѣтлой святыней...

Стр. 79. Возвращенія, Я, 3.
Какъ жрецъ стотельчихъ жертвъ.

Стр. 95. О послѣднемъ рязанскомъ князѣ.
Спой намъ нонче ты, нонче ты,
нонче ты.

Стр. 115. Въ стѣнахъ, 8.
Тянутся вѣтви видѣньями.

Стр. 135. Пѣсня.
Мнѣ поется у колодца.
. . . .
Спи между грудей.

166. Преданіе о лунѣ.
Сплелся со стеблемъ стебель.

178. Царю Сѣвернаго Полюса, III.
Совершая путь урочный, кругъ вокругъ Царицы Ночи.

181. То же, IV.
И плыли и пѣли въ метели, въ грозѣ.

182. То же, V.
Ихъ приметъ въ своихъ поляхъ.

183. То же, VI.
Тѣни ходятъ, вѣтеръ вѣетъ

185. Тамъ же, VI.
Ихъ стремится вереница.

199. Замкнутые.
Загораются румянцемъ лица,
Кровавится блѣдность губъ.

Изъ сборника «Вѣнокъ».
Стр. 9. Вечеровыя пѣсни, II.
Въ безднѣ бездонно-глубокой...

Бездна безъ дна все равно, что мокрая вода.

Стр. 10. Тамъ же, III.
Помню вечеръ, помню лѣто,
Рейна полныя струи,
Надъ померкшимъ...

Тамъ же.
Гдѣ-то пѣли, гдѣ-то пѣли
Пѣсню милой старины...
. . . .
Въ стройныхъ строфахъ...

18. Прощаніе.
Вотъ и ты печальная, отчалила.

29. На Саймѣ, 3.
Сосны, сонно онѣмѣлыя.

48. Ахиллесъ у алтаря,
Предъ стрѣлою не укрою.

Стр. 49. Бальдеру Локи.
Чѣмъ лучамъ твоимъ отвѣчу.

Стр. 83. Изъ Ада изведенные.
Къ святынямъ касаться рукой
святотатца.

Стр. 156. Духи огня.
Въ хаосъ предразсвѣтно-дозвѣ-
здный.

Стр. 161. Конь блѣдъ.
Въ гордый гимнъ сливались съ
рокотомъ колесъ и скокомъ.

Старинные слова и обороты.

Въ обычаѣ употреблять для цѣлей поэзіи старинные слова и обороты слѣдуетъ различать такіе случаи: стилизація стихотворенія, красота стариннаго выраженія и неумѣнье найти обыкновенное слово, т.-е. сомнительная способность къ стихосложенію. Первые два случая, стиль и красота старины, на практикѣ идутъ какъ-то всегда вмѣстѣ, но теоретически, конечно, слѣдуетъ допускать возможность ихъ отдѣльнаго, обособленнаго другъ отъ друга существованія.

Стихотвореніе можетъ быть и не стилизовано, но содержать въ себѣ красивые старинные обороты. Оборотовъ такихъ можетъ быть и много и мало. Къ сожалѣнію, я не встрѣчалъ еще примѣра съ многочисленными старинными словами*), но съ однимъ выраженіемъ мнѣ вспомнилась пушкинская «Полтава»:

И се, равнину оглашая,
Далече грянуло: ура...

Здѣсь нѣтъ стилизаціи, т.-е. такого пріема, который говорилъ бы о намѣреніи поэта написать произведеніе свое въ духѣ языка какой-нибудь

*) Можетъ быть, впрочемъ, и встрѣчалъ, но сейчасъ не могу вспомнить.

эпохи, какого-нибудь времени. Поэтъ лишь пользуется торжественнымъ стариннымъ оборотомъ въ подходящемъ торжественномъ мѣстѣ поэмы.

Для характеристики второго случая примѣненія старинныхъ словъ въ поэзіи, т.-е. для характеристики стариннаго стиля, указываю на шаблонный примѣръ пушкинскаго «Пророка».

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьи мнѣ явился;
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ.
. . . .
. . . .
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.

Наконецъ, какъ примѣръ неловкости въ борьбѣ со стихомъ, какъ третій случай пользованія старинными оборотами, беру двѣ строчки изъ Пѣсни, того же Пушкина.

О Делія драгая,
Спѣши, моя краса.

И такъ, я говорю, что въ поэзіи слѣдуетъ различать три случая примѣненія старинныхъ словъ. Но, насколько два изъ нихъ—стилизація и красота выраженія—полезны и необходимы, настолько третій случай—желаніе скрыть свое безсиліе въ стихосложеніи—недопустимъ и нетерпимъ. Однако, какъ же опредѣлить, къ какому изъ трехъ случаевъ относится появленіе въ стихотвореніи стариннаго оборота: къ терпимому или нетерпимому? Какъ узнать красиво или некрасиво старинное слово? Сознаюсь, что эти вопросы все время мучили меня во время моей работы. Передо мною все время назойливо вертѣлась мысль о томъ, что все выписанное мною вовсе не уродливо, какъ мнѣ кажется, а, напротивъ, очень красиво. Поэтому мнѣ пришлось многое вычеркнуть изъ выписаннаго и оставить лишь яркіе примѣры, доказывающіе, что, или авторъ неправильно понимаетъ старинное слово, или же онъ ставитъ его по безсилію въ стихосложеніи. Правда, мнѣ не всегда удавалось во́-время остановиться, и я выписывалъ такія слова и выраженія, относительно которыхъ я никакъ не могъ подыскать объясненій, почему именно эти слова нехороши,—но въ утѣшеніе читателя могу одно сказать, что такихъ необъяснимыхъ мѣстъ въ книгахъ г. Брюсова гораздо больше, чѣмъ я выписалъ.

Между прочимъ, чрезмѣрное обиліе не только старинныхъ выраженій, но и какихъ-то особенныхъ, малоупотребительныхъ въ хорошемъ говорѣ выраженій—толкаетъ меня сказать слѣдующее. Особенности слога поэзіи г. Брюсова таковы, что по характеру этого слога личность поэта слѣдуетъ отнести къ духовному званію. Я не думаю, чтобы подобное заявленіе было новостью: всѣмъ извѣстно, что лица, хорошо знающія г. Брюсова, называютъ его магомъ, а магъ,—вѣдь, персидское священническое званіе.

Изъ сборника «Пути и Перепутья».
Стр. III. Въ Стѣнахъ, I.
Ахъ, книги краше розъ.

Краше, а не красивѣе, говоритъ поэтъ. Однако, въ общежитіи краше встрѣчается въ разговорномъ языкѣ поповъ, а красивѣе—у мирянъ. Если поэтъ считаетъ это краше очень удачнымъ выраженіемъ, то, конечно, ему и книги въ руки, что называется, но если краше взято для стиля, то напомню читателю, что это старинное слово—единственное во всемъ стихотвореніи.

Стр. 116. Тамъ же, II.
Огни уползающихъ конокъ
Браздятъ потемнѣвшій туманъ.

Относительно «браздятъ» у Даля записано: бразда, борозда — желобчатая полоса. Бразда болѣе употребительна во множественномъ числѣ. Бразды—конскія удила, бразды власти, бразды правленія. Глагола нѣтъ отъ бразды, онъ указанъ у Даля отъ борозда—бороздить. Итакъ бразды—старинное слово, понимаемое теперь какъ нѣчто характеризующее власть. Бороздить—современное. Въ какомъ же значеніи поставилъ г. Брюсовъ свое выраженіе браздятъ? Если въ старинномъ, то онъ самъ образовалъ глаголъ, т. к. глагола отъ бразды нѣтъ. Но допустимъ, что есть. Тогда выходитъ, что огни конокъ управляютъ туманомъ. Я не понимаю, что это должно обозначать. Если этимъ желаютъ сказать, что посредствомъ огней конокъ люди оріентируются въ потемнѣвшемъ туманѣ, то такое выраженіе будетъ очень натянуто, потому что нужно очень долго думать, чтобы подыскать что-нибудь похожее на логику.

Если же выраженіе «браздятъ потѣмнѣвшій туманъ» сказано въ смыслѣ того, что огни конокъ дѣлаютъ борозды въ потемнѣвшемъ туманѣ, то это очень странно, если не сказать бóльшаго. Въ потемнѣвшемъ туманѣ, ночью разсмотрѣть какія-то борозды, да еще отъ огней, т.-е. отъ того, что никакого слѣда не оставляетъ, какъ развѣ только въ видѣ пожара гдѣ-нибудь... что же это такое за поэзія! Правда, нѣкоторыя поклонницы поэзіи г. Брюсова утверждаютъ, что борозды — это лучи отъ фонарей. Однако, по моему мнѣнію, лучи — это лучи, а борозды—борозды. Вовсе и по-

этомъ не нужно быть, чтобы умѣть отличать лучъ отъ борозды.

Натяжка настолько ясна, какъ въ старинномъ пониманіи слова «браздятъ», такъ и въ современномъ, что лишнее даже распространяться о сокращеніи, которое произвелъ поэтъ, не справившись со стихомъ. Если понимать браздятъ, какъ дѣлаютъ борозды, то слѣдовало бы сказать бороздятъ.

Стр. 119. Любовь.
Клони чело свое до праха.

Въ стихотвореніи 12 строкъ, изъ которыхъ одна составлена въ старинномъ стилѣ.

Тамъ же, 3.
Съ усладой повторяю: пусть!

Услада, хотя и отвлеченное понятіе, но не есть нѣчто самостоятельное, какъ напримѣръ: наслажденіе, горе, восторгъ и т. п. Услада—это то же, что пища, отрава, добро, т.-е. названіе качества предмета, вещества. Есть подобныя же отвлеченныя понятія, но болѣе самостоятельныя, напримѣръ: горе, восторгъ, страсть и т. п. названія психическаго состоянія.

Можно сказать:

Съ наслажденіемъ повторяю: пусть!
Съ восторгомъ повторяю: пусть!
Со страстью повторяю: пусть.

Однако нельзя сказать:

Съ отравой повторяю: пусть!
Съ пищей повторяю: пусть!
Съ усладой повторяю: пусть!

Въ этихъ послѣднихъ примѣрахъ выходитъ, что у говорящаго подобныя фразы находится во рту пища, отрава, услада, и онъ повторяетъ: пусть! Безсмыслица явная.

Но кромѣ этого, разсматриваемая строчка имѣетъ еще и другой смыслъ, именно: сначала «пусть» произноситъ какая-то пища или услада, а за ней поэтъ повторяетъ то же самое. Такъ что фраза имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ если бы кто сказалъ: «я повторяю съ нимъ: пусть!»

Стр. 120. Еще сказка, 4.
Въ облакахъ игра перламутра,
Румянецъ затепленный тихъ.

Стр. 126. Еще сказка, 12.
Гдѣ лампъ кровавый свѣтъ затепленъ навсегда.

Непонятно, что такое происходитъ съ румянцемъ: утихаетъ онъ или онъ тихій самъ по себѣ.

А затѣмъ относительно затеплить нужно сказать слѣдующее. Теплить, жечь, палить легко плавимое. Теплить овинъ, теплить свѣчу, лампаду. Теплить воскъ, сало. Свѣча теплится въ церкви. Вообще теплить слово старинное и въ наше время употребляется только въ такихъ выраженіяхъ, которыя всѣмъ извѣстны. Выраженія эти какъ бы сдѣлались уже условными, и потому примѣнять ихъ въ переносномъ смыслѣ очень рисковано. По крайней мѣрѣ относительно лампы и румянца сомнительно, чтобы теплить ихъ было подходящее дѣло. Говорить про нихъ такъ, все равно что взять старинное выраженіе вздуть лучину и, примѣнивъ его къ лампѣ, сказать «вздуть лампу». Мы какъ бы утеряли уже смыслъ глагола теплить,—топить, гнать изъ чего-нибудь составную часть. И когда мы говоримъ, что лампада теплится, то никто уже не думаетъ о полученіи горючаго вещества изъ негорючаго матеріала. Старина, покидая насъ, оставила намъ свое выраженіе вмѣстѣ съ указаніемъ случая его употребленія. Когда же мы отрываемъ самое выраженіе отъ случая и желаемъ пользоваться наслѣдствомъ произвольно, то само собой возникаетъ вопросъ о томъ, что такое значитъ «теплить» и, главное, можно ли примѣнять его къ румянцу и къ лампѣ? Чтеніе стиховъ превращается, такимъ образомъ, въ какую-то филологическую работу.

Стр. 128. Книжка для дѣтей, Зеленый червячокъ.
Зноя солнца не избыть.

Избыть—слово старинное, и въ разныхъ мѣстахъ Россіи оно понимается по разному. Напримѣръ: избыть—сбывать, сживать, губить, а по-ярославски—уклоняться.

«Не избывай постылаго, приберетъ Богъ милаго». «Не избылъ-таки бѣды, постигла, какъ пить дала». Но избыть значитъ тоже превосходить величиною, изобиловать, быть въ остаткѣ: «тепло да избытокъ», «хлѣбушка избываетъ-таки у насъ съ году на годъ».

Въ какомъ же смыслѣ поставилъ поэтъ свое избыть?

Зноя солнца не избыть.

Не превзойти или не избѣжать, не уничтожить зноя солнца? И то и другое значеніе возможно:

Какъ завидна въ часъ уныній
Жизнь зеленыхъ червячковъ,
Что на легкой паутинѣ
Тихо падаютъ съ дубовъ.

Вѣтеръ ласково колышетъ
Нашу вѣющую нить.
Лугъ цвѣтами пестро вышитъ,
Зноя солнца не избыть.

1) Лугъ пестро вышитъ цвѣтами, и никакъ нельзя избѣжать солнечнаго зноя, оттого-то въ жаръ, въ часъ уныній и завидуешь червячкамъ, которые живутъ въ тѣни листвы.

2) Въ часы уныній такъ завидуешь жизни червячковъ: лугъ пестро вышитъ цвѣтами, ничто не можетъ превзойти солнечнаго зноя, червячки тихо падаютъ съ деревьевъ, и вѣтеръ ласково колышетъ паутинки.

Стр. 128. Дозоръ.
Часъ свершенныхъ грезъ.

По-русски про грезу говорятъ, что она сама исполняется. «Моя греза исполнилась». Не я исполнилъ, а сама исполнилась. Та же форма, что взята поэтомъ, звучитъ для чувства, какъ «совершенныхъ грезъ»,—при этомъ какъ-то само собой предполагается сокращеніе для благозвучности стиха. Но совершенныхъ грезъ имѣетъ два смысла: одинъ,—что данныя грезы суть какія-то особенныя, лучшія, чѣмъ обыкновенныя; другой смыслъ—грезы выполненныя, сдѣланныя. Какой изъ этихъ двухъ смысловъ нужно взять? Опять игра въ загадки.

Стр. 135. Демоны пыли.
Подъ тихое вѣяніе сѣрыхъ воскрылій.

Воскрыліе—пола верхней одежды. Но это мало кто знаетъ, и большинство тѣхъ, кого мнѣ приходилось опрашивать,

думали, что воскрыліе значитъ крылья. И по смыслу стиха такъ и должно быть, потому что плащу, которымъ демоны пыли закрываютъ свою яркую, красную одежду,—нѣтъ смысла раскрываться для вѣянья. Кто же можетъ уснуть, когда вмѣсто спокойнаго сѣраго тона увидитъ вдругъ что-то огненное, багряное.

Между прочимъ, въ стихотвореніи 28 строчекъ, и въ нихъ одно только старинное слово.

Стр. 137. Предъ грозой.
Въ небѣ блескъ и величье.

Ахъ, величье, величье,—ну, неужели же кто-нибудь будетъ говорить, что величье красиво по-русски? Одного взгляда на риѳмующую строчку достаточно, чтобы увидѣть, для чего понадобилось поэту величье. Подумать даже смѣшно: тамъ стоитъ «птичье».

Стр. 143. Случайной.
Чтя, какъ голосъ неслучайный.

Хорошо очень это чтя.

Стр. 149. Въ дни запустѣній.
И пѣсни, гимны сладостямъ земли.

Сладости—возбуждаютъ любопытный вопросъ: достаточно ли помѣстить современное слово въ соотвѣтствующей обстановкѣ, чтобы оно стало стариннымъ. Напримѣръ, сладости въ наше время значитъ то же самое, что сласти, т.-е. конфеты. Такимъ образомъ, будутъ ли сладости чѣмъ-нибудь другимъ оттого только, что имъ запоетъ кто-нибудь пѣсни?

Стр. 171. Аганатисъ.
Кто былъ обманутъ вожделѣнной встрѣчей.

Вожделѣть—значитъ страстно, похотливо хотѣть. Между тѣмъ, какъ мнѣ кажется, поэтъ говоритъ лишь о желанной встрѣчѣ.

Но горе тѣмъ, кто не нашелъ друзей,
Кто былъ обманутъ вожделѣнной встрѣчей.

Я думаю, что здѣсь говорится о комъ-то, кто хотѣлъ встрѣтить друзей, а не сгоралъ отъ вожделѣнія—похоти.

Стр. 173. Тамъ же.
«Я—Аганатисъ».—Прянулъ онъ въ испугѣ.

Прядать—скакать. У Даля это слово относится больше къ животнымъ: къ сернамъ, конямъ. Про человѣка же сказано: воспрянулъ ото сна.

Стр. 28. Снѣга.
До чреслъ разоблаченной, странной,
Я прошепталъ тебѣ: я—твой.

Чресла мужу даны, а лоно—женѣ.

Изъ сборника «Вѣнокъ».
Стр. 105. Послѣ пира.
Ей чресла розами вѣнчали
И гіацинтами чело.

Потомъ, какъ это можно ухитриться вѣнчать чресла. Вѣнокъ на чреслахъ будетъ называться поясомъ, а не вѣнкомъ. Слѣдовало бы сказать: опояшемъ чресла.

Стр. 109. Гребцы триремы.
Гдѣ теперь радостный бѣгъ
Нами влекомой триремы?

Влечь, волочить—значитъ тащить за собою, позади себя. Какой же при этомъ можетъ быть бѣгъ, да еще радостный! Потомъ веслами нельзя волочить за собою ни лодку, ни трирему.

Изъ сборника «Пути и Перепутья».

Безъ замѣчаній.

Стр. 178. Царю Сѣвернаго Полюса.
. . . . въ смѣнѣ рдяныхъ освѣщеній.

Стр. 182. Тамъ же.
Мечты его дальше стремили.

Стр. 185. Тамъ же.
На его померкшій ликъ.

Стр. 188. Тамъ же.
И о томъ, что тайны видѣны,
Что прошелъ ты путь неиденный.

Стр. 201. Замкнутые.
Обязанъ жизнію.

Изъ сборника «Вѣнокъ».
Стр. 39. Орфей и Эвридика.
Но на взорахъ облакъ черный.

Стр. 40. Тамъ же.
Что весна, кто видѣлъ сѣвы
. . . .
Радость пѣсенъ, радость плясокъ.

Стр. 42. Медея.
И надъ дѣтьми безумной жрицей
Возноситъ изощренный мечъ.
. . . .
На позлащенной колесницѣ.

Изострить или изощрить? Изощрить говорится про умственные предметы, изострить про матеріальные.

Стр. 43. Тамъ же.
Возлюбить тщету объятій.

Стр. 72. Антоній.
Въ вѣкахъ величье и позоръ.

Стр. 119. Кинжалъ.
Когда всѣ подъ ярмомъ клонили молча вы и.

Стр. 124. Къ Тихому Океану.
Кто, дерзновенный, захочетъ разъять двухъ великановъ.

Стр. 127. На Новый годъ.
Онъ держитъ въ безпощадной длани.

Длань—собственно ладонь, и слѣдовало бы сказать: не въ длани, а на длани.

Стр. 139. Ликъ Медузы.
На руинахъ всѣхъ святынь.

Стр. 143. Къ счастливымъ.
Цари стихій, владыки естества.

Стр. 161. Конь блѣдъ.
Луны, сотворенныя владыками естествъ.

Стр. 143. Къ счастливымъ.
Начнутъ свершать въ весельи торжества.

Стр. 153. Слава толпѣ.
Но, словно, влекома таинственнымъ геніемъ.

167. Изъ пѣсенъ Мальдуна.
Очи подругъ долго-жданныхъ.

Грубыя ошибки.

Изъ сборника «Пути и Перепутья».
Стр. 149. Прозрѣнія. 2. Въ дни запустѣній.
А наши башни, города, твердыни
Постигнетъ голосъ страшнаго суда.

Глаголъ постигнуть имѣетъ два значенія. Одно современное и совершенно сюда не подходящее: уразумѣть, понять. Другое—старинное: настигнуть, догнать, взять что-нибудь уходящее. Но куда могутъ уйти башни, города, твердыни? Передвигаться они могутъ только вслѣдствіе геологическихъ переворотовъ. Затѣмъ,—голосъ страшнаго суда, какъ мы, христіане, его понимаемъ, — сдѣлается сразу слышнымъ всѣмъ. Это—нѣчто всепроникающее, всенаполняющее. И выраженіе «постигнетъ» всего меньше ему идетъ.

Говорятъ: несчастье постигло кого-нибудь. Но въ этомъ случаѣ мы пользуемся цѣлымъ стариннымъ выраженіемъ, смыслъ котораго извѣстенъ всѣмъ, и нѣтъ надобности вникать въ буквальное значеніе словъ. Однако, если даже и произвести анализъ, то мы увидимъ, что во всѣхъ старинныхъ выраженіяхъ слово «постигнуть» ставится въ значеніи застать, захватить. «Буря постигла насъ на пути». Ни къ башнямъ, ни къ голосу суда такого значенія, какъ ни бейся, приложить нельзя.

Стр. 194. Замкнутые. Трофеи побѣдительной войны

Есть побѣдный и есть побѣдительный. Въ чемъ же дѣло? Въ одной молитвѣ есть выраженіе: «Взбраннѣй воеводѣ побѣдительная». Но даже и въ этомъ церковномъ значеніи слово это поставлено какъ понятіе того, чѣмъ побѣждаютъ. Если говорятъ «побѣдительная десница», то этимъ желаютъ сказать, что извѣстная десница всегда побѣждаетъ. Она побѣдительна въ отличіе отъ тѣхъ, которыя не всегда побѣдительны. Обыкновенныя десницы или побѣдятъ или нѣтъ. Если побѣдятъ, то ихъ назовутъ тогда побѣдными, т.-е. принадлежащими извѣстной какой-нибудь побѣдѣ. Точно такое же значеніе имѣетъ и выраженіе «убѣдительное слово». Есть слова не навѣрное убѣждающія, а есть такія, которыя убѣждаютъ постоянно, навѣрное. Внимательный человѣкъ, внимательный слухъ:— обыкновенные люди и обыкновенный слухъ могутъ иногда тоже внимательно слушать, но вниманіе не есть ихъ постоянное качество, какъ у внимательнаго человѣка и у внимательнаго слуха. Что же касается до войны, то она не можетъ быть сама по себѣ побѣдительной, она можетъ быть лишь побѣдной, т.-е. относящейся къ той сторонѣ, на которой оказалась побѣда. Вѣдь, война въ одно и то же время и побѣдная и непобѣдная. Выраженіе побѣдительная предполагаетъ существованіе нѣсколькихъ родовъ войнъ, одинъ изъ которыхъ будетъ таковъ, что, воюя по образцу

этого рода, можно всегда побѣждать. Но всѣ же понимаютъ, что такого рода войнъ не можетъ быть. Война можетъ быть названа побѣдной не заранѣе, а только послѣ побѣды. И потомъ побѣждаютъ кого-нибудь не войной, а во время войны, что далеко не одно и то же.

Стр. 202. Замкнутые.
. . . . о, высота степей!

Высота степей—это все равно, что глубина горъ, сухость воды, мокрота сухости, холодъ жара, жаръ холода и т. п.

Изъ сборника «Вѣнокъ».
Стр. 9. Вечеровыя пѣсни, II.
Воздухъ становится синимъ,
Словно разрѣженный дымъ...
Часъ упоительно мирный
Мы успокоенно минемъ,
Близясь къ часамъ роковымъ.

Поэтъ хочетъ сказать, что, приближаясь къ роковымъ часамъ, послѣдовательно мы проходимъ черезъ рядъ другихъ часовъ, изъ которыхъ въ одномъ мы получимъ успокоеніе. Этотъ часъ обладаетъ такими качествами, онъ упоительно мирный. Но для выраженія подобной мысли фраза составлена явно ошибочно. Дѣло въ томъ, что миновать что-нибудь не значитъ пройти черезъ, побывать въ указываемомъ мѣстѣ. Миновать значитъ обойти, не заходя въ это мѣсто. Такимъ образомъ, упоительно мирный часъ останется у насъ въ сторонѣ. Мы не пройдемъ черезъ него.

Стр. 10. Тамъ же, III.
Въ этомъ храмѣ богомольномъ.

Богомольнымъ называется тотъ, кто самъ молится, а храмъ молиться не можетъ. Если въ немъ люди молятся, то отъ этого храмъ не дѣлается богомольнымъ. Можно сказать богомольный человѣкъ, но нельзя сказать богомольный подсвѣчникъ, богомольный столъ и т. п.

Стр. 13. Тамъ же. Голосъ Прошлаго.
Такъ едва мерцаютъ стекла
Удаленныхъ деревень.

Удаленный значитъ, что кого-нибудь, за что-нибудь, откуда-нибудь удалили. Но я никогда не слыхалъ, чтобы можно было удалить деревню съ домами и стеклами. Правду или нѣтъ, не знаю, мнѣ разсказывали, что императоръ Павелъ однажды отправилъ съ какого-то парада цѣлый полкъ въ ссылку въ Сибирь. Онъ точно такъ же могъ бы отправить и цѣлую деревню въ ссылку, но тогда деревня понималась бы въ смыслѣ собранія крестьянъ одной деревни, а

не въ смыслѣ извѣстнаго мѣстечка съ домами, деревьями и т. п. У такой удаленной въ ссылку деревни, конечно, не было бы стеколъ, и ее нельзя бы было взять, какъ сравненіе съ тѣнью, поблекшею на годахъ.

Стр. 29. На Саймѣ, 4.
Мохъ, да верескъ, да граниты...
Чуть шумитъ сосновый боръ.
Съ поворота вдругъ открыты
Дали синія озеръ.
Какъ ковѐръ надъ легкимъ склономъ
Нѣжный папоротникъ сплелъ.
Чу, скрипитъ съ протяжнымъ стономъ
Наклоненный бурей стволъ.

Кто кого сплелъ:

Какъ коверъ надъ легкимъ склономъ
Нѣжный папоротникъ сплелъ.

Папоротникъ ли сплелъ какой-то коверъ, или кто-нибудь сплелъ самъ папоротники и образовалъ изъ нихъ коверъ,или, наконецъ, коверъ сплелъ что-то похожее на папоротники?

Стр. 30. Тамъ же, 5.
Я упоенъ, мнѣ ничего не надо.
О, только бъ длился этотъ ясный сонъ,
Тянулись тѣни сѣвернаго сада,
Сіялъ осенне блѣдный небосклонъ,
Качались волны, шитыя шелками,
Лиловымъ, краснымъ, желтымъ, золотымъ,
И проблиставъ надъ синью янтарями,
Сгущало небо свой жемчужный дымъ...

Надъ какою синью могло проблистать небо янтарями? Янтари хоть и не блестятъ, но, положимъ, что они блестѣли. Небо проблистало надъ синью, сталобыть, синь была внизу,—но гдѣ же она въ стихотвореніи? Картину, описываемую поэтомъ, мы можемъ себѣ представить: вода, небо, кой-гдѣ покрытое облаками, которые отсвѣчиваютъ желтымъ,—но гдѣ же синь? Какъ на грѣхъ, перечисляя отраженія въ волнахъ, поэтъ говоритъ лишь о лиловомъ, красномъ, желтомъ и золотомъ, но не о синемъ. Правда, въ предыдущемъ стихотвореніи, подъ номеромъ четвертымъ, говорится про д а л и с и н і я о з е р ъ, но, вѣдь, это про дали говорилось. Издали озера могли казаться и синими, когда же поэтъ приблизился, то воды оказались расшитыми всѣми красками, за исключеніемъ синей. Потомъ моментъ, взятый для описанія,— въ этомъ стихотвореніи болѣе поздній, чѣмъ въ предыдущемъ. Если передъ вечеромъ воды и могли синѣть, то въ самый вечеръ онѣ едва ли могли казаться синими.

Стр. 35. Къ Деметрѣ.
Стебли къ солнцу устремя,
Къ жизни новой совершенной
Воскресайте, о з и м я!

Ясно, что словомъ о з и м я поэтъ хочетъ сказать о з и м и. По-русски говорятъ: озими стелются ровно Дунай, т.-е. озими хороши. У г. Брюсова же вы-

ходитъ какъ бы какое-то нелѣпое дѣепричастіе отъ глагола обзимить.

Стр. 39. Орфей и Эвридика.
Мы идемъ тропой мятежной
Къ жизни мертвенной
тропой.

Мертвенный значитъ похожій на мертваго. Напримѣръ, мертвенный взглядъ—значитъ взглядъ, похожій на взглядъ у мертваго; мертвенное лицо значитъ лицо, похожее на лицо умершаго. Не говоря уже о томъ, что совершенно невозможно представить себѣ тропу, похожую на мертвую, потому что вообще трудно представить себѣ мертвую тропу,—не говоря уже объ этой несуразицѣ,—не понятно, что такое желаютъ сказать такимъ выраженіемъ «къ жизни мертвенная тропа»? Что такое было бы, если бы кто сказалъ: «къ смерти жизненный человѣкъ» или—«къ теплу холодный человѣкъ», къ холоду—горячій, къ сухости—мокрый? Къ жизни мертвенная тропа—все равно, что океанная тропа, стеклянный меридіанъ, потолокъ пола,—т.-е. выраженія, съ виду какъ-будто и ничего себѣ, а на самомъ дѣлѣ—пустышка.

Стр. 81. Два голоса.
Гдѣ ты? Гдѣ ты милый?
Наклонись ко мнѣ.
Призракъ темнокрылый
Мнѣ грозилъ во снѣ.
Я была безвольна
Въ сумракѣ безъ дня...
Сердце билось больно...

Въ этомъ отрывкѣ, между прочимъ, говорится о сумракѣ безъ дня, но сумракъ потому и называется сумракомъ, что онъ бываетъ одинъ, а не вмѣстѣ со днемъ. Я никогда не слыхалъ, чтобы сумракъ бывалъ со днемъ. Но объяснять подобное обстоятельство—все равно, что объяснять и другія всѣмъ уже извѣстныя явленія. Напримѣръ, совершенно лишнее дѣлать вѣрное и справедливое замѣчаніе относительно того, что сумракъ былъ безъ апельсина или безъ пушки. Всѣ и такъ знаютъ, что сумракъ бываетъ безъ пушки, безъ апельсина.

Стр. 83. Изъ Ада изведенные.
И ужасы пытокъ забылись какъ
малость,
И радость надеждъ расклубилась какъ дымъ.

Малость слово фабричное, вульгарное, но все-таки русское, а вотъ расклубилась—это что-то невозможное. Клубиться значитъ образовать нѣчто похожее на клубокъ, на смотанное тѣло. Приставка же рас иногда обозначаетъ распаденіе составныхъ частей того понятія, которое выражается глаголомъ, слѣдующимъ за приставкою. Приставка

рас даетъ глаголу значеніе совершенно противоположное, чѣмъ то, которое выражается глаголомъ безъ приставки:

клеить—расклеить,
вязать—развязать,
весть—развесть,
паять—распаять,
пить—распить,
колотить—расколотить,
бить—разбить.

Въ послѣднихъ трехъ случаяхъ рас показываетъ даже окончаніе дѣйствія.

Но иногда рас обозначаетъ и усиленіе дѣйствія, выраженнаго въ корнѣ.

Кричать—раскричаться,
горячить—разгорячиться,
бѣжать—разбѣжаться.

Спрашивается, какое же изъ этихъ трехъ значеній имѣетъ глаголъ расклубиться, и почему въ русскомъ языкѣ нѣтъ такого слова? Къ дыму одинаково подходятъ всѣ три значенія: дымъ пересталъ быть клубомъ, т.-е. сталъ туманностью, и дымъ все клубится и клубится, т.-е. все усиливаетъ количество клубовъ.

Стр. 112. Уличный митингъ.
Ты въ пламени и клубахъ дыма
Отпляшешь танецъ страшный свой,
Какъ нынѣ властвуя незримо
Надъ торжествующей толпой.

Для того, чтобы яснѣе увидать неправильность взятаго авторомъ оборота, попробуемъ сказать стихи его прозой, откидывая все несущественное:
Тогда ты отпляшешь свой танецъ, какъ теперь, властвуя надъ толпой...

Что же? Спишь, танцуешь, поешь?

Тогда ты отпляшешь свой танецъ, какъ теперь, властвуя надъ толпой, ты поешь. Союзъ какъ въ подобныхъ случаяхъ устанавливаетъ сравненіе между глаголомъ перваго предложенія и глаголомъ второго. Во фразѣ г. Брюсова глаголъ второго предложенія подразумѣвается, но что именно онъ можетъ выражать — остается вопросомъ. Такимъ образомъ, сравненіе перваго предложенія, переходя во второе, попадаетъ куда-то въ пустышку. Въ концѣ-концовъ, смыслъ все-

таки можно усвоить себѣ, но это удается послѣ такой ломки логики языка, что приходится только руками разводить, недоумѣвая, какъ это поэтъ самъ не видѣлъ мертвой точки, на которую онъ поставилъ маховое колесо языка.

Стр. 119. Кинжалъ.
Я уходилъ въ страну молчанья
и могилъ,
Въ вѣка загадочно былые.

Былое, конечно, можетъ быть загадочнымъ, и, наоборотъ, загадочное можетъ быть былымъ. Однако, изъ этого вовсе не слѣдуетъ еще, что можно соединять въ одно два такія понятія, какъ загадочное и былое. Какъ ни будетъ понятно какое-нибудь соединеніе двухъ словъ, какъ ни будетъ видна изъ этого соединенія мысль автора,—все же въ языкѣ есть такіе законы, которыхъ переходить нельзя. Такъ напримѣръ, всѣмъ будетъ понятно, что я хочу сказать выраженіемъ лысо-внимательный человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣмъ понятно, что сказанное—чепуха.

Стр. 149. Слава толпѣ.
Въ свѣтѣ искусственномъ,
Четкомъ, умѣренномъ.

Четкимъ называютъ что-нибудь такое, что можно читать или считать, но свѣта нельзя ни читать ни считать. Дѣло другое, если при свѣтѣ все это можно дѣлать, но тогда, если про свѣтъ допустить говорить «четкій»—то почему нельзя говорить четкая лампа, потому что при лампѣ тоже, вѣдь, можно и читать и считать. Послѣ этого, чтобы быть послѣдовательнымъ,—у насъ получится и четкая свѣча, четкій фонарь, печка и даже домъ, такъ какъ въ домѣ тоже, вѣдь, можно читать и считать.

Неудачные образы и представленія.

Изъ сб. «Пути и Перепутья».
Стр. 3. Предчувствіе.
. . . . . . И саваномъ ліанъ
Я обовью твой неподвижный
станъ.

Образъ савана изъ ліанъ потому смѣшенъ, что подъ ліаной обыкновенно понимается такое тропическое вьющееся растеніе, толщина стебля котораго равна канату. Можно представить себѣ, что такое за саванъ получится изъ такихъ нитей. Лично я въ тропикахъ не бывалъ, ліанъ на самомъ дѣлѣ не видалъ и потому вовсе не намѣренъ спорить, если окажется, что поэтъ имѣлъ въ виду какой-нибудь особенно тонкій и нѣжный видъ этихъ растеній. Если правда,— такой

нѣжный видъ существуетъ, то вина за невольное появленіе грубаго образа—на читателя возложена быть не можетъ: поэтъ долженъ какъ-нибудь оговорить свое намѣреніе обвить станъ своей спутницы чѣмъ-то болѣе тонкимъ, чѣмъ канаты.

Стр. 24. Первыя раздумья.
. . . . раскаленный сплинъ.

Раскаленный сплинъ все равно, что горячій ледъ, кровавая нѣжность, пуховый камень, ароматное зловоніе, бѣглая неподвижность. Сплинъ, какъ извѣстно, слово англійское, и съ его понятіемъ связывается у русскаго человѣка представленіе объ англійскомъ равнодушіи, о какомъ-то такомъ удобствѣ, спокойствіи и комфортѣ, что прилагательное раскаленный никакъ нельзя къ нему приложить. Раскаленный—говоритъ о чемъ-то бодромъ, невыносимомъ по энергіи, величественномъ по страсти.

Стр. 107. Еще закатъ 17.
Облака цѣпляются
За вершины горъ.

Цѣпляться — значитъ образовать съ чѣмъ-нибудь цѣпь. Во всякомъ случаѣ, когда говорятъ цѣпляется, то всегда имѣютъ въ виду что-нибудь острое: цѣпляютъ одежду, утиральникъ на гвоздь. Не все цѣпляй, что плыветъ. Въ шуточномъ разговорѣ, правда, есть выраженіе: цѣпляйтесь за меня. Это говорятъ, когда желаютъ, чтобы взяли подъ руку. Но одно дѣло шутка, другое поэзія. Глаголъ цѣпляться въ чистомъ, такъ-сказать, своемъ видѣ — малоупотребителенъ, онъ ближе къ спеціализировавшимся выраженіямъ, чѣмъ къ простымъ, обыкновеннымъ. Поэтому когда говорятъ: люлька цѣпляется за очепъ, то это не значитъ, что люлька сама цѣпляется за острый предметъ, но что ее кто-нибудь цѣпляетъ. То же самое и облака цѣпляются: выходитъ, что не сами они зацѣпляютъ за вершины горъ, а кто-то другой ихъ надѣваетъ на вершины горъ. Относительно горъ говорятъ по-русски цѣпляться, но это обозначаетъ карабкаться съ трудомъ, съ силой. Едва ли такой смыслъ удаченъ и красивъ для

облаковъ. Облака, говорятъ, останавливаются на вершинахъ горъ, но не зацѣпляются.

Стр. 109. Тамъ же, 19.
Мѣрно вьетъ дорога одинокій путь.

Что-нибудь, конечно, можетъ виться: или путь, или дорога. Но дорога вьетъ путь — это нѣчто смѣшное. Правда, на первый взглядъ выраженіе и ничего, какъ-будто, но стоитъ только сказать то же самое по-другому, и тотчасъ же очевидно, что поэтъ дурачитъ недогадливыхъ:—дорога вьетъ дорогу, путь вьетъ путь. Несмотря на «Славу толпѣ», г. Брюсовъ очень невысокаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ своихъ поклонниковъ. Замѣнивъ въ приведенныхъ выраженіяхъ одинъ путь дорогой или одну дорогу путемъ, онъ полагаетъ, что никто не догадается о шуткѣ и никто не пойметъ, что «дорога вьетъ путь»—все равно, что «дорога вьетъ дорогу». Но, положимъ, что никто объ этомъ дѣйствительно не догадывается, и мы настолько увлечены поэтомъ, что даже выраженіе «дорога вьетъ дорогу» будемъ толковать такъ, что-де первая дорога — это дорога настоящая, видимая, а вторая дорога—это дорога невидимая, какъ напримѣръ,—дорога жизни или что-нибудь въ этомъ родѣ. Допустимъ, что это удивительно удачное выраженіе «по такой-то дорогѣ лежитъ мой путь»: дорога взята здѣсь въ прямомъ смыслѣ, а путь— въ переносномъ. Но тогда возникаетъ вопросъ, правильно ли мы выставили причину геніальности фразы:—можетъ быть, нужно было, наоборотъ, понимать путь въ прямомъ, а дорогу въ переносномъ смыслѣ.

Мѣрно вьетъ дорога одинокій путь.

Если понимать дорогу въ прямомъ смыслѣ, какъ нѣчто видимое и осязаемое, то она не можетъ вить пути, понимаемаго въ переносномъ смыслѣ, потому что вить можно что-нибудь видимое, вещественное. Стало-быть если путникъ говоритъ, что у него передъ глазами вьется его путь, то путь этотъ и есть

тотъ самый путь, по которому ѣдетъ лошадь путника или идутъ его ноги. Отсюда очевидно, что въ прямомъ смыслѣ нужно понимать путь, а въ переносномъ — дорогу. Но это тоже что-то несуразное, потому что тогда выходитъ, что дорога, въ переносномъ смыслѣ, вьетъ видимый путь. И чѣмъ больше обо всемъ этомъ думаетъ читатель, тѣмъ больше въ головѣ его поднимается сумбуръ, и вопросъ о геніальности фразы г. Брюсова запутывается, потому что рѣшительно нѣтъ возможности указать причину этой геніальности.

Стр. 115. Въ Стѣнахъ, 8.
Конки скользятъ такъ таинственно.

Стр. 116. Тамъ же, II.
Огни уползающихъ конокъ.

Стр. 117. Тамъ же, II.
О, конки, вы—вольные челны
Шумящихъ и строгихъ столицъ.

Вотъ ужъ правду въ старину говорили: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ подъ облакы». Чего только ни сказалъ поэтъ про конки: и скользятъ-то онѣ, и таинственное есть что-то въ нихъ, и вольные-то челны онѣ. Положимъ, время прошлое, теперь у насъ трамваи уже заведены, и про конки можно говорить что угодно, но не можемъ же мы такъ скоро забыть про мученье ѣзды въ нашихъ старыхъ конкахъ. Нехорошо вводить въ заблужденіе тѣхъ, кто «грядетъ за нами». Вѣдь, не будь этого предательскаго выраженія «огни уползающихъ конокъ» — потомки наши, въ самомъ дѣлѣ, Богъ знаетъ, будутъ ка́кого высокаго мнѣнія о порядкахъ въ нашей Управѣ.

Люди, объективно смотрящіе на явленія, могутъ замѣтить, что въ стихотвореніи нѣтъ яснаго указанія на московскія именно конки, а что, если и есть выраженіе объ уползающихъ конкахъ, то это, вѣроятно, въ каждомъ городѣ бываетъ, когда конка поднимается въ гору. Я согласенъ. Можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ, все это не про Москву написано. Но все же мнѣ кажется, что «вольные челны» едва ли кто можетъ выразиться про конку, — развѣ членъ Управы добраго стараго времени.

Стр. 139. Рождество Христово.
Онъ вошелъ къ ней съ пальмовой вѣтвью,
Сказалъ: «Благословенна ты въ женахъ».
И она передъ радостной вѣстью
Покорно склонилась во прахъ.

Прахъ—это земля въ смыслѣ пыли, песка. Выраженіе было бы ничего себѣ, если бы описываемое дѣйствіе происходило въ палаткѣ, гдѣ-нибудь, но ангелъ явился Пресвятой Дѣвѣ въ комнатѣ, гдѣ былъ полъ, а не земля.

Стр. 133. Мыши.
Утромъ выйдешь въ залъ,—свѣчу объѣли,
Масло въ кладовой,
Что поменьше, утащили въ щели...
Караулъ! Разбой!

Непонятно, гдѣ была свѣча: въ залѣ или въ кладовой вмѣстѣ съ масломъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ смыслъ строчки выразится такъ: «утромъ выйдешь въ залъ,—свѣчу и масло объѣли въ кладовой». Союзъ и, который въ прозаической фразѣ дѣлаетъ сразу понятной мою мысль,—въ стихахъ можетъ-быть опущенъ по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ изъ «дорогая» поэты дѣлаютъ «драгая» и изъ «величія»—«величье». Кромѣ того, свѣча можетъ находиться въ кладовой, а не въ залѣ потому еще, что если поэтъ, сойдя въ залъ, можетъ уже узнать, что сдѣлалось въ кладовой съ масломъ,—то почему же ему не узнать того же и относительно свѣчи.

Теперь, если допустить, что свѣча была въ залѣ, а масло въ кладовой, то что можно сказать про мелочь, утащенную мышами въ щели: гдѣ она находилась въ залѣ или въ кладовой?

Мнѣ могутъ поставить упрекъ въ томъ, что я занимаюсь разборомъ такихъ пустяковъ, которые никому и въ голову не придутъ. Но, какъ я понимаю вопросъ, то здѣсь дѣло идетъ вовсе не о мышахъ и не о томъ, что такое онѣ объѣли и утащили, здѣсь идетъ дѣло о точности и ясности мысли поэта, и потому не все ли равно, чѣмъ будетъ доказываться темнота его мысли, высокими ли примѣрами или низкими? Съ другой стороны, почему поэту можно говорить про мышей и про то, что онѣ объѣли, а мнѣ нельзя стараться понять, что такое выходитъ изъ словъ поэта. Если бы изъ этихъ словъ выходило что-нибудь одно, то, дѣйствительно, не все ли равно, что мыши объѣли и что утащили; дескать, для поэзіи это слишкомъ ничтожный предметъ, чтобы имъ занимать-

ся. Но дѣло въ томъ, что въ словахъ поэта видна путаница, которая и составляетъ суть настоящаго изслѣдованія.

Стр. 148. Въ неоконченномъ зданіи.

Но первыя плотныя лѣстницы,
Ведущія къ балкамъ, во мракъ,
Встаютъ какъ безмолвныя вѣстницы...

Вѣстникъ по-русски говорится больше въ мужскомъ родѣ даже для обозначенія особъ женскаго пола. Поэтому ни для кого нѣтъ секрета, что рѣдкій для этого понятія женскій родъ примѣненъ здѣсь для риѳмы «лѣстницы». Кромѣ того, самый образъ безмолвныхъ вѣстницъ очень сомнителенъ. Я понимаю, что, какъ исключительный случай, можетъ конечно, случиться, что вѣстникъ потеряетъ въ дорогѣ или языкъ, или письмо, но такого рода обстоятельство, конечно, будетъ оговорено повѣствователемъ. Существованіе же безмолвныхъ вѣстниковъ вообще не можетъ быть допустимо потому, что, если вѣстникъ иногда и не говоритъ, а все же извѣщаетъ, то онъ уже не безмолвный. Его вѣсть гдѣ-нибудь да находится: или она записана на бумагѣ, на дощечкѣ или, наконецъ, въ извѣстномъ условіи лицъ, договорившихся между собою относительно посылки такого именно вѣстника.

Стр. 179. Царю Сѣвернаго Полюса.

Жди моржей космато-рыжихъ...

Въ словарѣ Брокгауза говорится про моржей, что «очень толстая кожа ихъ покрыта короткими прилегающими желто-бурыми волосами, но съ возрастомъ становится ихъ меньше, и у старыхъ кожа почти совершенно голая». У Брема про волоса моржей сказано такъ: «прежде говорили, что морды, нижняя сторона пятокъ и ладоней у дѣтенышей покрыты волосами, которые съ лѣтами исчезаютъ, но это было опровергнуто изслѣдователями». Кромѣ того, что моржамъ нѣтъ даже и возможности быть косматыми вслѣдствіе спорности обладанія ими шевелюрой,—косматый значитъ имѣющій волосы всклокоченными, а это едва ли возможно для животныхъ, проводящихъ жизнь свою въ водѣ.

Стр. 181. Тамъ же, IV.

Морской возрастающей степью.

Степь не можетъ возрастать, потому что, какъ ни будь она обширна, глазъ всегда въ состояніи охватить только

опредѣленное пространство, которое, какъ ни увеличивай, все равно, оно недоступно понятію глаза, какъ недоступно нашему уму понятіе громаднаго пространства до Сиріуса или до солнца. Мы никогда не можемъ представить себѣ цифры этихъ разстояній въ какихъ-нибудь конкретныхъ величинахъ, точно такъ же и глазъ никогда не можетъ понять моря въ его цѣломъ, настоящемъ размѣрѣ. Дальше горизонта глазъ видѣть не можетъ, поэтому и море расти не можетъ: горизонтъ всегда будетъ на своемъ мѣстѣ.

Стр. 188. Тамъ же, VII. Всѣ вмѣстѣ.
Мы задвинемъ край изгнанія
Бездной вихрей и пучинъ.

Бездна по-русски имѣетъ два смысла: первый — множество, многочисленность. Напримѣръ, «тамъ была бездна народу», «въ немъ бездна учености». Второй смыслъ — пропасть, яма. Въ какомъ смыслѣ ставитъ здѣсь поэтъ свою бездну? Хочетъ ли онъ задвинуть край изгнанія множествомъ вихрей и пучинъ, или же пропастью, въ которой обыкновенно живутъ вихри и пучины? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ автору будетъ служить только пропасть, самыхъ же вихрей и пучинъ можетъ и не быть. Напримѣръ, въ выраженіи «я полью цвѣты лейкой садовника»—не значитъ, что садовникъ будетъ присутствовать при поливкѣ мною цвѣтовъ, совершенно напротивъ,—всего вѣроятнѣе, что садовника въ это время не будетъ налицо.

Край имѣетъ на русскомъ языкѣ два значенія: одно—край, конецъ предмета, другое—край, страна. Глаголъ задвинуть какъ-то самъ собою толкаетъ мысль къ понятію конца, а не къ понятію страны. Задвинуть край изгнанія—не значитъ скрыть всю страну изгнанія, а лишь маленькую ея часть, одинъ краешекъ, такъ что большая часть останется на виду. Поэтому вся напыщенность выраженія пропадаетъ: ни бездна, ни вихри, ни пучины—здѣсь не при чемъ. Этотъ примѣръ поразителенъ для характеристики слѣпоты чувства русскаго языка у г. Брюсова. Поэтъ хочетъ сказать одно, а рѣчь

человѣка въ немъ говоритъ — другое, его мозгъ не наталкивается на вторыя значенія словъ, онъ какъ бы филологическій паралитикъ: одна половина его рѣчи здорова, другая больна.

Стр. 189. Тамъ же, VIII.
Дни безтѣнные найдутъ.

Найдутъ имѣетъ два смысла: одинъ— найти, отыскать что-нибудь, другой — найти на что-нибудь, наступить, притти. Стихи можно понимать и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ:

Тамъ съ семьей другихъ героевъ
Уготованъ, ждетъ пріютъ.
Всѣ для игръ и славныхъ боевъ
Дни безтѣнные найдутъ.

1-й смыслъ:
И всѣ дни для игръ и славныхъ боевъ будутъ безъ тѣни.

2-й смыслъ:
И всѣ отыщутъ себѣ для игръ и боевъ дни безъ тѣни.

Слово «безтѣнный» по-русски говорится рѣдко,—предпочитаютъ ему больше два слова: безъ тѣни. Но и принимая слово это въ рѣдко встрѣчающемся написаніи, все же нужно сказать, что «безтѣнный» можетъ имѣть два смысла. Одинъ, когда хотятъ сказать, что предметъ не даетъ падающей обыкновенно, по физическимъ законамъ, тѣни. Напримѣръ—безтѣнный человѣкъ, Петръ Шлемиль, Шамиссо. Другой смыслъ— отсутствіе тѣни вообще, напримѣръ, безтѣнный садъ, безтѣнный уголокъ. Какъ видно, разница въ понятіи зависитъ отъ тѣхъ словъ, къ которымъ относится «безтѣнный». Теперь вопросъ будетъ въ томъ, что будетъ обозначать слово безтѣнный при существительномъ «день»? Найдутъ ли на насъ такіе дни, въ которые тѣнь отъ предметовъ не будетъ падать, или безтѣнные— это такіе дни, которые сами не будутъ давать тѣни?.. Нужно сказать, что какъ одно понятіе, такъ и другое въ высшей степени странно. Но въ стихотвореніи рѣчь идетъ о поляхъ Валгалы, и потому странностямъ удивляться особенно не слѣдуетъ, а нужно лишь отгадать, что такое имѣлъ поэтъ въ виду своимъ «безтѣнные дни»?..

Изъ сборника «Вѣнокъ»...
Посвященіе.
Заслышавъ зовъ истлѣвшихъ
лиръ.

Истлѣть — значитъ обратиться въ прахъ, и когда говорятъ, что на открытомъ покойникѣ была истлѣвшая одежда, то всѣмъ понятно, что покойника покрывала не одежда, а прахъ, въ который обратилась одежда. Про такую одежду нельзя сказать, что кто-нибудь одѣлъ истлѣвшую одежду. Точно то же и про лиру. Когда говорятъ, что лира истлѣла, то подразумѣваютъ, что съ лирой произошло то же самое, что и съ одеждой, т.-е., что она обратилась ужѐ въ такое тѣло, которое никакъ не можетъ служить своему первоначальному предназначенію. Истлѣвшая лира—это такая лира, которая перестала быть способной давать звуки, и зовъ изъ нея, конечно, извлеченъ быть не можетъ. Строчка г. Брюсова похожа на то, какъ если бы кто сказалъ: «я игралъ на сгорѣвшемъ до тла роялѣ».

Стр. 141. Грядущіе гунны.
Сложите книги кострами,
Пляшите въ ихъ радостномъ
свѣтѣ,

Г. Брюсовъ такъ любитъ старинныя слова, что ему будетъ непростительно, если онъ не снизойдетъ къ слабости читателя, который, привыкнувъ встрѣчать старинныя слова, подумаетъ, что и въ словѣ костеръ онъ имѣетъ передъ собою случай стариннаго словопониманія. Костеръ обозначаетъ особую такую кладку дровъ, особый родъ сруба.

У П. Шеина: Великоруссъ, Т. I, стр. 157, № 92, записано:

Сѣла ужинать,
Съѣла пять калачей
Девять мяконкихъ
Зулокъ, рогулокъ,
Костеръ пироговъ.

У Даля тоже есть запись: «Сдѣлаша врата и костеръ на верху большой». «Около костра хорошо щепу огребать».

Кромѣ того, въ современномъ словопониманіи, сложить костеръ,—не всегда значитъ въ то же время зажечь его. Понятно послѣ всего этого удивленіе читателя, когда, послѣ мысли о томъ, что книги будутъ сложены ко-

страми,—онъ читаетъ про «пляску въ ихъ радостномъ свѣтѣ», между тѣмъ какъ того мѣста въ стихотвореніи, гдѣ бы говорилось о зажженіи костровъ,—онъ еще не видѣлъ. Въ безпокойствѣ каждый долженъ спросить себя, въ какомъ же свѣтѣ будетъ пляска?

Пляшите въ ихъ радостномъ свѣтѣ.

Радостный свѣтъ можетъ, вѣдь, оказаться свѣтомъ просвѣщенія, доставляемымъ книгами.

Стр. 155. Духи огня.
Дѣлали двойственнымъ міръ
зеркальныя окна.

Зеркальными окнами могутъ быть окна, въ которыхъ вставлены зеркала, какъ въ фойэ московскаго Большого Театра, но зеркальными окнами называютъ еще и громадныя магазинныя окна, за которыми принято раскладывать товаръ на показъ публикѣ. Требуется отгадать, какія окна имѣетъ въ виду поэтъ своимъ выраженіемъ?

Стр. 157. Духи огня.
Въ оркестрѣ домірномъ я стану
поющей струной!

Я стану—будущее время, домірный оркестръ — оркестръ прошлаго. Какъ можно въ будущемъ быть въ томъ, что уже прошло? Но можетъ быть домірный оркестръ и теперь еще существуетъ, и «домірный»—это названіе оркестра въ отличіе отъ другихъ оркестровъ, какъ напримѣръ пѣвчіе: есть синодальные, а то какіе-то пѣвчіе Перлова. Вотъ вопросъ, гдѣ только играетъ этотъ оркестръ?

Стр. 161. Конь блѣдъ.
Улица была—какъ буря.

Мнѣ кажется, что, если кто не понимаетъ этого сравненія, тому помогутъ мои слѣдующіе примѣры: столъ былъ—какъ вода; вода была—какъ щипцы; ножикъ былъ—какъ потолокъ.

Неудачная разстановка словъ.

Изъ сборника «Пути и Перепутья».
Стр. 5. Тѣни.
Наблюдаю въ мерцаньи колѣнъ
изваянья, бѣломраморность бедеръ,

Въ спорахъ о прелести поэзіи г. Брюсова мнѣ часто указывали на выраженье «мерцанье колѣнъ», какъ на самое высокое совершенство новой поэзіи. Я не сталъ бы обращать вниманія читателя на явную ошибку въ толкованіи смысла этой строчки, если бы не настойчивыя неоднократныя указанія со стороны раз-

ныхъ лицъ. Ихъ восторженные отзывы о «мерцанiи колѣнъ» заставляютъ меня указать то, что и такъ должно быть очевидно всякому. Нельзя читать строчку стиха въ такомъ смыслѣ: «Изваянья, бѣломраморность бедеръ я наблюдаю при мерцаньи колѣнъ!» Мерцанье происходитъ отъ курящихся свѣчъ, и въ ихъ мерцаньи видно изваянье колѣнъ, бедра и волосы. Но поклонникамъ поэзiи г. Брюсова нужно отдать справедливость: они очень чутки и послушны. Они довѣрчиво упустили свою мысль туда, куда потянула ее разстановка словъ. Если бы было сказано: «наблюдаю въ мерцаньи изваянье колѣнъ», то недоразумѣнiе, конечно, не произошло бы, но поэтъ выбралъ: «наблюдаю въ мерцаньи колѣнъ»— и этотъ ходъ ставитъ слово «колѣнъ» на мѣсто дополнительнаго слова, требующагося къ мерцанью. Во всякомъ случаѣ, принимая или нѣтъ мои слова о поклонникахъ за шутку, все равно, нужно сознаться, что разстановка словъ въ стихотворенiи дѣйствительно ужасна: она нарушаетъ бѣглость чтенiя, она заглушаетъ музыку рѣчи, заставляетъ останавливаться на логическомъ разборѣ предложенiй. А такое обстоятельство, конечно, не говоритъ о совершенствѣ и достоинствѣ стихотворенiя.

Стр. 94. Донъ-Жуанъ.
Да, я гублю, *пью жизни*, какъ вампиръ.

Пью жизни, какъ мерцанiя, требуетъ себѣ дополненiя на вопросъ *что*, т. к. жизнь во множественномъ числѣ рѣдко употребляется, и именительный падежъ множественнаго такимъ образомъ, смѣшивается съ родительнымъ единственнаго, отчего и получается такая же остановка въ бѣгѣ чтенiя, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ.

Стр. 112. Въ стѣнахъ, 3.
Когда опускается штора
И ласковый ламповый свѣтъ
Умиряетъ усталые взоры.

Опускается штора и ламповый свѣтъ. Получается какая-то шутка. Такъ какъ запятой нѣтъ послѣ перваго предложенiя, а сказуемое второго *умиряетъ* стоитъ далеко, то ошибка въ пониманiи неизбѣжна. Запятая, если бы даже и присутствовала, все равно дѣла не поправила бы: предложенiе «Когда опускает-

ся штора» помѣщено первымъ въ стихотвореніи, имъ какъ бы намѣчается дальнѣйшій порядокъ рѣчи. Ожидаешь и во второй строчкѣ тоже одно предложеніе. Но оказывается что тамъ мысль сломана:

И ласковый ламповый свѣтъ
Умиряетъ усталые взоры.

Отсюда неудовлетворенность и чувство разочарованія. Мой другъ, поэтъ Гофманъ, считаетъ необходимою цѣлью работы надъ стихомъ стремленіе къ такой идеальной законченности, чтобы каждая строчка была совершенно обособленнымъ выраженіемъ своей собственной идеи. По его мнѣнію, мысль не должна ломаться.

Я не могу пускаться здѣсь въ обсужденіе взгляда г. Гофмана, но я привелъ его для того, чтобы сдѣлать болѣе яснымъ читателю то страданіе, которое доставляетъ мнѣ выписанный стихъ.

Стр. 136. Утро.
Шагамъ песокъ промоченный
Даетъ пѣвучій скрипъ.

Выходитъ, что пѣвучій скрипъ надѣляетъ шаги промоченнымъ пескомъ. Если даже понять фразу поэта такъ, что-де скрипъ сообщается шагамъ отъ промоченнаго песку, то путаница не уничтожается. Шаги, вѣдь, скрипѣть, не могутъ, а скрипитъ обувь. Но отъ воды обувь не скрипитъ, скрипъ уничтожается отъ сырости. Стало-быть, скрипитъ песокъ, когда на него наступаютъ. Но песокъ не—шаги, потомъ песокъ не промоченный бываетъ, а мокрый.

Стр. 172. Аганатисъ, IV.
Она зоветъ тебя полураздѣтой.

Два слѣдующихъ смысла вмѣшиваются въ понятіе этой строчки. Первый: она даетъ тебѣ такую кличку «полураздѣтая». Второй: ты сидишь полураздѣтая, и она въ это время тебя зоветъ. Это какая-то дразнящая логику языка строчка. Она поднимаетъ споръ между разными значеніями этой фразы. Въ первыхъ двухъ строфахъ стихотворенія говорится, главнымъ образомъ, о морякѣ, гетера упоминается въ пояснительномъ смыслѣ. Въ третьей строфѣ мысль о мо-

рякѣ какъ бы на время забывается, и короткія фразы этой строфы касаются сразу нѣсколькихъ предметовъ:

Но сознаетъ она всю власть обѣта.
Точка.
Рукой привычной скинутъ плащъ.
Точка. Спѣши. Точка.
Она зоветъ тебя полураздѣтой.

Кто это она: можетъ-быть рука, можетъ-быть въ дѣйствіе вводится новое какое-то лицо. Но только все время мысль дразнится легкостью понять стихотвореніе именно неправильно.

Стр. 176. Царю Сѣвернаго Полюса.

Мнѣ довольно знать, — что я свершилъ,—одному.

Изъ разнаго рода темныхъ строчекъ у Брюсова есть такія строчки, смыслъ которыхъ, хотя и темный, все же виднѣется смутными очертаніями изъ-подъ грубыхъ покрововъ, лежащихъ на немъ. Въ анализѣ выраженій приходится, такимъ образомъ, указывать больше на возможность ошибки въ быстромъ бѣгѣ привычки чтенія, чѣмъ на настоящій дѣйствительный смыслъ выраженія. Но есть такія мѣста, говоря про которыя, приходится спорить, доказывая настоящій смыслъ: настолько ложный выдвигается впередъ и заслоняетъ настоящій. Какъ примѣръ такого выраженія можетъ служить выписанная строчка. Изъ нея ясно, что авторъ какъ-то особенно доволенъ какой-то хорошенькой штучкой, устроенной имъ одному пріятелю. Но на самомъ дѣлѣ стихъ говоритъ о самоудовлетвореніи автора своей жизненной дѣятельностью и нежеланіи давать кому-либо отчетъ въ ней. Знакомые мнѣ почитатели поэзіи г. Брюсова и въ этомъ мѣстѣ не сомнѣвались относительно перваго смысла, и мнѣ приходилось тратить довольно-таки времени на споры, чтобы сдѣлать очевиднымъ настоящій смыслъ. Мнѣ могутъ сказать, что примѣръ моихъ брюсовскихъ почитателей не указка, такъ какъ никто не виноватъ, что почитатели эти имѣютъ такія ограниченныя умственныя способности, что не могутъ понимать даже самыхъ

ясныхъ выраженій. Но на это я возражаю, что мои брюсовскіе почитатели, если даже и не настоящіе, то все же не хуже настоящихъ, потому что если бы у настоящихъ почитателей способности къ пониманію были въ порядкѣ, то, вѣроятно, мнѣ не пришлось бы писать эту книгу, а имъ не пришлось бы быть почитателями поэта, русскій языкъ котораго уступаетъ какимъ-то волшебнымъ притягательнымъ условіямъ и обстоятельствамъ.

Стр. 177. Тамъ же, II.
Викингамъ любо раздолье, дали
холодной воды.

Викингамъ дали холодной воды, и это доставило имъ удовольствіе.

Изъ сборника «Вѣнокъ».
Посвященіе.
Когда опять во мнѣ возникла
Вся рать, мутившая Скамандръ,
И дерзкій вскормленникъ Перикла,
И завершитель Александръ,—

Къ глаголу возникла относится существительное рать. Читатель узнаетъ, что возникла рать. Но къ какому глаголу относится появленіе вскормленника Перикла и какого-то завершителя Александра? Неужели къ глаголу возникла, т.-е. къ третьему лицу женскаго рода? Потомъ, что же это,—вскормленникъ Перикла и завершитель Александръ,—одно лицо или двое? Думать можно и такъ и такъ, потому что къ этимъ подлежащимъ нѣтъ сказуемыхъ. Въ доброе старое время отъ образованныхъ людей требовалось знаніе не только вскормленниковъ Перикла, но и знаніе имени собаки Алкивіада, однако, теперь говорятъ, что подобныя знанія относятся не къ образованію и къ знакомству съ исторіей, а къ знанію анекдотовъ минувшихъ дней. Поэтому я просилъ бы не строго отнестись къ тому, что я совершенно не освѣдомленъ:—какъ учебники исторіи считаютъ теперь Александра Великаго — вскормленникомъ Перикла или завершителемъ. Относительно послѣдняго названія, между прочимъ, можетъ возникнуть довольно любопытный разговоръ:—обязательно ли читателю стиховъ быть знакомымъ со всѣми тенденціями историческаго прагматизма, и можетъ ли онъ имѣть свое мнѣніе относительно этого самаго Александра, т.-е. можетъ ли онъ считать

его, глядя на историческую карту, не завершителемъ, а развершителемъ.

Но въ томъ случаѣ, если вскормленникъ Перикла и завершитель одно лицо, то существительное Александръ можетъ казаться поставленнымъ въ родительномъ падежѣ множественнаго числа отъ женскаго имени Александра. Судя по біографіи Алкивіада, можно предположить, что, дѣйствительно, онъ могъ быть завершителемъ не одной Александры, а нѣсколькихъ. Это все шутки, а вотъ болѣе серьезный вопросъ возникаетъ относительно законченности періода, начатаго въ первомъ стихѣ и продолженнаго во второмъ. Можно ли считать этотъ періодъ законченнымъ или же есть возможность предположить, что авторъ упустилъ изъ виду закончить его. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ первая строфа:

Когда впервые въ годы блага
Открылся мнѣ священный міръ,
И я со скалъ Архипелага
Заслышалъ зовъ истлѣвшихъ лиръ.

Вторая строфа приведена въ примѣрѣ: «Когда опять во мнѣ возникла и т. д.» Теперь третья строфа начинается перечисленіемъ разныхъ внутреннихъ движеній души, какъ и въ первыхъ двухъ строфахъ:

Въ душѣ зажглась какая вѣра!
Съ какимъ забвеніемъ я пилъ
И нектаръ сладостный Гомера,
И твой безумный хмель, Эсхилъ!

Итакъ, должно ли считать тире, отдѣляющее первыя двѣ строфы, достаточнымъ для умозаключенія о законченности періода? Или же можно думать, какъ я уже говорилъ, что поэтъ недостаточно ясно выразилъ свое намѣреніе закончить періодъ? Какъ иллюстрацію моей мысли о недостаточной ясности конца періода привожу такія фразы: Какая у меня была вѣра, когда во мнѣ возникалъ его образъ! Какъ я простиралъ къ нему руки, когда открылся мнѣ свя-

щенный міръ! Какъ я слышалъ звуки его лиръ... По аналогіи съ предыдущими фразами слѣдуетъ ожидать и послѣ оборваннаго предложенія какого-нибудь когда, и разъ его нѣтъ, то ясно, что мысль не кончена. Нѣчто подобное наблюдается и въ приведенныхъ строфахъ. Двѣ первыя строфы настроили мысль на очень длинный періодъ; начиная третью, читатель уже готовъ продолжать періодъ и дальше.

Въ душѣ зажглась какая вѣра,
Съ какимъ забвеніемъ я пилъ...

понимается не какъ окончаніе періода, а какъ новая форма его, форма, похожая на приведенныя мною фразы.

Перечисленіе различнаго рода душевныхъ явленій продолжается и далѣе въ этомъ стихотвореніи, но уже съ четвертой строфы періодъ начинаетъ казаться утомительнымъ, появляется сомнѣніе, не ошибка ли какая. Читатель возвращается назадъ и видитъ себя одураченнымъ.

Стр. 4. Тамъ же.
И вотъ, въ столицѣ жизни новой,
Гдѣ всѣхъ стремящихъ силъ просторъ,
Ты мнѣ предсталъ...

«Гдѣ всѣхъ стремящихъ силъ просторъ»—непонятно: просторъ ли самыхъ силъ имѣетъ авторъ въ виду или просторъ силъ такихъ субъектовъ, которыхъ авторъ называетъ стремящими что-то. Чтобы сдѣлать понятной эту послѣднюю мысль, нужно поставить вмѣсто причастія стремящихъ какое-нибудь другое причастіе, напримѣръ: «Гдѣ всѣхъ скорбящихъ и плачущихъ просторъ силъ».

Стр. 13. Голосъ прошлаго.
И поетъ мнѣ голосъ древній,
Колокольчикъ о быломъ.

Здѣсь выраженіе также—двойственно. Первый смыслъ, что какой-то древній голосъ поетъ о быломъ. Древній не идетъ здѣсь къ голосу, но объ этомъ послѣ. Второй смыслъ, что колокольчикъ поетъ древній голосъ въ томъ спеціальномъ значеніи, какое имѣетъ слово голосъ въ музыкѣ, гдѣ говорятъ: верхній голосъ и нижній, напримѣръ въ дуэтѣ.

Если понимать голосъ древній въ первомъ смыслѣ, приходится считать колокольчикъ синонимомъ этого голоса

древняго, и тогда нужно полагать, что авторъ вспоминаетъ при звонѣ колокольчика о египтянахъ, евреяхъ и грекахъ, у которыхъ колокольчикъ существовалъ для призыва прислуги. На это странное и дикое предположенiе, не идущее, что называется, ни къ селу ни къ городу,—наводитъ слово древнiй. Имѣя въ виду, что пишетъ поэтъ, а не провинцiальный дьяконъ, слово древнiй понимаешь въ томъ именно смыслѣ и значенiи, которое принадлежитъ этому слову, а не придается ему профессiональнымъ пониманiемъ *).

Стр. 15. Цѣленiе.
Цѣлитъ вечернее безволiе.

Это—первая строчка стихотворенiя. Глаголъ цѣлить взятъ здѣсь въ такой формѣ и въ такихъ условiяхъ, что никакъ нельзя догадаться, про что именно говорится: про цѣль въ стрѣльбѣ или про лѣченiе. Вечернее безволiе можетъ цѣлиться въ мечту, и оно же можетъ лѣчить эту мечту. Оба смысла—одинаково дики и одинаково генiальны, смотря по точкѣ зрѣнiя, съ которой ихъ разсматривать. Но одинъ фактъ несомнѣненъ, — это непонятность глагола. Теперь предположимъ, что читатель пойметъ цѣлитъ въ смыслѣ исцѣляетъ,—передъ нами новое затрудненiе:

Цѣлитъ вечернее безволiе.

Кто кого исцѣляетъ,—вечернее ли безволiе кого-то исцѣляетъ или кто-то исцѣляетъ вечернее безволiе?

То же самое происходитъ и въ томъ случаѣ, если цѣлитъ понимать какъ мѣтиться. Кто въ кого мѣтится? Вечернее ли безволiе цѣлитъ въ кого-нибудь или кто-нибудь цѣлится въ вечернее безволiе?

Я не придаю большого значенiя затрудненiю читателя, но я отмѣчаю чув-

*) Привычка совершать службу на славянскомъ языкѣ вводитъ въ разговорный языкъ духовенства много славянскихъ словъ, при чемъ отсутствiе чуткости къ языку дѣлаетъ то, что слова ставятся не всегда въ томъ значенiи, какое они должны имѣть по смыслу современнаго пониманiя. Отсюда получается рѣчь такая смѣшная для уха мирянъ и такая характерная для того класса, къ которому принадлежитъ говорящiй. Я не знаю, почему г. Брюсова зовутъ магомъ,—по характеру**) его стиховъ онъ, дѣйствительно, принадлежитъ къ духовному званiю.

**) Примѣчанiе наборщика: А, да что это г. Шемшуринъ привязался къ г. Брюсову: все попъ, да попъ, что же попы развѣ не люди?

ство неудовлетворенности по прочтеніи первой строчки стихотворенія, когда ничего еще не знаешь, ни къ чему еще не приготовленъ. По моему мнѣнію это большая слѣпота у поэта, который не видитъ, что онъ съ первыхъ же словъ произведенія дѣлаетъ больно чувству языка и мысли читателя.

Стр. 18. Тамъ же. Прощаніе.
Солнце воды окропило золотомъ,
Дали синія—передъ тобой какъ зовъ

Окропило ли солнце золотомъ дали и воды, какъ зовъ, т.-е. дали и воды, послѣ того какъ солнце окропило золотомъ, зовутъ къ себѣ, манятъ тебя? Или это только однѣ дали зовутъ тебя? На эти вопросы мнѣ возражали такъ: понятно, что г. Брюсовъ говоритъ про зовъ однѣхъ только далей, потому что послѣ перваго предложенія стоитъ запятая. «Солнце воды окропило золотомъ... запятая, и дальше идетъ новое предложеніе: дали синія... тире... передъ тобой какъ зовъ». Въ отвѣтъ на это я снова поднимаю вопросъ:—достаточно ли однихъ знаковъ препинанія, чтобы регулировать въ поэзіи понятія? Не слѣдуетъ ли считать достоинствомъ поэта, когда запятыя и точки служатъ ему слегка, между прочимъ, а не главнымъ образомъ? Не идеальный ли примѣръ:

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.

Здѣсь всѣ понятія регулируются не запятыми и точками, а внутреннимъ смысломъ и логикой разсказа. Поэтъ знаетъ что послѣ чего можно говорить. Начинайте читать съ любой строчки, уничтоживъ знаки препинанія. Возьмемъ фразу, въ концѣ которой стоитъ точка: «ровно тридцать лѣтъ и три года старикъ ловилъ неводомъ рыбу». Или отсюда прочтемъ: «у самаго синяго моря они жили въ ветхой землянкѣ». Смыслъ сказки остается у васъ одинъ и тотъ же: вы узнаете, что старикъ и старуха жили у моря и занимались своими дѣлами тридцать три года. И какъ вы ни

вертите стихотвореніе, все у васъ будетъ одно и то же представленіе о старикѣ и старухѣ. Однако, я вовсе не хочу сказать, что, вотъ , смотрите, какъ Пушкинъ писалъ. Онъ, можетъ-быть, и дѣйствительно такъ писалъ; я же указываю въ его примѣрѣ лишь на то, какова должна быть логика стихосложенія. Чутье языка должно подсказывать поэту, что послѣ чего слѣдуетъ ставить, чего нужно избѣгать и на что не нужно полагаться, какъ бы грамматика ни разрѣшала извѣстный пріемъ.

Но даже и не соглашаясь съ этимъ взглядомъ на стихи, даже придерживаясь православныхъ обрядовъ въ запятыхъ, все же нужно признать справедливость за слѣдующимъ разсужденіемъ. Запятая послѣ первой строфы «Солнце окропило золотомъ» относится не къ раздѣленію двухъ предложеній, а къ раздѣленію двухъ дополнительныхъ словъ. Въ прозѣ разсматриваемое предложеніе читается такъ: «солнце окропило золотомъ воды, дали синія — передъ тобой какъ зовъ». Если можно говорить по-русски «будемъ—какъ солнце»—то почему нельзя сказать: «было — какъ солнце». Если же можно сказать: «было—какъ солнце», — то почему нельзя сказать «окропило – какъ зовъ» или еще «окропило передъ тобой — какъ зовъ». «Солнце окропило передъ тобой золотомъ воды, дали синія — какъ зовъ». Воды и дали по грамматикѣ должны быть раздѣлены запятой. Передѣлайте теперь эту фразу въ стихи Брюсова и вы поймете, почему есть логика въ моемъ разсужденіи. А если есть въ немъ логика, то двойственность смысла въ стихахъ снова доказана.

Стр. 40. Орфей и Эвридика.
Вспомни, вспомни! лугъ зеленый
Радость пѣсенъ, радость плясокъ!
Вспомни, въ ночи потаенный
Сладко, жгучій ужасъ ласкъ.

Люди свѣдущіе считаютъ строфу эту *геніальной* *), однако я думаю, что такое мнѣніе ошибочно, и вотъ почему. Строчка:

Вспомни, въ ночи потаенный

имѣетъ два смысла: 1) вспомни ночью про потаенный ужасъ ласкъ, и 2) вспомни

*) С. Соловьевъ, Crurifragium, стр. 152.

ужасъ ласкъ, схороненный въ самой ночи. А кромѣ того ласкъ и плясокъ,—вѣдь, сокращено изъ ласокъ и плясокъ.

Стр. 53. Орфей и аргонавты.
Станешь ли ты между смѣлыхъ,
как̀ъ воинъ,
Скалъ чарователь, Орфей.

Въ этомъ примѣрѣ три смысла.

Первый: чарователь скалъ, Орфей, станешь ли ты, между такими людьми, которые смѣлы, какъ воинъ.

Второй: станешь ли ты, Орфей, между такими смѣльчаками, которые смѣлы какъ воинъ, очаровывающій скалы.

И третій: чарователь скалъ, Орфей, станешь ли ты, какъ воинъ, между смѣльчаками.

Стр. 65. Кубокъ.
О дай припасть устами къ краю
Бокала смертнаго вина!

Поэтъ проситъ позволенія припасть къ краю вина какого-то смертнаго бокала. Что это такое за край вина, конечно, вопросъ. Но его не слѣдуетъ стараться даже и разрѣшать. Дѣло въ томъ, что если даже предположить, что поэтъ имѣетъ въ виду не край вина, а край бокала, то, все равно, получается чепуха:

... къ краю
Бокала смертнаго вина.

Что смертно, бокалъ или вино? Какъ нужно понимать: «къ краю смертнаго бокала» или «къ краю бокала со смертнымъ виномъ?» И въ довершеніе всей этой путаницы выступаетъ на сцену еще и игра словъ относительно провинившагося въ чемъ-то смертнаго бокала: это вина смертнаго бокала, что поэтъ хочетъ припасть къ какому-то краю.

Стр. 77. Послѣдній пиръ.
Надъ нами новый день безправенъ,
Еще царитъ послѣдній мигъ.

Одинъ смыслъ: новый день не имѣетъ надъ нами права, и послѣдній мигъ нашъ,—мы царимъ надъ этимъ мигомъ.

Другой смыслъ: послѣдній безправный нашъ день, т.-е. день, не имѣющій уже никакихъ правъ, царствуетъ надъ послѣднимъ мигомъ.

Какъ это можно, не имѣя правъ все-таки царствовать,—не мое дѣло разбирать, но я полагаю, что вся лѣвая сторона русской Думы безъ всякаго колебанія признаетъ это выраженіе прямо-таки геніальнымъ.

Для того чтобы читателю ясны были основанія для сомнѣнія въ справедливости перваго толкованія разсматриваемой фразы, обращаю вниманіе на то, что слово безправенъ можно понимать и какъ дѣепричастіе, и какъ прилагательное съ краткимъ окончаніемъ, напримѣръ: дороденъ, славенъ, случаенъ и т. п. На пониманіе «безправенъ» какъ прилагательнаго читателя можетъ наталкивать привычка къ поэту, который обогащаетъ свою рѣчь церковными оборотами и выраженіями стариннаго характера. Наугадъ перелиставъ сборникъ, я нашелъ на ближайшихъ къ разбираемому мѣсту страницахъ семь такихъ выраженій:

Стр. 67. Мы предъ ликомъ судіи...
Стр. 68. Мечъ взнесенъ...
Стр. 71. И ратей пролитую кровь...
Стр. 72. Въ вѣкахъ величье и позоръ.
Стр. 83. Тебѣ необорной мы дѣтски послушны...
Стр. 86. Тихимъ холодомъ воскрылій...
. . . . . . Неземному славословью...

Поэтому, если къ этимъ семи прибавится еще одинъ лишній старинный оборотъ,—страннымъ это, во всякомъ случаѣ, не можетъ показаться.

Однако двѣ строчки, останавливающія вниманіе читателя своею неуклюжестью и темнотой, не оставляютъ насъ даже и послѣ того, какъ мы согласимся, что чувство наше было право, отмѣтивъ ихъ своею болью. Слово безправенъ въ связи съ другими элементами, находящимися въ первой строкѣ, поразительно по своей неумѣстности. Пытаясь объяснить себѣ, въ чемъ дѣло, я натолкнулся, между прочими объясненіями, на одно такое:—есть различіе между безправный и не имѣетъ права. Безправный—это общее специальное понятіе, характеризующее положеніе одного лица или цѣлаго сословія по отношенію къ извѣстнымъ юридическимъ нормамъ: «безправные крестьяне», «безправный человѣкъ» — это объекты государственнаго права, спеціально охарактеризованные закономъ. «Не

имѣетъ права»—болѣе употребительное и понятное выраженіе для общежитія. Въ отношеніи перваго выраженія нельзя позволить вольностей въ смыслѣ присоединенія какихъ-угодно предлоговъ, и предлоги можно употреблять лишь такіе, съ которыми это слово связывается въ спеціальномъ языкѣ. Нельзя говорить «безправный надо мною». Безправнымъ кто-нибудь бываетъ вообще, а не надъ кѣмъ или чѣмъ-нибудь. Это «надъ кѣмъ, надъ чѣмъ», можно присоединять ко второму обороту, разговорному «не имѣетъ права»; говорятъ:—не имѣешь права надо мною.

Стр. 77. Послѣдній пиръ.
Вѣнки изъ розъ, вѣнки изъ лавровъ
Залиты,—смятые,—виномъ.

Поэтъ хочетъ сказать, что залитые уже вѣнки смяты еще виномъ. Это, конечно, не невѣроятно, но дѣланность оборота говоритъ о натугѣ, о безсиліи въ стихосложеніи. Между тѣмъ на сборникъ «Вѣнокъ» указываютъ, какъ на самый послѣдній шагъ, шагъ самый совершенный.

Стр. 87. Изъ ада изведенные.
Ангелы пѣли
Гимны хваленій
За небосклонами...

Ангелы пѣли такія хваленія, которыя поются ими обыкновенно за небосклонами. А можетъ-быть и такъ слѣдуетъ понять, что ангелы, находясь за небосклонами, пѣли свои гимны, обыкновенные.

Тамъ же, слѣдующія строчки.
И нѣжились тѣни,
Какъ въ дѣвичьей постели
Надъ полями зелеными.

Запятая послѣ тѣни заставляетъ предполагать, что рѣчь идетъ о какой-то дѣвичьей постели надъ полями зелеными. Но такое предположеніе черезчуръ смѣло для обыкновеннаго читателя. Нужно придумывать слишкомъ много условій, чтобы постель висѣла надъ полемъ,—даже въ воображеніи. Поэтъ отнесется гораздо сердечнѣе къ читателю, если позволитъ считать, что постель стоитъ въ комнатѣ, а надъ полями нѣжатся тѣни. Какъ это совмѣстится—другой вопросъ, но все же слѣдуетъ признать, что головоломки здѣсь будетъ меньше, чѣмъ соображать, какъ это дѣвичья постель виситъ надъ полями. Къ сожалѣнію, читателю не всегда удается спросить у автора разрѣшеніе остановиться на какомъ-нибудь одномъ

смыслѣ, поэтому волей-неволей приходится раздумывать, что же вѣрнѣе: постель надъ полями или тѣни?

Стр. 96. Въ игорномъ домѣ.
И, дрожа крылами, птица
Взоромъ вѣрныхъ обвела.

Птица обвела всѣхъ тѣмъ взоромъ, который свойственен только вѣрнымъ.
Птица обвела взоромъ своихъ вѣрныхъ слугъ.

Стр. 107. Каменьщикъ.
Горе тѣмъ, кто нынѣ дѣти,
Тѣмъ, кто долженъ быть.

Обыкновенно въ жизни бываетъ такъ, что живущіе или жившіе доводятся прародителями тѣмъ, кто будетъ жить послѣ. Понятно, что при нормальномъ ходѣ жизни нѣтъ никакого несчастія, но поэтъ провидитъ несчастіе въ томъ случаѣ, когда ходъ этотъ будетъ измѣненъ, и прародители будутъ не прародителями своихъ наслѣдниковъ, а ихъ дѣтьми. Маленькій значокъ въ видѣ запятой послѣ слова «дѣти», правда, какъ бы уничтожаетъ эту геніальную мысль, но читателю трудно отдѣлаться отъ ея чаръ, и въ то время какъ логика грамматики подсказываетъ ему одинъ смыслъ, чувство языка говоритъ, что для грамматическаго оборота рѣчь очень натянута, между тѣмъ какъ для обыкновеннаго житейскаго пониманія фраза составлена удобно и понятно.

Стр. 109. Гребцы триремы.
Въ узкія окна закатъ
Краснаго золота бросилъ.

Закатъ изъ краснаго золота или закатъ краснаго золота въ узкія окна что-то такое бросилъ, но что бросилъ — не пойму. Или новость это какая-нибудь сдѣлана г. Брюсовымъ изъ слова закатъ? Не поставлено ли закатъ ввидѣ родительнаго падежа множественнаго числа вмѣсто закатовъ—закатъ? Тогда окна закатъ—значитъ окна закатовъ. Такъ какъ ранѣе мы имѣли случаи видѣть разныя новшества, то нѣтъ причинъ удивляться, видя еще одно. Почему нельзя, въ самомъ дѣлѣ, предположить, что поэтъ недовольный длинной формой слова закатовъ, пожелалъ взять короткую, какъ, напримѣръ, говорятъ же вмѣсто роговъ—рогъ, вмѣсто сапоговъ—сапогъ и т. п. Правда, недоразумѣніе въ пониманіи выписанныхъ строчекъ отъ этого не прекратится, и все равно не будетъ понятно, кто же тогда

бросилъ золото въ окна закатовъ? Но, признаться сказать, намъ и дѣла до этого нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время: мы, вѣдь, слѣдимъ за сбивчивостью мысли въ быстромъ процессѣ усвоенія ею смысла словъ.

Стр. 110. Тамъ же.
Тѣ, кто достойны дышать
Моремъ съ разубранныхъ палубъ.

Помимо обыкновеннаго моря, есть еще какое-то море, находящееся на разубранныхъ палубахъ. Дышать этимъ моремъ могутъ не всѣ, какъ обыкновеннымъ, а только какіе-то достойные люди.

Стр. 114. Въ скверѣ.
Вы, надменные, ушли
Въ города стекла и с т а л и
Отъ деревьевъ, отъ земли.

Три смысла.

1-й. Вы ушли въ стеклянные города и остановились (и с т а л и), удержанные деревьями и землей.

2-й. Вы ушли въ города изъ стекла и изъ стали, получающейся отъ деревьевъ и отъ земли.

3-й. Вы ушли отъ земли и деревьевъ въ города изъ стали и стекла.

Стр. 115. Тамъ же.
Возвращайтесь въ лѣсъ и въ поле
Освѣжить ихъ вѣтромъ грудь,

Два смысла.

1-й. Освѣжить ихъ грудь вѣтромъ.

2-й. Освѣжить свою грудь ихъ вѣтромъ.

Стр. 121. Одному изъ братьевъ.
Мечтамъ открылись бы всѣ степи
И волямъ дали всѣхъ дорогъ.

Кто-то далъ волямъ всѣ дороги.

Фраза построена такъ же, какъ, напримѣръ, «намъ дали всѣхъ сластей».

Стр. 141. Грядущіе гунны.
Составьте, невольники воли,
Шалаши у дворцовъ, какъ бывало,
Всколосите веселое поле
На мѣстѣ троннаго зала.

О, вы, невольники воли,—о, вы, шалаши у дворцовъ,—поставьте на мѣстѣ троннаго зала веселое поле и, какъ бывало, всколосите его.

Стр. 143. Къ счастливымъ.
Цари стихій, владыки естества,
Послѣдыши и баловни природы,
Начнутъ свершать въ весельи торжества,
Какъ вѣчный пиръ, ликующіе годы.

Первый смыслъ. Перечисленныя лица будутъ свершать или, что то же, проводить, жить въ годы, такіе же ликующіе, какъ вѣчный пиръ.

«Начнутъ свершать въ весельи торжества годы, ликующіе, какъ вѣчный пиръ».

Второй смыслъ. Всѣ вышеназванныя лица будутъ жить въ теченіе ликующихъ годовъ, какъ бы наслаждаясь какимъ-то вѣчнымъ пиромъ.

«Они ликующіе годы начнутъ свершать, какъ вѣчный пиръ, въ весельи торжества».

Стр. 144. Тамъ же.
Разоблаченныхъ тайнъ святой родникъ
Ихъ упоитъ въ безсонной жаждѣ знанья.

Родникъ въ своей безсонной жаждѣ знанья напоитъ кого-то, т.-е. родникъ въ своемъ постоянномъ журчаніи и стремленіи изъ нѣдръ земли на свѣтъ—или, какъ выражается поэтъ: въ своей «безсонной жаждѣ знанья»—напоитъ извѣстныхъ лицъ.

Второй смыслъ таковъ, что-де, въ безсонной жаждѣ знанья извѣстныя лица напьются изъ родника.

Тамъ же.
И ляжемъ мы въ вѣкахъ какъ перегной,
Мы всѣ, кто ищетъ, вѣритъ, страстно дышитъ,
И этотъ гимнъ въ быломъ пропѣтый мной,

Выходитъ что-то похожее на то, что гимнъ такъ же ляжетъ въ вѣкахъ, какъ перегной. Стало-быть, въ вѣкахъ какъ перегной ляжемъ мы и гимнъ. Однако, слѣдующая строчка говоритъ о гимнѣ совсѣмъ другое:

«Я знаю, міръ грядущій не услышитъ».

Оказывается, что перегноемъ ляжемъ мы одни, а гимнъ не будетъ слышенъ. Такая игра поэта съ ожиданіемъ читателя или шуточна, или неловка. Есть народныя стихотворенія, основанныя именно на такой игрѣ съ ожиданіемъ слушателей. Стихотворенія эти считаются неприличными оттого, что остановка, возбуждающая вниманіе, дѣлается въ такомъ мѣстѣ, что малый ребенокъ даже скажетъ, что дальше должно быть нѣчто неприличное. На самомъ же дѣлѣ послѣ остановки говорятся самыя невинныя вещи. Цитировать эти стихотворенія нѣтъ возможности; похожіе на нихъ куплеты, поющіеся со сцены кафешантановъ, мнѣ не приходятъ сейчасъ на память,—поэтому приходится выдумывать какой-нибудь примѣръ, который далъ бы незнакомымъ съ этою игрой нѣкоторое понятіе о ней:

В ъ в а ш е м ъ к а б и н е т ѣ я л я г у н а д и в... говорю я и останавливаюсь. Вы воображаете, что послѣ остановки будетъ сказано н а д и в а н ъ, но я оканчиваю мысль такъ: н а д и в н ы й к о в е р ъ. Читатель видитъ, что, если моя

остановка была сдѣлана въ видѣ шутки, то шутка эта очень дешева, если же остановка произошла отъ несчастія, напримѣръ если я заика или поперхнулся,—то достоинства большого отъ подобнаго рода случайности тоже ждать не приходится. То же самое и у поэта:

И ляжемъ мы въ вѣкахъ какъ перегной,
Мы всѣ, кто ищетъ, вѣритъ, страстно дышитъ,
И этотъ гимнъ въ быломъ пропѣтый мной...

Если послѣдняя строчка обманываетъ читателя намѣренно, въ видѣ шутки, то нельзя сказать, чтобы она была остроумна и умѣстна; если же это—недоразумѣніе, и поэтъ самъ не видѣлъ своей запинки, то чуткость его къ языку—не изъ важныхъ.

Тамъ же.
Мы станемъ сказкой, бредомъ, бѣглымъ сномъ,
Порой встающимъ тягостнымъ кошмаромъ.

Какой настоящій смыслъ:
Мы сдѣлаемся сказкой, бредомъ, бѣглымъ сномъ и тягостнымъ кошмаромъ, который иногда встаетъ. Или же:
Мы станемъ сказкой, бредомъ, бѣглымъ сномъ, который встаетъ иногда тягостнымъ кошмаромъ.

Тамъ же.
...Клони меня Судьба
Дышать грядущимъ гордая услада!

Какъ вѣрнѣе понимать:
Гордо и сладко будутъ дышать тѣ, которые еще народятся.
Или:
Наслажденіе для каждаго человѣка вдыхать въ себя то, что еще появится.
Какъ можно дышать въ настоящемъ тѣмъ, чего нѣтъ и что будетъ въ будущемъ,—какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ у г. Брюсова остается вопросомъ, загадкой.

Стр. 150. Слава толпѣ.
Къ ликующимъ вывѣскамъ наглыхъ огней.

Огни ли вывѣшены, или у огней есть вывѣски?

Стр. 155. Духи огня.
Бѣдныя дѣти земли
Навстрѣчу мнѣ шли
Города дѣти и ночи:

Кто шелъ навстрѣчу поэту: городскія ли ночи и дѣти, или же дѣти, родившіяся отъ города и отъ ночи? Наконецъ, можетъ быть и то, что навстрѣчу поэту шли вообще дѣти земли, именно: ночи, люди и города.

Стр. 162. Конь блѣдъ.
И въ великомъ ужасѣ, скрывая лица,—люди
То безсмысленно взывали: «Горе, съ нами Богъ»,
То, упавъ на мостовую, бились въ общей грудѣ...
Звѣри морды прятали въ смятеньи между ногъ.

Между чьихъ ногъ: между ногъ, валявшихся въ общей грудѣ людей, или между своихъ? Если между своихъ собственныхъ, то нѣтъ ли здѣсь какого-нибудь недоразумѣнія: слонъ, напримѣръ, какъ спрячетъ голову между своихъ ногъ? Лошадь тоже: ноги у нея тонкія, и я не знаю, можетъ ли лошадь засунуть голову между своихъ ногъ? Стоя, и говорить нечего, что не можетъ, а лежа, вѣдь, пожалуй, она можетъ только положить на ноги морду, а не спрятать.

Конечно, я не желаю придавать всѣмъ отмѣченнымъ мною мѣстамъ характеръ исключительной какой-либо важности и утверждать что-нибудь похожее на «тако надо креститься»—а иначе и въ Царствіе Небесное не попадешь. Какъ видѣлъ читатель, отмѣченныя мѣста не носили слѣда явной глупости, они были только неясны, темны. Но, вѣдь, и вся поэзія г. Брюсова темна и неясна, и, можетъ-быть, въ этомъ именно вся прелесть ея *). Такъ что, въ сущности-то, я и не говорю даже ничего противъ поэта. Напротивъ, я подчеркиваю его достоинства. Мое желаніе заключается въ томъ, чтобы на доказательныхъ и очевидныхъ примѣрахъ установить поражающую меня неясность стиля г. Брюсова. Поэтому я и долженъ быть такимъ мелочнымъ. Большое количество найденныхъ очевидныхъ ошибокъ должно служить убѣдительнымъ доказательствомъ присутствія въ стихахъ еще большаго количества ошибокъ неяркихъ, малозамѣтныхъ. Все отмѣченное—намекъ на присутствіе обычной ошибки и неясности смысла тамъ, гдѣ маловнимательный читатель и не увидитъ ничего, кромѣ брюсовскаго стиля. Своими выписками я какъ бы говорю читателю: «Вотъ, ты прочиталъ мѣсто, но видѣлъ ли ты тайну этой работы, видѣлъ ли ты, что тебя сторожитъ невидимка, которую ты и не подозрѣваешь? Смотри, вотъ—она». Но такая же невидимка сторожитъ и меня, и всякаго, кого поэзія г. Брюсова коробитъ и дѣлаетъ больно чувству языка. Только трудно бываетъ указать эту невидимку, гдѣ именно она. Каждая строчка, каждое выраженіе въ стихахъ г. Брюсова полны такого обмана, такой мастерской лжи, что порой думаешь о спиритическихъ явленіяхъ изъ «Ребуса»—т.-е. о такихъ странныхъ явленіяхъ, когда отъ неизвѣстныхъ причинъ самые обыкновенные предметы въ домѣ начинаютъ вести себя такъ, что какъ-будто въ каждомъ такомъ предметѣ сидитъ тысяча дьяволовъ-шутниковъ. Они бросаютъ горшки съ цвѣтами, звонятъ въ колокольчикъ, безпокоятъ прислугу, дѣлаютъ разныя глупости и ничего серьезнаго. Нервные люди пугаются, волнуются, здоровые пожимаютъ плечами,—никто не можетъ ничего объяснить. Какой смыслъ цѣлой компаніи духовъ возвращаться въ этотъ гадкій міръ и дѣлать разную чепуху, достойную воображенія шалуновъ-мальчишекъ. Точно то же происходитъ и съ этими стихами: если задаться мыслью нарочно выдумать такую игру со словопониманіемъ русскаго языка, то ничего подобнаго придумать нельзя. Будетъ все пошло и глупо, но такъ темно,

*) Имѣются въ виду лица, понимающія эту поэзію.

такъ ловко, скрыто, двойственно, неясно, какъ пишетъ г. Брюсовъ,—нѣтъ возможности что-нибудь выдумать. Словно съ нимъ шутятъ духи, выдумывая такіе лживые обороты и такую двойственность. И какъ много такихъ темныхъ мѣстъ! Словно, всѣ стихи—результатъ работы какого-то больного мозга, какого-то попорченнаго аппарата, который всегда даетъ ошибку и чепуху въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстныхъ поворотахъ механизма рѣчи. Про эти стихи слѣдуетъ сказать, что они всѣ темны, но гдѣ именно темнота въ каждой строчкѣ, нѣтъ возможности указывать. Иногда кажется, что вотъ это слово производитъ путаницу. Подумаешь, подумаешь,—нѣтъ, вѣроятно, другое. Возьмешь другое—опять не оно. Если показывать такія мѣста читателю, то пришлось бы выписать книги г. Брюсова цѣликомъ, но это было бы мукой и для меня, и для другихъ, потому что, какъ я уже сказалъ, въ выписанномъ не было бы указаній на ошибки.

Однако, нельзя обойти молчаніемъ общее недомоганіе стихотвореній г. Брюсова, поэтому я выписалъ нѣсколько мѣстъ, о которыхъ я не могу сказать ни слова, но которыхъ я особенно не въ силахъ вынести. Противъ нѣкоторыхъ изъ этихъ мѣстъ я пытаюсь иногда отмѣтить то, что мнѣ кажется причиною моей боли, я пытаюсь даже дать объясненіе, но предупреждаю читателя, что мои подчеркиванія и восклицанія не имѣютъ сколько-нибудь серьезнаго значенія. Я готовъ отказаться отъ нихъ послѣ перваго же возраженія. Одно я знаю твердо и ясно,—что выписанныя мѣста дѣлаютъ больно моему чувству языка. Можетъ-быть, чувство это у меня не въ порядкѣ, я не спорю и потому не настаиваю на вѣрности моихъ ощущеній. Раньше, въ предыдущихъ отдѣлахъ, я имѣлъ возможность говорить о вѣрности моихъ ощущеній, потому что анализъ ихъ давалъ мнѣ для этого подтверждающія данныя, и читатель могъ самъ судить, насколько слѣдуетъ довѣрять моему чувству. Покидая читателя наединѣ съ вынесеннымъ имъ впечатлѣніемъ, я еще разъ говорю, что, составляя отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Объяснить ничего нельзя», я не могъ базировать ни на чемъ другомъ положительномъ, какъ только на довѣріи тому самому чувству, которое до сихъ поръ, вѣрно отмѣчая неправильности въ языкѣ, давало возможность уму подыскать объясненія своей правотѣ.

Из сборника «Вѣнокъ».
Стр. 11. Туманъ.
Онѣ (дѣвы) идутъ устало,
Закрывъ вуалью лица
И станъ фатой одѣвъ.

Объяснить ничего нельзя.

Вотъ,—странный нарядъ: фата и вуаль. Фата—это такой женскій уборъ, которымъ покрываютъ голову и часть стана. То же самое дѣлаетъ и хорошій вуаль, напримѣръ,—подвѣнечный. Есть такія русскія выраженія: невѣста до вѣнца подъ фатой, четыре сестрицы подъ одной фатицей. На что нуженъ вуаль при такомъ нарядѣ? Можетъ-быть, выраженіе поэта—то же самое, что, я пошелъ гулять, надѣвъ шляпу на голову, а шапку на затылокъ. Хотя, съ другой стороны,—здѣсь мы можемъ имѣть дѣло съ чѣмъ-нибудь мѣстнымъ: у мол-

даванъ, напримѣръ, подъ фатой понимаютъ юбку, поняву.

Стр. 13. Голосъ прошлаго.
Снова смутное бряцанье,
Вновь и вечеръ, и овесъ.

Когда характеризуется какое-нибудь время или событіе, то поэтъ, конечно, можетъ выбирать различные признаки. Но обыкновенно эти признаки составляются имъ въ однородныя группы, или такъ раздѣляются, чтобы не выходило чего-нибудь смѣшного тогда, когда этого совсѣмъ не нужно. Напримѣръ, если бы кто-нибудь вмѣсто «все вооружилось противъ него и Богъ и люди»— сказалъ бы: «все вооружилось противъ него и Богъ и пуговицы».

Съ другой стороны, это — все такъ условно, почему не сказать и такъ?

Стр. 29. На Саймѣ.
Въ блѣдномъ небѣ стали четко (сосны).
Стр. 35. Къ Деметрѣ.
Небо четко.

Четко—значитъ, что можно читать. Говорятъ написано четко, т.-е. разборчиво для чтенія.

Стр. 30. На Саймѣ.
Моимъ глазамъ свои ввѣряя очи.

Почему у одного глаза, а у другого очи?

Тамъ же.
Звенѣли мечи, и вожди старины.

Никогда не слыхалъ, чтобы у старины были вожди. Про то, что они звенѣли, я уже не говорю.

Стр. 67. Въ застѣнкѣ.
Кто насъ двухъ, душой враждебныхъ
Сблизить къ общей цѣли могъ?

Про сблизить говорятъ «сблизить кого съ кѣмъ», но не «сблизить куда». Въ этомъ послѣднемъ случаѣ предпочитается другой глаголъ приблизить. Языкъ руководствуется не только тѣмъ, чтобы было понятно, о чемъ говорятъ, но еще и чѣмъ-то такое другимъ: не говорятъ же «гости сблизились къ чаю, мы сблизились къ погребу»—хотя и понятно, вѣдь, въ чемъ дѣло.

Стр. 76. Въ трюмѣ.
Палачъ поманитъ насъ десницею
Останься плѣнною царицею.

Конечно, это—очень нехорошо забѣгать въ то, что читателю никакъ не можетъ быть извѣстно, но мнѣ почему-то нравится этотъ славный малый, палачъ, который, точно сочувствуя поэту въ его поискахъ за риѳмой къ слову царицею,—обязался уже заранѣе поманить плѣнныхъ не какой придется рукою, а именно правою.

Стр. 86. Мгновенія.
Чьихъ-то ликовъ вереницы
Наше ложе окружили,
Вѣютъ въ пламенныя лица
Тихимъ холодомъ воскрылій.

Воскрылія — края, полы верхней одежды. Но я не понимаю, какъ полы могли достать до ложа, а тѣмъ болѣе до лицъ людей, лежащихъ на ложѣ? Вѣдь, поэтъ самъ же указываетъ, что эти существа окружили ложе лицами, а не фигурами своими.

Стр. 91. Эпиграфъ.
Бродя по думамъ и влачась по днямъ.

Влачиться по днямъ—значитъ цѣлый день бродить, между тѣмъ поэтъ хочетъ сказать, что онъ только проглядывалъ прошлые дни.

Стр. 94. Встрѣчи.
И я ступилъ ногой за край открытый.

По-русски какъ-то лучше выходитъ, когда глаголы, обозначающіе движеніе, имѣютъ впереди себя приставку, яснѣе выражающую дѣйствіе глагола: вступилъ въ пѣсъ, переступилъ за порогъ, наступилъ на ногу и т. п. Въ данномъ случаѣ и ступилъ, и за край—уродливы. Потомъ: ступилъ ногой... какъ-будто ступить можно рукой или носомъ. За край почему-то написано. Край по-русски уже узурпировалъ себѣ для даннаго случая предлогъ «черезъ»...

Стр. 105. Послѣ пира.
Какъ кровь горѣли капли розъ.

Какъ это у розъ вышли капли, развѣ розы — жидкость? Что такое имѣетъ въ виду поэтъ: дѣйствительно капли или лепестки розъ онъ зоветъ каплями? А, можетъ-быть, самыя розы онъ понимаетъ въ видѣ капель?

Стр. 105. Послѣ пира.
Жрецы ночей и наслажденій,
Мы передъ вѣчной Красотой
Склонили радостно колѣни,
Воспѣвъ невольно гимнъ святой.

Но тамъ внизу, когда тумана.

Женскій родъ у слова туманъ!..

Стр. 107. Каменщикъ.
Камни, полдень, пыль и молотъ,
Камни, пыль и зной.

Стр. 115. Въ скверѣ.
Чтобъ въ родной и дикой волѣ
Всей природы потонуть.

Всей природы потонуть,—кажется, что падежъ не тотъ. Музыка языка требуетъ совсѣмъ не того, чѣмъ довольствуется логика грамматики. Какъ-

то невольно вмѣсто природы въ памяти остается природѣ, и смыслъ стиха запоминается ложнымъ.

Стр. 119. Кинжалъ.
Я—пѣсенникъ борьбы.

Пѣсенникъ—слово народное и имѣетъ два значенія. Одно—пѣвецъ, другое—книжка, собраніе народныхъ пѣсенъ. Какой смыслъ беретъ здѣсь г. Брюсовъ, я не спрашиваю, такъ какъ было достаточно уже мѣстъ, гдѣ двойственность выраженій была представлена читателю,—въ этомъ отдѣлѣ я обращаю вниманіе читателя на вопросъ о такъ - называемыхъ «низкихъ» словахъ.

Дѣло вкуса считать извѣстное какое-нибудь низкое слово удобнымъ или неудобнымъ для поэзіи. Но, съ другой стороны, и одной смѣлостью нельзя рѣшать вопроса. Ничего нѣтъ страшнаго сопоставить два понятія: рѣдиска и панихида, міровая скорбь и аршинъ,—но что можно думать о такой смѣлости?

Стр. 143. Къ счастливымъ.
Послѣдыши и баловни природы.

Послѣдыши... Богъ мой, какое слово!

Стр. 142. Грядущіе гунны.
Но васъ, кто меня уничтожитъ...

Стр. 144. Къ счастливымъ.
Мы всѣ, кто ищетъ, вѣритъ,
страстно дышитъ...

Употребленіе единственнаго числа вмѣсто множественнаго бываетъ, конечно, въ поэзіи. Но это не общее правило. Напримѣръ, первый случай положительно неудаченъ, второй лучше, чѣмъ первый. Причины, кажется, очевидны. Если бы во второмъ случаѣ сказать такъ: «мы всѣ, кто ищетъ» и больше не прибавлять ни слова, то фраза была бы дубовою, какъ и первая «Но васъ, кто меня уничтожитъ». Добавленіе нѣсколькихъ глаголовъ вѣритъ, дышитъ и т. д. даетъ объясненіе множественному числу «мы всѣ». Объясненіе, правда, обманчивое, но чувство языка мирится съ нимъ и считаетъ, что эти всѣ дѣлаютъ разное: одни ищутъ, другіе вѣрятъ, третьи дышатъ. Такимъ образомъ мѣстоименіе всѣ какъ бы объединяетъ разно занятыхъ лицъ. Между тѣмъ безъ нѣсколькихъ глаголовъ кто положительно рѣжетъ чувство, и въ первомъ случаѣ особенно.

«Но васъ, кто меня уничтожитъ». Здѣсь кто взято съ мѣстоименіемъ васъ. Но васъ имѣетъ двѣ формы— единственную и множественную. Единственную въ вѣжливомъ обращеніи.

Вы, который такъ всегда добръ—не откажите и т. п. Поэтому при чтеніи строчки «васъ, кто меня уничтожитъ» появляется чувство неудовлетворенности оттого, что не знаешь, какое васъ нужно взять. Глазъ видитъ маленькую букву, но чувство не хочетъ съ ней согласиться, потому что оборотъ рѣчи тогда неправиленъ.

Стр. 143. Къ счастливымъ.
Чтобъ листьевъ зелень осенью
не блекла.

Если бы подобное выраженіе было у обыкновеннаго писателя, то возможно, конечно, что я и не остановился бы на немъ, но здѣсь въ этихъ постоянныхъ ошибкахъ рѣчи, въ этихъ нелогичностяхъ чувство какъ-то пріучается къ испугу и всегда ожидаетъ появленіе его въ самыхъ неуловимыхъ на первый взглядъ случаяхъ. Напримѣръ, здѣсь оборотъ «осенью не блекла» чрезвычайно скользокъ для логики языка и какъ-то случайно уродливъ и шатокъ. Дѣло въ томъ, что блекнуть такое слово, точный смыслъ котораго неясенъ и неуловимъ. И эта неясность способствуетъ тому, что въ выраженіяхъ съ этимъ словомъ появляется сходство съ глаголами, отвѣчающими на вопросъ «чѣмъ», напримѣръ, пахнуть, покрываться, звонить, притворяться и т. п. Нѣкоторые такіе глаголы (какъ, напримѣръ, звонить) хотя и отвѣчаютъ на два вопроса: во что и какъ, но они не исключаютъ и вопроса чѣмъ. Выраженіе осенью не блекла, такимъ образомъ, можетъ отвѣчать двумъ смысламъ: одному, что-де зелень не блекла тогда, когда придетъ осень, другому—что зелень блекла не осенью, а чѣмъ-то другимъ, какъ лицо подернулось не грустью, а тоской или обидой.

Стр. 150. Слава толпѣ.
Слушайте жъ пѣснь храмовыхъ
славословій.

Прилагательное отъ храмъ умираетъ, его рѣдко говорятъ, больше берутъ прилагательное церковный: церковный на-

пѣвъ, церковное славословіе, церковный подсвѣчникъ, церковный коверъ и т. д. Не говорятъ храмовый подсвѣчникъ, храмовый коверъ, храмовый напѣвъ. Хотя есть выраженіе храмовой праздникъ.

Стр. 156. Духи огня.
Вы отъ земли къ облакамъ простиравшіе члены.

. . . . *)

Стр. 163. Конь блѣдъ.
Набѣжало съ улицъ смежныхъ новое движенье

Движеніе набѣжало кажется все равно, что шелъ бѣгомъ или бѣжалъ шагомъ.

Только женщина изъ залъ веселья

Женщина одна, а залъ много: какъ-будто и нескладно, а все же можетъ быть.

Но и ихъ рѣшительно...

Стр. 167. Изъ пѣсенъ Мальдуна.
Ахъ, вамъ все снятся магнолій
Купы надъ соннымъ заливомъ.

Вотъ строчки, кажется, объясняющія причину дубоватости стиховъ г. Брюсова.

Ахъ, вамъ все снятся магнолій

напоминаетъ знаменитую строчку Тредьяковскаго:

Екатерина Великая, о...

Какъ я понимаю оба эти явленія, суть ихъ въ томъ, что у Тредьяковскаго и у г. Брюсова разстановка словъ въ стихахъ удовлетворяетъ одному только какому-нибудь требованію стихосложенія, между тѣмъ какъ требованій не одно, а много, напримѣръ: риѳма, стиль, сочетаніе звуковъ, размѣръ.

Изъ сборника «Пути и Перепутья».
Стр. 28. Снѣга.
Кузнечиковъ безпечнѣй трескъ.

И «безпечный» въ этой поэзіи, полной странныхъ оборотовъ, и «трескъ»—такъ все это неуклюже, все полно такихъ недоразумѣній, что не знаешь, когда безпечный слѣдуетъ понимать въ смыслѣ безъ

*) Ну, что же? А я, развѣ, что-нибудь сказалъ? Въ этомъ мѣстѣ я, вѣдь, молчу.

печи, когда въ смыслѣ веселости. «Трескъ» говорятъ про сверчка,—про кузнечика выражаются «стрекочетъ».

Стр. 110. У моря.
Кругомъ сверканье, говоръ и...

Сверкать. У Даля въ примѣрахъ къ этому слову не встрѣчается ни одного существительнаго. Положимъ, это ни къ чему не обязываетъ поэта, но все же этимъ чуть-чуть выражается мнѣніе народа о языкѣ и музыкѣ словъ. Однако, я не настаиваю на ошибкѣ и готовъ сознаться въ придирчивости.

Стр. III. Въ Стѣнахъ, I.
Меня страшитъ безмѣрность
И чудо Божьихъ дѣлъ.

У Даля къ «безмѣрности» выписано только два примѣра: «безмѣрность пространства» и «по безмѣрности милосердія Божія». Меня останавливаетъ эта странность: въ то время какъ для другихъ словъ находятся десятки выраженій, иллюстрирующихъ ихъ примѣненіе въ языкѣ, для «безмѣрности»—выписано только два. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что слово безмѣрность—слово рѣдкое, и народъ, и г. Брюсовъ, сочетая слово это съ именемъ Божіимъ, кажется согласны, что слово это церковное. Примѣръ Даля взятъ какъ бы изъ какого-то церковнаго, можетъ-быть, даже на воскресную тему, разсужденія. У священниковъ вообще стиль не важенъ, но, опять-таки, это дѣло вкуса, и я не настаиваю на своемъ предубѣжденіи.

Стр. 115. Въ Стѣнахъ, 8:
Зданья одѣты туманами

Стр. 116. Тамъ же, 9.
Зданія—хищные звѣри

Стр. 171. Аганатисъ.
Безвѣстныя кругомъ столпились
Зданья.

Мнѣ всегда казалось, что по-русски больше говорятъ «зданія»—а не «зданья». Причина здѣсь можетъ-быть та, что сокращеніе *ія* въ *ья* во множественномъ числѣ дѣлаетъ похожимъ именительный падежъ множественнаго на родительный единственнаго. Напримѣръ: движеніе, движенья, движенью и т. д. Множ.: движенія или движенья. Кромѣ того существуютъ и такія слова, въ которыхъ замѣна *і*—мягкимъ знакомъ не можетъ быть допустима, напримѣръ, «линіи» нельзя замѣнить «линьи». Къ какому именно примѣру относятся «зданья», не могу

сказать, но обращаю вниманіе читателя на то обстоятельство, что эти зданья появились не для чего другого, какъ для риѳмы и размѣра, что и доказывается строчкою: «зданія—хищныя звѣри». Разъ въ одномъ случаѣ мы видимъ «зданія», а въ другомъ «зданья», то ясно, что мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то такимъ ухищреніемъ, которое показываетъ больше неловкость поэта, чѣмъ его вкусъ.

Стр. 119. Еще сказка, 3.
Но такъ ласкательны лучи.

Сказано не «ласковы лучи»—а ласкательны лучи. Вотъ странная форма: съ одной стороны, она какъ-будто старинная, въ родѣ «красны дѣвки», а съ другой стороны, это что-то современное въ родѣ внимательный, уменьшительный, увеличительный, учительный, гадательный и т. п. Я пробовалъ догадаться, въ чемъ дѣло, отчего выраженіе ласкательны—дубово, отчего это оно какъ-то «по-поповски» построено въ родѣ какъ бы «доброхотѣніе и ласкательность моей поповны». Но мои усилія не увѣнчались успѣхомъ, и я могъ только найти, что во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ суффиксъ тель сообщаетъ прилагательному такое свойство и состояніе, которое принадлежитъ одному только предмету. Предметъ этотъ какъ бы намагничивается, и имъ можно тогда производить дѣйствіе, выраженное въ глаголѣ. Напримѣръ: уменьшительное имя,—это имя, которымъ что-нибудь уменьшаютъ, учительное слово,—это слово, которымъ научаютъ, гадательныя карты,—это карты, которыми гадаютъ. Ласкательный понимается въ такомъ же именно смыслѣ и выходитъ, что «ласкательны лучи»—это такіе лучи, которыми можно ласкать. Вообще выраженіе ласкательный настолько неопредѣленно, что у Даля, напримѣръ, оно показано въ смыслѣ «льстивый», т.-е. въ такомъ значеніи, которое никакъ уже не подходитъ ни къ миру, ни къ лучамъ.

Изъ сборника «Вѣнокъ».
Стр. 31. На Саймѣ, 6.
Ласкательнымъ миромъ Суоми.

Во время отдыха отъ этой работы я читалъ Пушкина и въ его «Исторіи пу-

гачевскаго бунта» натолкнулся на такое выраженіе:

«Держа надъ головою возмутительное письмо отъ самозванца». (Дешевая Библіотека, изд. Суворина, С.-П.-Б. 1887, стр. 19.)

Возмутительное письмо—это наша теперешняя прокламація. Каждый понимаетъ это, и потому никто не скажетъ, что Пушкинъ-де находилъ письмо Пугачева возмутительнымъ въ нашемъ, современномъ пониманіи этого слова. Очевидно, во времена Пушкина прилагательное возмутительный еще не специализировалось и, мало того, оно намъ показываетъ, что языкъ русскій находился въ какой-то такой стадіи своего развитія, что намъ теперь этотъ языкъ и не совсѣмъ понятенъ во всѣхъ его тонкостяхъ. Если, стало-быть, г. Брюсовъ беретъ свое слово ласкательный въ старинномъ какомъ-нибудь пониманіи, то, вѣдь, это же ужасно трудно догадаться, въ пониманіи какого времени примѣняетъ онъ свое выраженіе?

Изъ сборника «Пути и Перепутья».
Стр. 125. Еще сказка.
И—какъ Израиль—хромъ!

Хромъ, между прочимъ,—химическій элементъ?

Стр. 126. Еще сказка, 12.
Мы были бъ какъ цари надъ вѣчностью.

Будемъ—какъ солнце, Фейныя сказки и прочія изобрѣтенія г. Бальмонта,—все это не русскія выраженія. Нѣмецкія дѣти сочинятъ такіе обороты и фразы, по-русски же лучше говорить «мы были бы царями».

Тамъ же.
Какъ продолженье дня.

Продолженіе какъ-то больше употребляется съ приставкой предлога: въ продолженіе, или же съ глаголомъ, напримѣръ: продолженіе слѣдуетъ. Просто же въ той сокращенной формѣ, которая взята г. Брюсовымъ, слово «продолженье» имѣетъ смыслъ не совсѣмъ удобный для поэзіи.

Стр. 149. Въ дни запустѣній.
Прочтя названья торжищъ и святилищъ,

Стр. 151. Братьямъ соблазненнымъ.
Дальше, дальше, какъ и шли.

«И шли» даетъ форму «ишли», т.-е. фабричное выраженіе отъ глагола итти.

Стр. 165. Преданіе о лунѣ.
И въ эти дни вошла луна.

Про луну какъ-то болѣе привычно слышать «взошла», и потому не слѣдовало бы толкать мысль читателя на предположеніе объ ошибкѣ. Вѣдь можно же было бы взять и другой какой-нибудь глаголъ для того, чтобы выразить мысль о появленіи луны въ мірѣ. Напримѣръ: проникла, появилась.

Стр. 179. Царю Сѣвернаго Полюса.
Одна на полюсѣ небесномъ
Царитъ безсмѣнная звѣзда
. . . .
. . . .
Въ круговращеньи вольно смѣломъ
Летитъ надъ нами небосводъ:

Конечно это будетъ пустой придиркой съ моей стороны, если я скажу, что мысли Свена нѣсколько грѣшатъ противъ астрономическихъ данныхъ. Всѣ конечно понимаютъ, что авторъ нимало за это неотвѣтственъ, но Свенъ въ пѣснѣ своей обнаруживаетъ знакомство съ такими взглядами, которые къ его времени не относятся, поэтому мнѣ кажется возможнымъ поставить упрекъ автору за то, что онъ не сумѣлъ яснѣе выразить разницу между своими собственными познаніями и познаніями лица, дѣйствующаго въ его произведеніи.

Дикарю простительно не знать, что полярная звѣзда не безсмѣнна, а перемѣнна, и что небосводъ не летитъ надъ нами,—но что сказать объ авторѣ, который въ наше время не знаетъ, что если можно говорить о полетѣ небосвода, то, во всякомъ случаѣ, не о его круговращеніи, а просто о движеніи всей солнечной системы къ какой-то точкѣ въ созвѣздіи Геркулеса.

Стр. 193. Замкнутые.
На узкихъ улицахъ дрожалъ ослабшій свѣтъ.

«Ослабшій» говорятъ про то, когда извѣстно первоначальное состояніе предмета, но про свѣтъ нельзя такъ выражаться, т. к. интенсивность его не можетъ быть общеизвѣстна: можетъ-быть тотъ свѣтъ, который мы считаемъ ослабшимъ, на самомъ дѣлѣ все время былъ такимъ, наконецъ свѣтъ могъ и не

ослабнуть, а его попросту убавили и т. п. Когда я вижу ослабнувшую резинку въ одеждѣ, то я говорю про нее, что она ослабла, потому что я и каждый,— всѣ знаютъ, какая должна быть резинка.

Стр. 194. Тамъ же.
То кормы лодокъ дерзкихъ мореходовъ

Корма во множественномъ числѣ вообще рѣдко употребляется. Это слово очень опасное въ томъ именно смыслѣ, что удареніе множественнаго числа неясно оттѣняетъ разницу между кормами—ѣдой и кормами—задами лодокъ. Въ данномъ случаѣ совершенно ясно, что именно имѣетъ въ виду авторъ, но читатель имѣетъ дѣло съ поэзіей странностей, поэтому всегда долженъ быть насторожѣ и волей-неволей остановиться, чтобы провѣрить мгновенную неясность.

Стр. 196. Тамъ же.
Не замыкай истомныхъ устъ.

Истомныя уста почему-то не понимаются въ такомъ смыслѣ, какъ истомные взоры. Глаза вообще лучше всѣхъ другихъ частей человѣческаго тѣла выражаютъ психическія состоянія организма, поэтому, вѣроятно, и можно говорить истомные взоры, т.-е. взоры полные особаго рода утомленія. Это утомленіе можетъ быть, конечно, выражено на лицѣ такъ-называемыми чертами его,—но изъ этихъ чертъ лица уста едва ли могутъ быть названы выразительными.

Слова на ость.

Я собралъ въ отдѣльную группу слова на ость. Эта группа не составляетъ особаго отдѣла, и я желалъ бы, чтобы по своей неважности и незначительности она примкнула къ только-что оконченному перечню несущественныхъ ошибокъ языка. Общее примѣчаніе къ этой группѣ таково: слова на ость, конечно, существуютъ въ русскомъ языкѣ, но жизнь ихъ ничѣмъ не выдѣляется передъ другими словами. Между тѣмъ въ поэзіи Бальмонта эти слова впервые стали меня поражать своею неуклюжестью. Съ Бальмонта и вся новая школа, словно подтверждая мое впечатлѣніе относительно этихъ словъ, оперируетъ съ словами на ость въ такомъ же именно неуклюжемъ родѣ, какъ Бальмонтъ. Иногда въ шутку я говорю, что Бальмонтъ всѣ существительныя производитъ на ость: небесный—небесность, красный—красность, оконный—оконность и т. п. Кажется, Эллисъ составилъ даже такую фразу для характеристики этой ненормальности поэзіи Бальмонта и его школы: сигарность моей папиросности.

Во всякомъ случаѣ, это ость характерное явленіе для новой школы г. Бальмонта, и тѣмъ, кто не былъ ею пораженъ раньше, слѣдуетъ обратить вниманіе на эти слова и на ихъ намѣренность.

Изъ сборника «Пути и Перепутья».

Стр. 120. Еще сказка.

Вотъ все невыносимѣй жгучесть.

Кажется, что слово жгучесть требуетъ себѣ какого-то добавленія: по своему характеру, или, лучше сказать, по характеру своего понятія это слово не такое самостоятельное, какъ похожія на него слова: морозъ, холодъ, зло, мораль, и т. д. Чтобы сдѣлать понятнѣе мою мысль, стоитъ лишь въ выписанной строчкѣ г. Брюсова замѣнить жгучесть производными словами отъ перечисленныхъ понятій, напримѣръ:

Вотъ, все невыносимѣй морозность
Вотъ, все невыносимѣй холодность
. . . . злостность
. . . . моральность.

Стр. 121. Тамъ же.

Въ безкрайности сгущенныхъ тучъ.

Крайность по-русски не выражаетъ края предмета, но крайность есть высшая или низшая степень, мѣра—бѣдствія, нужды, бѣдности. Жить въ крайности—жить въ бѣдности, но никакъ не на краю города или деревни. Поэтому безкрайности и не можетъ быть, разъ слово имѣетъ особенное специальное, узкое значеніе.

Стр. 145. Ей же.

И небо, и сѣрое море
Уходятъ въ нѣмую безбрежность.

У Даля безбрежности нѣтъ. Однако слово это и потому еще неуклюже, что логика его построенія сильно хромаетъ. Есть русское слово «бережность» — осторожность, осмотрительность; — противоположность ему — «небережность» или небрежность. Я думаю, что ухо такъ привыкло къ брежности въ смыслѣ бережливости, осторожности, что нужно очень и очень ломать привычку, чтобы понимать «бережность» въ смыслѣ берега. Вотъ почему такъ трудно помириться съ «безбрежностью». Кажется, что слово это нѣмецкаго словопроизводства: совершенно правильно по грамматикѣ, но неправильно по смыслу. Напримѣръ: кухарка варила пищу и во время варенья обожгла себѣ руку. Здѣсь, какъ въ примѣрѣ съ безбрежностью, совершенно понятно, въ чемъ дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что фраза принадлежитъ не русскому человѣку.

Стр. 177. Царю Сѣвернаго Полюса.
Любитъ безвѣстности Эрикъ,
Далью захваченъ варягъ.

Безвѣстность—состояніе того, кто не имѣетъ вѣстей, но у г. Брюсова безвѣстность обозначаетъ неизвѣстное пространство. Потомъ безвѣстность имѣетъ единственное число, г. Брюсовъ дѣлаетъ множественное, что еще больше рѣжетъ ухо. Опять-таки и въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ иностраннымъ словопониманіемъ русскихъ словъ. Я бы сказалъ, что обращеніе со словомъ «безвѣстности» похоже на то, какъ если бы кто-нибудь сталъ выдавать смыслъ слова волненіе за дѣйствіе вола. Потомъ я вообще не понимаю, почему нужно брать «безвѣстность», когда «неизвѣстность» ничуть не хуже. Кромѣ того, какая логика управляетъ поэтомъ, когда въ одномъ случаѣ свое слово онъ беретъ въ единственномъ числѣ, въ другомъ—во множественномъ?

Стр. 178 Тамъ же
. . . царь въ безвѣстностяхъ небесныхъ

Стр. 181. Тамъ же.
Корабль въ безызвѣстности бросилъ.

Стр. 195. Замкнутые.
И слушалъ съ ужасомъ размѣрность ихъ рѣчей.

По-русски размѣрности нѣтъ, есть размѣренность и размѣръ. Къ какому понятію ближе слово г. Брюсова? Если къ первому, то зачѣмъ новое слово, если ко второму,—то опять зачѣмъ новое слово? Если размѣрностью выражается новое понятіе, то что именно выражается имъ?

Стр. 5. Тѣни.
Бѣломраморность бедеръ...

Ну, мраморность, хотя и дико, однако все еще понятно, но «бѣломраморность»—что-то въ родѣ стоеросоваго дерева.

Изъ сборника «Вѣнокъ».
Стр. 28. На Саймѣ.
Въ дали, благостно сверкающей,
Стр. 157. Духи огня.
. . . и благость грядущихъ событій.

«Благостно»—такого нарѣчія я не нашелъ у Даля. Къ тому же это совершенно и непонятно, что бы такое могло обозначать подобное слово. Благо—добро, все полезное, служащее нашему счастію. Благость—высшая степень любви и милосердія, соединеніе всѣхъ добродѣтелей.

Такимъ образомъ, качество, выражаемое въ словѣ благость, принадлежитъ только Богу, про котораго и говорятъ «благость Божія». Соединеніемъ же понятія о чемъ-то высшемъ, духовномъ съ неодушевленнымъ понятіемъ «даль»—единственно чего можно достигнуть—возбужденія недоумѣнія.

Отдѣлъ сомнительныхъ словъ и выраженій.

Стр. 52. Къ Олимпійцамъ. Лишь обманность всѣхъ путей.	По-русски нѣтъ обманности, а есть обманчивость, обманка, обманываніе, обманенье, обманство.
Стр. 145. Фонарики. Ты ясностью, прекрасностью побѣдно мракъ разсѣкъ.	Въ самомъ дѣлѣ, какъ это до Бальмонта и Брюсова никто не додумался, что по-русски всѣ слова можно производить съ помощью окончанія ость: опасный—опасность, ясный—ясность, красный—красность, прекрасный—прекрасность, несчастный—несчастность. Между тѣмъ русскій языкъ зачѣмъ-то три послѣднія существительныя производитъ тремя различными способами: краснота, прекраса (царевна — прекраса), несчастіе.
Изъ сборника «Пути и Перепутья». Стр. 4. Тѣни. . . . . . вдавить Свои пальцы въ округлости плечъ.	Вдавить свои пальцы, вообще, нельзя, потому что обыкновенно пальцы сами вдавливаютъ что-нибудь. Затѣмъ, если что-нибудь можно вдавить, то не въ округлости, а въ округлыя плечи: округлость понятіе отвлеченное, а не конкретное, съ которымъ только и можно произвести операцію вдавливанія. И хотя поэзія и допускаетъ для своихъ цѣлей всякія вольности, но все же въ извѣстныхъ предѣлахъ; такъ напримѣръ, разумѣя геометрическую линію, даже въ поэзіи нельзя говорить о толщинѣ ея. Точно такъ же говоря о добрѣ, нельзя утверждать, что въ него кто-нибудь вбилъ гвоздь или вытеръ тряпкой.
Стр. 6. Къ моей Миньонѣ. Сжались извивы объятій.	У Даля есть существительное «витье». Но здѣсь скорѣе ужъ «обвивы», чѣмъ «извивы». Извивается змѣй, дорожка, а если нѣсколько, то перевиваются, а не извиваются.
Стр. 9. Криптомеріи. На журчащей Годавери. Я молиться въ поле выду.	По московскому говору все-таки будетъ «выйду».
. . . . Положу предъ входомъ храма.	Выходитъ, что храмъ будто бы ходитъ, и авторъ хочетъ что-то положить передъ его приходомъ.

Стр. 22. Въ вертепѣ.
И на ногахъ задребезжали цѣпи.

Дребезжитъ что-нибудь разбитое: посуда, стаканъ, стекло. Про цѣпи же говорятъ, что онѣ звенятъ, звякаютъ. Однимъ словомъ, что хотите, но «цѣпи задребезжали»—неудачно сказано.

Тамъ же.
Опять звенитъ приманчиво рояль.

Никогда не могъ бы подумать, что рояль можетъ звенѣть. Вотъ уже больше пятнадцати лѣтъ каждый день слышу рояль, но звона въ немъ не слыхивалъ. Потомъ отъ глагола манить съ разными приставками—заманить, отманить, приманить — нарѣчіе употребляется только «заманчиво», но не говорятъ: отманчиво, приманчиво, уманчиво.

Стр. 33. Три свиданья.
Эполетовъ. . . . .

Эполетъ?

Стр. 37. Идеалъ.
Былъ вечеръ лазурнымъ.

Хотя «быть» и отвѣчаетъ на вопросъ кѣмъ, чѣмъ, но для подобныхъ случаевъ практика жизни выдвигаетъ и другую форму, довольно успѣшно борющуюся съ грамматикою. Напримѣръ:

онъ былъ добрый сынъ,
онъ былъ добрымъ сыномъ.

Нѣмецъ, хорошо знающій грамматику, будетъ утверждать, что правильнѣе сказать «добрымъ сыномъ». Однако всѣ мы знаемъ, что языкъ допускаетъ и «добрый сынъ». И это тѣмъ болѣе, что въ приведенномъ случаѣ неправильная форма музыкальнѣе для примѣненія:

Былъ вечеръ лазурный
можно считать понятіе выраженнымъ окончательно, между тѣмъ

Былъ вечеръ лазурнымъ...
требуетъ себѣ какого-то дополненія: покровомъ, забвеньемъ или чего-нибудь въ этомъ родѣ (лазурнымъ сіяньемъ, лазурнымъ гимномъ). Я лично просто ограничился бы какимъ-нибудь добавленіемъ съ союзомъ и:

Былъ вечеръ лазурнымъ и чистымъ.

Это не рѣшало бы вопроса о дополненіи къ творительному падежу, но все же было бы законченнѣе для слуха.

Стр. 38. Идеалъ, 3.
Имъ были слѣпительны думы и сны.

Слѣпительный клей, слѣпительный составъ, слѣпительный приборъ — приборъ для слѣпленія марокъ. Такимъ образомъ слѣпительный можетъ означать и склеиваніе и расклеиваніе, если такъ можно выразиться, но, во всякомъ случаѣ, не относящееся что-либо къ свѣту. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слѣдовало бы сказать «ослѣпительны». Нельзя утверждать, что здѣсь понятенъ смыслъ, въ которомъ слѣдуетъ понимать слово «слѣпительный»: стихи декадентскіе, поэтому можно ожидать всякихъ неожиданностей; слово «метеоръ» стоитъ далеко, чтобы о немъ можно было вспомнить въ затрудненіи. Поэтому, пока разберешь, въ чемъ именно заключается нескладеха, мысль въ правѣ оставаться на смыслѣ, даваемомъ созвучіемъ словъ.

Стр. 44. Новые завѣты.
Я смотрю на мерцанья сочувственныхъ звѣздъ.

Сочувственный или сочувствующій? Сочувственный — это качество предмета, имя прилагательное, и въ этомъ смыслѣ поэтъ какъ-будто бы выражаетъ ту мысль, что есть-де какія-то такія звѣзды, которыя называются «сочувственными», какъ, напримѣръ, «двойныя или парныя» звѣзды. Эти сочувственныя звѣзды сочувствуютъ одна другой, и поэтъ смотритъ на нихъ безъ всякаго отношенія къ себѣ. Однако, здѣсь есть сомнѣніе, такъ какъ смыслъ выраженія можетъ относиться и къ сочувствію звѣздъ по отношенію къ самому поэту *). Что именно это имѣется поэтомъ въ виду, мы можемъ потому ожидать, что есть такая теорія самоучки-астронома г. Виноградова, который утверждаетъ, что звѣзды — это живыя существа. Но въ виду исключительности этой теоріи и незначительныхъ данныхъ, указывающихъ на нее, мы должны сказать, что и въ этомъ второмъ смыслѣ выраженіе поэта очень темно.

Стр. 60. Вѣянье смерти, I.
Какъ дольныя тѣни волхву.

Въ русскомъ языкѣ существуютъ три прилагательныхъ «дольный».

*) Т.-е. звѣзды будутъ «сочувствующія».

Стр. 122. Еще сказка, 6.
Когда, забывъ о дольномъ плачѣ.

Дольный—отъ долъ, т.-е. исподній, нижній, земной.

Дольный, длинный, долгій, протяженный—отъ доль—долина, длина.

Изъ сборника «Вѣнокъ».
Стр. 27. На Саймѣ.
Какъ на зовъ отъ всѣхъ томленій дольныхъ.

Дольный—къ долѣ относящійся, для обозначенія частей чего-нибудь, долей.

Какое изъ этихъ прилагательныхъ нужно отнести къ тѣнямъ? Смыслъ всѣхъ прилагательныхъ разный, но, тѣмъ не менѣе, каждый приложимъ одинаково. Можетъ-быть, волхву примелькались какія-нибудь кабалистическія тѣни, эти тѣни, можетъ-быть, имѣютъ особенный какой-нибудь половинный видъ, можетъ быть эти кабалистическія тѣни составляютъ часть обыкновенныхъ тѣней и потому онѣ называются частичными, дольными. Можетъ-быть, поэтъ хочетъ щегольнуть знаніемъ русскаго языка и беретъ здѣсь дольный въ смыслѣ рѣдкаго употребленія «длинный». Наконецъ, можетъ-быть это земныя тѣни, но тогда, какъ онѣ могутъ примелькаться волхву? Сидитъ онъ, что ли, гдѣ-то наверху, что онъ такъ много ихъ видитъ, или онъ все время смотритъ, уткнувшись въ землю.

То же самое возможно спросить и о плачѣ и о томленіяхъ: что это,—длинные плачъ и томленіе или половинчатые.

Еще одно замѣчаніе. Слово дольный въ смыслѣ земной—слово старинное. Мы теперь выразили бы его смыслъ въ словахъ низменный, нижній. То же самое можно сказать и объ остальныхъ значеніяхъ: лучше и яснѣе будетъ, если, вмѣсто дольный отъ длины—говорить длинный, а отъ доли долевой. Однако Пушкинъ и Лермонтовъ брали это старинное слово, но посмотрите, какая чуткость языка; оба поэта ставятъ старое слово въ старой формѣ, такъ что нѣтъ сомнѣнія относительно того смысла, который они ему даютъ.

У Лермонтова: И дольній прахъ ложится жадно.

У Пушкина... И дольней лозы прозябанье.

Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ не говорятъ, какъ г. Брюсовъ, «дольный прахъ»— «дольной лозы», т. к. и смыслъ затемняется, и стиль портится.

Изъ сборника «Пути и Перепутья».

Стр. 69. Въ пути.
Правятъ подъ мѣсяцемъ липкія ласки,

Стр. 90. Старый викингъ.
......Правилъ свой бѣгъ непреклонный.

Стр. 178. Царю Сѣвернаго Полюса.
.....правитъ онъ бѣгъ корабля.

Править кѣмъ, чѣмъ, править лошадью, править кораблемъ, т.-е. указывать направленіе, путь посредствомъ приспособленій. На вопросъ кого, что править—отвѣчаетъ глаголъ съ инымъ уже смысломъ: исправлять что-нибудь, поправлять, дѣлать лучше. Такимъ образомъ, правятъ бритву, дорогу, вывихъ, рукопись и т. п. Кромѣ всего этого есть старинное русское слово «править»—это исполнять что-нибудь должное, обрядовое, по извѣстному уставу положенное. Такимъ образомъ, говорятъ «править посольство», «править поклонъ» и т. п. Предоставляю читателю судить самому, насколько поэтъ стоитъ на высотѣ знанія языка, если онъ договаривается до того, что можно будто бы «править ласки». Сомнительно «править бѣгъ корабля», но править ласки—просто чепуха.

Стр. 78. Возвращеніе.
Какъ стебель повлеклась ко мнѣ.

Въ записяхъ Даля къ глаголу «повлачить» есть такіе примѣры: повлачилъ и я ненавистную жизнь было, нѣкогда временно. Повлекли бѣдняка въ неволю. Повлекся на костыляхъ. Отсюда видно, что глаголомъ «повлачить» выражается дѣйствіе, имѣющее характеръ волока, т.-е. дѣйствія тяжелаго, труднаго, непріятнаго. Между тѣмъ когда говорятъ о влеченіи растенія къ солнцу, то у насъ не возникаетъ представленія о чемъ-нибудь непріятномъ, тяжеломъ и насильственномъ, напротивъ, мы понимаемъ подъ этимъ примѣромъ нѣчто необходимое, гармоничное, родственное. Слово влеченіе по-русски не значитъ волоченіе, это приставка «по» сообщаетъ ему такой непріятный характеръ, т.-е. притягиваніе чего-то упирающагося. Можно говорить о томъ ко-

нечно, что слово это взято Брюсовымъ не въ современномъ его пониманіи, а какъ бы въ смыслѣ стариннаго стиля, но едва ли это улучшитъ дѣло, такъ какъ и въ церковномъ смыслѣ глаголъ «влечь»—«влещи»—«волокти» обозначаетъ насиліе, трудъ. «Влачить дни своя»—«взлекать бремя на гору».

Тамъ же.
И вырвусь изъ стѣсненныхъ рукъ.

Стѣсненный—значитъ, что предметъ, къ которому относится это слово, самъ стѣсненъ, самъ находится въ непріятномъ положеніи. Между тѣмъ въ стихахъ г. Брюсова этому слову придано такое значеніе, что-де руки стискиваютъ, удерживаютъ героя этого стихотворенія. Такимъ образомъ, если этому герою нужно откуда-нибудь вырываться, то не изъ стѣсненныхъ рукъ, а изъ стискивающихъ.

Однако, къ слову стѣсненный есть выраженіе «стѣсненныя обстоятельства». Въ этомъ случаѣ можно бы было сказать «онъ вырвался изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ». Но это выраженіе цѣльно, самостоятельно, за нимъ оставленъ въ языкѣ всѣмъ извѣстный спеціальный смыслъ, который, между прочимъ, не противорѣчитъ и логикѣ, т. к. обстоятельства, дѣйствительно, могутъ быть стѣснены, и выраженіе, такимъ образомъ, характеризуетъ цѣлый циклъ жизненныхъ случайностей. У г. Брюсова же рѣчь идетъ лишь о рукахъ женщины, взятой въ компанію на попойкѣ. Чѣмъ бы такое могли быть стѣснены ея руки?

Стр. 78. Рондо.
Я знаю бѣглость Ночи и Зимы.

Бѣглость по-русски значитъ техническое совершенство въ чемъ-нибудь: бѣглость рукъ, бѣглость пальцевъ. Но слово бѣглость никогда не выражаетъ чего-нибудь скоро переходящаго. Что же такое тогда поэтъ хочетъ сказать относительно ночи и зимы?

Я знаю бѣглость Ночи и Зимы,
Молюсь увѣренно Зарѣ и Маю.
Что въ будущемъ восторжествуемъ мы,
Я знаю.

Очевидно и явно, что дѣло идетъ о скоро переходящемъ непріятномъ для поэта состояніи ночи и зимы; но зачѣмъ же тогда онъ беретъ слово «бѣглость». Шутка какая здѣсь, что ли? А можетъ-быть здѣсь пошлый намекъ на то, что Ночи и Зимѣ пора бы было пріобрѣсти навыкъ и бѣглость въ техникѣ при постоянной, вѣчной своей смѣнѣ Дня и Весны. Если это шутка, то нельзя сказать, чтобы она была особенно остроумна. Это что-то нѣмецкое, натянутое.

Стр. 97. Наполеонъ.
На пыли расточенныхъ лѣтъ.

Изъ сборника «Вѣнокъ».
Стр. 85. Мгновенія.
Надъ нами расточенный дымъ.

Расточить по-русски имѣетъ нѣсколько значеній. Расточить отъ глагола точить, и тогда приставка «рас» будетъ придавать глаголу противоположный смыслъ, притупить что-нибудь наточенное.

Расточить — погубить, разсѣять вразбродъ.

Расточить—щедро, обильно осыпать даяніями.

Да расточатся враги его.

Расточилъ враговъ по всѣмъ вѣтрамъ.

Расточающій свое, братнино не обережетъ.

Расточай благодѣянія.

Итакъ, какое же значеніе придаетъ г. Брюсовъ своему глаголу: разсѣянные года, разсѣянный дымъ, или въ изобиліи прошедшіе года, въ изобиліи напущенный дымъ? Не будетъ ли слишкомъ большой натяжкой сказать про года Наполеона, что онъ ихъ разсѣялъ? Конечно, можно считать и большимъ остроуміемъ взглядъ на Наполеона, какъ на кутилу жизни, но будетъ ли это справедливымъ?

Изъ сб. «Пути и Перепутья».
Стр. 100. У моря.
Тамъ прудъ недвиженъ полусонный

Есть недвиженъ, есть недвижимъ, а есть и неподвиженъ,—что лучше?

Стр. 106. Закатъ.
Тамъ, гдѣ зыблилась вода.

Зыблилась—дубовато какъ-то. Потомъ здѣсь какое-то созвучіе, похожее на «лилась вода». Слово «зыблилась»

наводитъ на размышленія такого рода. Въ языкѣ, какъ извѣстно, существуютъ нарѣчія, говоры, изъ которыхъ языкъ удерживаетъ то, что въ нихъ есть наиболѣе удачнаго. Иногда оставляется одна какая-нибудь форма глагола, одно какое-нибудь время, одно существительное, одно нарѣчіе. Примѣры: нездоровится, уродился, смежились, вѣдь, знать, должно-быть, церковь, церковный, закатъ, закатываться, закатится. У существительнаго закатъ есть глаголъ, но нѣтъ прилагательнаго, какъ этого иногда хочетъ г. Брюсовъ. У глагола закатывать нѣтъ существительнаго. Точно такъ же и со словомъ зыблилась; есть разныя выраженія, но они всѣ мало жизненны. Хорошо звучатъ для слуха двѣ только формы.

Слово зыблемость имѣетъ у Даля такую запись. Зыбать—Псковск. Зыбать—Новогородск. Нижегородск.—зыблить, Вологодск.—зыбнуть что. Зыбить—безлич. въ 3-мъ лицѣ зыбитъ. Зыбанье, зыбнуть, зыбкій, зыбучій, зыбковатый, зыблемость, зыбочный, зыбунокъ и т. п. Отсюда видно, что буква «л» вставляется очень рѣдко, и, кромѣ того, что московскій говоръ очень косо смотритъ на всѣ эти зыбать, зыбнуть, зыблемость и т. п. москвичи говорятъ охотнѣе незыблемый, чѣмъ, «зыблемый». Ухо переноситъ зыбкій зыбучій, но не зыбать, зыблемый.

Стр. 109. У моря, 19.
Отъ пролетныхъ тучъ.

Стр. 127. Зеленый червячокъ.
Птицъ пролетныхъ голоса.

Есть пролетъ въ смыслѣ летъ летѣть, есть пролетъ въ смыслѣ сквозины, свободнаго прохода. Прилагательныя для обоихъ случаевъ—одинаковы. Однако, на мой взглядъ, за «пролетнымъ» все-таки больше осталось значенія и примѣненія въ смыслѣ имѣющаго проходъ, сквознину. Для тѣхъ же, кто несогласенъ съ этимъ наблюденіемъ, нужно сказать, что въ виду двойственности понятія, связаннаго съ однимъ и тѣмъ же словомъ, ясность слога тогда достигнется, когда существительное будетъ само пояснять, что именно обозначаетъ относящееся къ

нему «пролетный». Напр. пролетные столбы, пролетныя стрѣлы, пули, ядра и т. д. Но пролетныя волны, пролетныя тучи—создаютъ вопросъ относительно смысла. Я не говорю, что въ возникающемъ затрудненіи нельзя разобраться; ученый слогъ изобилуетъ еще большими затрудненіями, но все же они преодолѣваются, не дѣло слога поэзіи быть темнымъ, вотъ что нужно имѣть въ виду.

Относительно птицъ пролетныхъ, хотя въ русской поэзіи встрѣчаются «пролетныя птицы», однако, лично я никогда бы не сказалъ про птицъ прилагательное «пролетный», ужъ очень оно похоже на «перелетный», я выразился бы «пролетающихъ птицъ». Мой примѣръ не указка, и я беру его, какъ фигуру рѣчи, дающую лишь возможность сказать то, что требуется.

Стр. 112. Въ стѣнахъ, 3.
.....ламповый свѣтъ
Умиряетъ усталые взоры.

У Даля примѣры къ этому слову таковы, что въ нихъ сразу видно, въ чемъ дѣло: умирить враговъ, умирить край, страну, смуты. Умирять страсти, умиротворить враждующихъ, умиренные горцы. У г. Брюсова же взята какъ разъ такая форма, которая дѣлаетъ похожимъ это выраженіе на слово, произведенное отъ глагола «умѣрить», (уменьшить). 3-е лицо ед. числа въ настоящемъ времени даетъ отъ этого глагола какъ разъ по произношенію то же самое, что взято г. Брюсовымъ, «корабль умѣряетъ ходъ»— «свѣтъ умѣряетъ страданія, усталость». Въ брюсовскомъ примѣрѣ слухъ какъ-то не хочетъ согласиться считать «умиряетъ» принадлежащимъ глаголу умирить. Стихи, правда, пишутся не для слуха, а для чтенія глазами, но, помимо того, что стихи читаются вслухъ, чтеніе глазами въ этомъ случаѣ—у меня, напримѣръ, предположило опечатку и настойчиво старалось считать «умиряетъ» происшедшимъ отъ «умѣрить». Согласенъ, что этотъ доводъ очень субъективенъ, поэтому и не настаиваю на немъ передъ тѣми, чье чте-

ніе глазами было болѣе объективно. Однако, нельзя пропустить выраженія г. Брюсова еще безъ одного замѣчанія. Умирить — значитъ прекратить что-то возбужденное, бушующее, взволнованное. Перечтите (нѣсколько выше) примѣры Даля и вы увидите, что миръ нуженъ тамъ, гдѣ его нѣтъ. Въ усталости же едва ли нужно умиренье, она сама—миръ. Съ этимъ можно и не соглашаться, но нельзя не видѣть, что выраженіе г. Брюсова не изъ удачныхъ.

Стр. 112. Тамъ же.
Въ глубинѣ безысходныхъ пещеръ.

У пещеры есть «выходъ», а не «исходъ». «Исходъ»—слово старинное, въ современномъ языкѣ употребляющееся только въ извѣстныхъ, шаблонныхъ уже выраженіяхъ, напримѣръ, «у меня былъ только одинъ исходъ». Съ приставкой «без» —исходный еще рѣже употребительно. По-русски нельзя сказать «безысходная комната», такъ же какъ и безвыходная комната. Перевернувъ выраженіе, можно еще выразиться «комната безъ выхода», но какъ ни перевертывай, никогда нельзя сказать «комната безъ исхода», потому что исходъ не въ старинномъ, а въ современномъ словоупотребленіи обозначаетъ нѣчто отвлеченное, сложное,—звено въ цѣломъ циклѣ обстоятельствъ.

Стр. 117. Въ стѣнахъ, II.
Ряды сопоставленныхъ лицъ.

Сопоставленныхъ лицъ—какая поразительная «игра природы» въ жизни языка. Это выраженіе—какой-то уродушекъ. Ухо наше такъ привыкло къ двумъ словамъ, встрѣчающимся всегда вмѣстѣ, — высокопоставленныя лица, что такъ и хочется улыбнуться читая брюсовское «сопоставленныхъ лицъ». Думаешь, что г. Брюсовъ просто ошибся, пропустивъ нѣсколько буквъ. Когда мы перейдемъ къ Тютчеву, то мы увидимъ подобную же слѣпоту чувства языка по отношенію къ всѣмъ извѣстному выраженію «свѣтлость». Оба слѣпые въ языкѣ поэта игнорируютъ установившуюся привычку къ особенному пониманію такихъ шаблонныхъ выраженій, какъ милостивый государь, благородіе, покорный слуга и т. п.

Стр. 119. Еще сказка, 3.
Я знаю гибель наизусть.

«Наизусть» — спеціальное, школьное выраженіе. Однако ничего нельзя сказать противъ примѣненія его въ обыденномъ языкѣ жизни,—но только тамъ, гдѣ оно подходитъ. Знать наизусть можно что-нибудь постоянно остающееся однимъ и тѣмъ же: книгу, стихотвореніе, обрядъ, математическую формулу, словомъ, нѣчто неподвижное, закрѣпленное, конкретное. Нельзя знать наизусть отвлеченныхъ понятій, какъ бы постоянны они ни были: гніеніе, смерть, здоровье, кушанье. Всѣ эти отвлеченныя понятія постоянны и одни и тѣ же у всѣхъ, но постоянство ихъ только кажущееся и для «наизусть» не подходящее. Каждое изъ этихъ существительныхъ обнимаетъ собою цѣлое разнообразіе явленій. Я сказалъ бы, что одинаковъ и постояненъ въ этихъ существительныхъ результатъ тѣхъ сложныхъ процессовъ, которые обобщаются ими. Напримѣръ: смерть бываетъ отъ отравленія, отъ удушенія, отъ тысячи болѣзней и т. п.—но результатъ ея одинъ и тотъ же вездѣ—прекращеніе жизни. Кушанье бываетъ такъ разнообразно, что никакое «наизусть» не въ состояніи его запомнить, однако, результатъ его—питаніе человѣка,—одинъ и тотъ же у всѣхъ. Но результатъ этотъ единиченъ, такъ сказать: въ немъ нѣтъ ничего такого, для чего требовалось бы знаніе «наизусть». Про одно слово, про одну алгебраическую букву, про одно движеніе изъ обряда нельзя говорить, что я это знаю наизусть.

Точно такъ же и про гибель нельзя говорить, что поэтъ знаетъ ее наизусть. Поэтъ можетъ знать, что въ концѣ-концовъ случится гибель, онъ можетъ даже знать, какъ именно она произойдетъ, т.-е. предвидѣть постепенность этого процесса, но тогда это не будетъ знаніемъ наизусть, на память,—такъ какъ это будетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе, оно больше не повторится точь-въ-точь, и памяти нечего въ немъ запоминать. Если въ этомъ процессѣ есть кому работа,— то никакъ

ужъ не памяти, а только наблюденію, чтобы замѣтить, насколько этотъ новый процессъ похожъ на предыдущіе. То же самое происходило и въ предыдущихъ процессахъ знакомой поэту гибели: приблизительно всѣ эти процессы были похожи одинъ на другой, весьма возможно, что аналогія ихъ доходила и до полнаго тождества, но никто въ мірѣ не можетъ утверждать, что каждый новый процессъ гибели будетъ такой же, что и предыдущіе. Во всякомъ случаѣ, если бы и нашелся ограниченный человѣкъ, который сталъ бы утверждать такой явный сумбуръ, то все же его утвержденіе не будетъ называться знаніемъ наизусть, на память, а простымъ знаніемъ, какъ напримѣръ,— у ученаго знаніе химіи, естественной исторіи и т. п. Всѣ и каждый понимаютъ, что нельзя же говорить про ученыхъ, что химію, напримѣръ, они знаютъ наизусть. Уже въ шестомъ классѣ гимназіи ученики перестаютъ говорить, что они знаютъ естественную исторію наизусть. Только въ третьемъ, въ приготовительномъ классахъ можно еще услышать, что какой-нибудь знахарь знаетъ «Законъ Божій» наизусть.

Стр. 120. Еще сказка, 3.
Но въ паданьи захваченъ духъ.

Не въ паденьи, а въ паданьи. Паданье по повторяемости выраженнаго дѣйствія похоже на кувырканье, открыванье и закрыванье—т.-е. видъ, какъ бы сказать, многократный. Глаголъ же «захваченъ» поставленъ въ однократномъ видѣ. Духъ не захватывался, а захваченъ. Отсюда дубоватость выраженія, неловкость его для чутья языка. Оборотъ кажется и стариннымъ, и нестариннымъ. Нѣтъ въ немъ достаточной намѣренности. Съ одной стороны, здѣсь какъ-будто бы ошибка,— съ другой, какъ бы тютчевскій оборотъ рѣчи. Не думаю, чтобы подобная неопредѣленность могла считаться за достоинство стиха.

Стр. 120. Еще сказка, 4.
Свѣтъ невосшедшаго дня.

По-русски говорятъ восшедшее солнце, восшедшій мѣсяцъ, но никогда не говорятъ восшедшій

день. У г. Брюсова же мало того, что день—понятіе отвлеченное—соединено съ неупотребительнымъ для него глаголомъ, но еще сказано про день нѣчто такое, что заставляетъ только пожимать плечами. Невосшедшій день—это все равно, что «непоказавшаяся струя фонтана», «неядовитый ядъ», т.-е. такая чепуха, которую можно только сказать словами, но никакъ не понять. Изобрѣтеніе подобныхъ оборотовъ рѣчи напоминаетъ ловлю пальца правой руки правой же рукой. Покамѣстъ занятіе это дѣлается въ шутку, то можно пожимать только плечами при видѣ его; но когда такимъ дѣломъ занимается кто-нибудь серьезно, то ясно, что мы имѣемъ дѣло съ болѣзнью духа.

Стр. 121. Тамъ же, 5.
Пройдя мучительство суетъ.

Мучительство—дѣйствіе мучителя, между тѣмъ по здравому смыслу у суетъ не можетъ быть ничего, кромѣ свойства непріятнаго, мучительнаго, т.-е. мучительности.

Стр. 140. Къ портрету М. Ю. Лермонтова.

Въ твоихъ какъ-будто кованыхъ стихахъ.

Вотъ удивительное «какъ-будто». Подумаешь, какая у поэта появилась осторожность въ выраженіяхъ. То дѣлаетъ слѣды на ниткахъ, то цѣлымъ дозоромъ дѣлаетъ слѣды, а тутъ вдругъ «какъ-будто» появилось. Между тѣмъ нужно бы было поступать какъ разъ наоборотъ: на ниткахъ «какъ-будто» дѣлать слѣды, а стихъ можно считать кованымъ и не «какъ-будто». Кованый по-русски не значитъ только выбитый ударомъ молота, но плотный, сплошной,—особенно хорошей работы: кованый мечъ, кованый сундукъ, кованый галунъ, кованый платокъ и т. п. На югѣ «кованый» значитъ даже пестрый, рябой, т.-е., стало-быть, кованый имѣетъ не одно только значеніе.

Стр. 154 Къ металламъ.
Серебро такъ ясно въ перелетномъ звонѣ.

Перелетать можетъ что-нибудь постоянно летающее. Летающее, но не летящее. Не все летящее можетъ быть перелетнымъ. Напримѣръ, доска можетъ летѣть падая куда-нибудь, но она не «перелетная». Перелетнымъ

въ переносномъ смыслѣ называется что-нибудь переходящее то на одну сторону, то на противоположную. Однако для этого требуется разное, довольно длительное время. Звонъ, — при исключительныхъ условіяхъ особеннаго какого-нибудь эхо,—можетъ перелетать съ мѣста на мѣсто. Въ обычныхъ же условіяхъ онъ только летитъ въ одну сторону и въ одно время, какъ свѣтъ, какъ звукъ рѣчи, пуля, доска и т. п.

Стр. 158. Золото.
Изъ жизни медленной и вялой
Я сдѣлалъ трепетъ безъ конца.

Нужно сказать, что въ стихотвореніи «Золото» поэтъ имѣлъ нѣсколько случаевъ изъ разныхъ предметовъ создать новыя цѣнности. Такъ, напримѣръ, въ первой строфѣ поэтъ говоритъ:

Золото сдѣлалъ я, золото—
Изъ солнца и горсти песку.

Во второй:

Я сдѣлалъ снѣгъ
Изъ лепестковъ.

Языкъ все это допускаетъ: и золото, и снѣгъ, но сдѣлать трепетъ,—какъ хотите, это что-то съ иностраннаго: FAIRE LA COUR, FAIRE ATTEINDRE и т. п. Сдѣлать пѣніе, сдѣлать мысль, сдѣлать чувство—что-то маклерское, гостиннодворское, по-русски всѣ эти существительныя удачнѣе связываются съ глаголомъ «вызвать», а не «сдѣлать».

Стр. 161. Сказаніе о разбойникѣ.
Въ той же странѣ случился монастырь святой.

Вотъ снова выраженіе аналогичное по своей неопредѣленности съ разобраннымъ выше «но въ паданьи захваченъ духъ». Какъ тамъ, такъ и здѣсь не разберешь ясно намѣренности. Какъ нужно понимать «случился» монастырь? Какъ старинное выраженіе или какъ—простонародный, фабричный жаргонъ? Для старины въ этомъ выраженіи чего-то нѣтъ: думается, что старинное яснѣе бы было, если бы стояло что-нибудь въ родѣ «и случился голодъ въ той странѣ»— «и случился тутъ старъ человѣкъ».

Стр. 178. Царю Сѣвернаго Полюса.
Зыблется дрожь корабля.

Повторныя колебательныя движенія различаются между собою, и мы знаемъ: зыбь, дрожь, трепетъ. Зыбь—это одно,

трепетъ—другое, дрожь—третье. Всѣ эти понятія нельзя сочетать между собою, напримѣръ: трепетъ дрожи, зыбь трепета, трепетъ зыби. Это все будутъ курьезы въ родѣ трепетъ трепета, дрожь дрожи и т. п. Перемѣшавъ, такимъ образомъ, ощущенія какого-нибудь одного чувства, мы получимъ: сладкая соль, горькій сахаръ, синяя краснота, фіолетовая зелень и т. п.

Стр. 179. Тамъ же, I.
Въ круговращеньи вольносмѣломъ.

Можно быть невольно смѣлымъ, какъ и невольно храбрымъ, гордымъ, честнымъ и т. п., но быть храбрымъ, честнымъ, гордымъ можно быть только просто, обыкновенно быть вольно-храбрымъ, вольно-гордымъ, вольно-честнымъ все равно, что—стоять стоя, сидѣть сидя и т. п.

Стр. 181. Тамъ же, V.
Дѣти пламенныхъ странъ.

Пламенный—это то, что имѣетъ пламя: пламенный огонь, пламенная печь. Въ переносномъ смыслѣ говорятъ пламенная любовь, пламенный взоръ, пламенное желаніе,—вообще пламенный говорятъ про что-нибудь, могущее жечь физически или духовно. Но что такое значитъ пламенная страна? Насколько мнѣ извѣстно, наша планета давно уже непохожа на солнце, гдѣ будто бы и сейчасъ еще происходятъ катаклизмы огня; духовно пламенныхъ странъ я также не знаю. Нужно ли говорить о томъ, что если здѣсь подразумѣвается что-нибудь условное, извѣстное одному только поэту или его друзьямъ, то слѣдовало бы предупредить объ этомъ читателя.

Тамъ же.
О торжествѣ скоротечномъ.

По-русски говорятъ: скоротечное время, скоротечная жизнь, скоротечная чахотка. Про торжество же выражаются «скоропроходящее». Торжество не течетъ, а проходитъ.

Стр. 182. Тамъ же.
Любя бушеваніе влаги.

Влага по понятію, заключенному въ этомъ словѣ, ближе къ мокротѣ, къ сырости, чѣмъ къ водѣ, къ жидкости.

Это—скорѣе состояніе предмета, чѣмъ самый предметъ. Влага — есть нѣчто отвлеченное что-то въ родѣ «добра» — «нравственности» — «архитектуры». Это очень неосмотрительно и неосторожно со стороны поэта взять слово, имѣющее два значенія—обширное и узкое—и не указать ясно, какое именно значеніе онъ самъ имѣетъ въ виду. Съ одной стороны, конечно, понятно, что говорится про море, но читателю неясно, не забылъ ли поэтъ про второе значеніе слова «влага». Его фраза составлена такъ, что строеніе ея не указываетъ на строгую стилистическую точность мастера слова, она какая-то расплывчатая, неаккуратная. Она походитъ на то, какъ если бы кто всерьезъ сказалъ вмѣсто «подайте овощи» — «подайте плоды земные».

Стр. 183. Тамъ же, VI.
Свой развернутый полетъ.

Развернутый, кромѣ обыкновеннаго смысла, имѣетъ еще и спеціальный, это тогда, когда говорятъ: «развернутый фронтъ». Во всякомъ случаѣ, въ обыкновенномъ смыслѣ развернутый говорятъ про то, что можетъ быть свернуто, а полетъ свернуть нельзя, потому что это — дѣйствіе, уничтожающееся въ каждый данный моментъ. Есть, конечно, и такіе предметы, которые, будучи развернутыми, не могутъ быть уже свернутыми, но такіе предметы до своего развертыванія все-таки существовали, какъ нѣкая реальность, между тѣмъ полетъ даже потенціальной, скрытой реальностью не можетъ быть.

Стр 186. Тамъ же. Вода.
Выть и биться океаномъ.

Для океана что-то ужъ очень мизерно представленіе это выть и биться. Воютъ волки; еще у Пушкина есть «бури завыванье», но оно слышно изъ комнаты. Однако я не путешествовалъ по океану и не настаиваю на своемъ упрекѣ.

Стр. 186. Тамъ же. Огонь.
Я—огонь. Мой ликъ случаенъ.

Есть случаенъ и случайный. Про первое говорятъ, что это, будто бы, неправильная форма, но я лично думаю,

что форма правильна, по крайней мѣрѣ, для этого прилагательнаго. Однако г. Брюсовъ вотъ почему ошибается, употребляя слово случаенъ, а не случайный. Онъ хочетъ сказать про огонь, что лицо его бываетъ множественно, неопредѣленно, не всегда одно и то же, а послушно вольной прихоти различныхъ условій. Между тѣмъ случаенъ имѣетъ совсѣмъ не тотъ смыслъ. Случаенъ значитъ—единствененъ, единоличенъ, индивидуаленъ. Говорятъ «этотъ рояль—случаенъ», т.-е. изъ сотни роялей извѣстной фабрики одинъ рояль особенно хорошо удался или не удался, вышелъ непохожимъ на всѣ остальные. Между тѣмъ «случайный рояль»—значитъ, что онъ купленъ по случаю дешево. Это событіе — случайно. «Событіе — единственно». Случайное же событіе—значитъ непредвидѣнное событіе. Первое можетъ быть предвидѣно, потому что одно только и есть, какъ напримѣръ особенно хорошій рояль, второе же не можетъ быть предвидѣно, потому что оно бываетъ неожиданно.

Стр. 193. Замкнутые.
Гдѣ явственно заря, когда безъ солнца свѣтитъ,
Границу кругозора мѣтитъ.

Мѣтить границу—значитъ на существующей уже границѣ, или, иначе говоря, на пограничной линіи, класть, дѣлать какія-нибудь отмѣтки. Для чего нужны эти отмѣтки, конечно другой вопросъ, но понятіе объ этихъ отмѣткахъ здѣсь налицо. Кромѣ того, «границу мѣтить» имѣетъ еще и второй смыслъ, именно цѣлиться въ границу. Для чего и какъ это можно цѣлиться въ границу, опять-таки—новый вопросъ, но самое понятіе можно считать выраженнымъ. И это тѣмъ болѣе, что мы уже видѣли, какъ поэтъ дѣлалъ слѣды на ниткѣ, правилъ ласки, проникалъ къ цѣли... Въ самомъ дѣлѣ, почему же здѣсь и не цѣлиться бы зарѣ въ границу кругозора? Наконецъ, третье значеніе этого выраженія — заря проводитъ границу кругозора. Итакъ, какое же изъ этихъ трехъ значеній имѣетъ поэтъ въ виду для смысла своего стихотворенія?

Стр. 196. Замкнутые.
... сдѣлай жизнь *единой* дрожью.

Мнѣ кажется, что *дрожь* имѣетъ и такъ единственное число, поэтому не зачѣмъ стараться дѣлать единую дрожь.

Тамъ же.
Искусство жаждетъ самовластья
И души *черпаетъ* до дна.

Черпаютъ воду. Бочку, колодезь, рѣчку *вычерпываютъ*. До дна можно *зачерпнуть*, *черпнуть*, но никакъ не *черпать*.

Стр. 200. Замкнутые.
Подъ блескомъ *обманныхъ* глазъ.

Обманный или обманчивый? *Обманный*—это то, чѣмъ дѣлаютъ обманъ, чѣмъ обманываютъ, а *обманчивый*—это то, что само обманываетъ. Какіе же глаза—тѣ или другіе? Про глаза не говорятъ *обманные*. Говорятъ *ударъ обманный*,—въ фехтованіи. *Карта обманная*,—въ игрѣ. Глаза же называютъ *обманчивыми*, т.-е. придаютъ имъ одушевленіе, какъ-будто они сами обманываютъ. Однако, никто не сомнѣвается, что глаза сами по себѣ никого не могутъ обманывать, а такъ дѣлаетъ собственникъ ихъ, человѣкъ, Въ выраженіи «обманчивые глаза» закрѣпленъ условленный уже жизнью цѣлый кругъ предпосылокъ, и я думаю, что совершенно не къ чему открывать въ этомъ выраженіи Америку, говоря вмѣсто «обманчивыхъ глазъ»—«обманные глаза». Новости здѣсь нѣтъ никакой, т.-е. суть дѣла и такъ всѣмъ извѣстна.

Изъ сборника «Вѣнокъ».
Стр. 5. *Вечеровыя* пѣсни.

Я не понимаю, что обозначаетъ это заглавіе отдѣла: есть *вечеровые музыканты*, *вечеровые танцы*, словомъ то, что употребляется для времяпрепровожденія на вечерахъ. Что же, эти пѣсни можно пѣть на вечерахъ, что ли? Или здѣсь ошибка, и нужно понимать *вечернія*, т.-е. сложенныя во время вечернихъ часовъ.

Стр. 52. Къ Олимпійцамъ.
За моимъ земнымъ предѣломъ,
Можетъ, властвуетъ любовь!

Неудачно въ томъ смыслѣ, что «можетъ» понимается, какъ царствуетъ и какъ «можетъ-быть».—Ты «можетъ» пойдешь туда-то?..

Стр. 65. Кубокъ.
Вновь тотъ же кубокъ съ влагой черной.
Вновь кубокъ съ влагой *огневой*!

Огневой или огненной? *Огненная влага*—это жгучая влага, *огневая же влага*—это влага, принадлежащая огню: она можетъ и не быть горячей. (Дымъ — дымный, имѣющій свойства дыма, дымовой, принадлежащій дыму.) По смыслу слова видно, что поэтъ го-

воритъ про какую-то влагу, принадлежащую огню, можетъ-быть обладающую какими-нибудь другими свойствами огня за исключеніемъ жгучести: напримѣръ смертоносностью, отсутствіемъ бациллъ броженія. Между тѣмъ по смыслу эпиграфа, взятаго изъ одной книги самого же поэта, «TERTIA VIGILIA» — «И кто бъ ни подалъ кубокъ жгучій», — видно, что поэтъ имѣетъ въ виду огненную, жгучую влагу. Правда, что на русскомъ языкѣ говорятъ иногда огневой въ смыслѣ огненный, но это больше въ цыганскихъ пѣсняхъ. Я помню гдѣ-то есть: «Твои огневые глаза». Но одно— пѣсни цыганъ, другое—русская поэзія.

Тамъ же.
Любовь противникъ необорный.

Оборой по-русски называютъ поле, загонъ, полосу. «Бабы оборываютъ деревню отъ мора», т.-е. бабы опахиваютъ деревню по примѣтѣ, что тогда моръ прекратится. По смыслу этихъ примѣровъ выходитъ, что любовь нельзя опахать. Но оборотъ можно понять еще и въ смыслѣ побороть. Если Брюсовъ беретъ обороть вмѣсто побороть, то, очевидно, онъ находитъ, что народъ русскій напрасно бросилъ эту двусмысленную форму.

Тамъ же.
И мечъ взнесенный надо мной.

Взносятъ, по-русски, плату куда-нибудь: въ школу, въ библіотеку. Мечъ же, даже въ высокомъ стилѣ, «возносятъ». Самое же понятное: «заносятъ».

Стр. 75. Въ трюмѣ.
Забудь благоуханья смольныя.

Одно ли то же: благоуханіе смолы и смольное благоуханіе? Напримѣръ, благоуханіе дыма—значитъ, что дымъ пахнетъ чѣмъ-то особеннымъ. Дымное же благоуханіе—значитъ, что благоуханіе, запахъ, идущій откуда-то, имѣетъ свойства дыма, клубится, что ли такъ, какъ дымъ. Благоуханіе ликера—ликеръ пахнетъ чѣмъ-то пріятнымъ. Но ликерное благоуханіе значитъ, что благоуханіе чего-нибудь обладаетъ свойствами ликера, т.-е. пьянитъ, маслянится, сладко. Благоуханіе бумаги—бумага пахнетъ чѣмъ-то пріятнымъ. Но бумажное благоуханіе—зна-

читъ, что благоуханіе черезчуръ ужъ аккуратно и какъ бы точно, размѣренно, какъ все написанное въ бюрократическомъ какомъ - нибудь канцелярскомъ отношеніи за такимъ-то номеромъ. Поэтому и смольное благоуханіе не означаетъ запаха смолы, а такое благоуханіе, которое обладаетъ свойствами смолы. Какими свойствами—это вопросъ, но механика выраженія такова именно. Можетъ-быть поэтъ имѣетъ въ виду клейкость, можетъ-быть—цвѣтъ.

Искусство языка въ томъ именно и заключается, чтобы въ подобныхъ сомнительныхъ случаяхъ выбирать выраженія, дающія всего менѣе мѣста путаницѣ. Одно дѣло сказать «благоуханія сильныя», другое уже совсѣмъ—сказать «благоуханія смольныя». Насколько въ одномъ случаѣ все ясно, настолько въ другомъ ничего нельзя понять.

Стр. 87. Мгновенія, 4.
Кѣмъ-то *затеплены*
Строгія *свѣчи*

Есть выраженіе: «Свѣча теплится въ церкви». Однако, то—*въ церкви* и *теплится*. У г. Брюсова же *затеплены*, да еще *строгія* свѣчи. Приставка *за*, прилагательное *строгій*, не идущее къ глаголу *теплиться*;—какъ все это мѣняетъ музыку стариннаго выраженія. Я уже говорилъ о склонности старины оставаться вездѣ въ своей собственной одеждѣ, и мы достаточно уже видѣли чуткость г. Брюсова къ стариннымъ словамъ: вспомнить только *вѣнчали чресла* и *радостный бѣгъ влекомой триремы*. Кромѣ того, у Пушкина въ сказкѣ о «Мертвой царевнѣ» есть такое выраженіе со *свѣчей* и приставкой *за*: «Засвѣтила Богу свѣчку».

Стр. 139. Ликъ Медузы.
Насъ влечетъ, какъ въ *срывъ*
стезя.

Существительное «срывъ» можетъ быть произведено отъ двухъ глаголовъ:
отъ рыть—срывать,
и отъ рвать—сорвать.
Спрашивается, стезя влечетъ въ существительное отъ какого глагола? Стезя или тропинка можетъ вести въ такое мѣсто, которое образовалось отъ того, что скала или земля *сорвалась* въ море,

въ рѣку, въ пропасть. Тропинка также можетъ вести въ такое мѣсто, гдѣ срыли бугоръ земли, сдѣлали искусственный оврагъ или что-нибудь подобное. Рабочіе что-нибудь срывали и проложили тропинку. Можно сказать, не все ли равно, куда влечетъ стезя въ тотъ или другой срывъ: вѣдь, понятно, въ чемъ дѣло. Но дѣло въ томъ, что точность языка слѣдствіе культуры, а неясность—указатель дикости народа. Культурные народы говорятъ «внутри дома»,—дикарь же говоритъ «домъ—животъ». И то, и другое понятно, конечно, но вмѣстѣ съ тѣмъ понятно, что языкъ дикаря не идеалъ, къ которому нужно стремиться. Есть, конечно, великіе вопросы жизни и въ языкѣ дикарей, но зачѣмъ думать о такихъ важныхъ матеріяхъ только по тому случаю, что г. Брюсовъ не владѣетъ русскимъ языкомъ.

Стр. 144. Къ счастливымъ.
Насытитъ ихъ предѣльныя желанья.

Съ одной стороны, «предѣльное желаніе» какъ - будто и понятное выраженіе, но когда пробуешь выяснить себѣ сущность его, то получается какая-то путаница. Если «предѣльное желаніе» есть желаніе, стремящееся къ предѣлу, то выходитъ, что у желанія есть какое-то желаніе, словомъ, Богъ знаетъ что. Если же предѣльное желаніе есть наше желаніе какого-нибудь предѣла, то что же это можетъ обозначать? Желаніе ограничить себя, что ли,—желаніе наше чего-то узкаго, мѣщанскаго? Но слово «предѣльное» всего меньше это выражаетъ. Или наконецъ «предѣльное желаніе»,—это желаніе принадлежащее самому предѣлу, но тогда это—совсѣмъ уже галиматья.

Стр. 145. Фонарики.
Египетъ! Сила странная въ неяркости твоей!

Можетъ ли быть существительное «неяркость»? Слово это произведено отъ «яркость» прибавленіемъ приставки «не». Но всякое ли существительное терпитъ эту приставку? Вотъ, напримѣръ, Добро,—можетъ ли быть Недобро?

Зло . . . . Незло?
Свѣтъ. . . . . Несвѣтъ?

Мнѣ кажется, что этихъ существительныхъ съ «не» и быть не можетъ, потому что если не будетъ добра, зла или свѣта, то или ничего не будетъ, или будетъ что-нибудь другое. Напримѣръ: «онъ ему ничего не сказалъ» — т.-е. ни добра, ни зла. «Настали сумерки»—т.-е. несвѣтъ. Точно такъ же и относительно неяркости. Понятія такого и не можетъ существовать, потому что яркость такое качество, которое не дифференцируется отрицаніемъ «не». Приставка «не» уничтожаетъ понятіе, а не ослабляетъ его, какъ хочетъ того авторъ.

Стр. 156. Духи огня.
Водопадъ катастрофъ,—

Катастрофы ли сыплются водопадомъ, или у катастрофъ есть какой-то водопадъ, извѣстный поэту?

Тамъ же.
Дайте причастнымъ мнѣ
быть неустанной измѣны,

Быть причастнымъ чему, а не кого. Однако, я не вижу особой разницы между оборотомъ поэта и слѣдующими оборотами: дайте причастнымъ мнѣ быть неустанною измѣной, дайте причастнымъ мнѣ быть о неустанной измѣнѣ, дайте причастнымъ мнѣ быть неустанная измѣна. Понятно и ново, по крайней мѣрѣ.

Стр. 157. Духи Огня.
Молнійныхъ словъ.

По замыслу стихотворенія *) видно, что слова, требуемыя героемъ стихотворенія,—должны быть такими, какія въ общежитіи называются молніеносными, между тѣмъ какъ по точному смыслу приведенныхъ въ примѣчаніи строчекъ выходитъ, что герой желаетъ, чтобы ему были даны слова молніи, а это далеко не одно и то же. Принадлежность чего-нибудь чему-нибудь не всегда сопровождается отождествленіемъ, и слова молніи не значитъ, что слова эти точь-въ-точь такія же, какъ сама молнія.

*) Вы, кого зыблилъ всегда огнеструйный самумъ,
Водопадъ катастрофъ,—
Дайте причастнымъ мнѣ быть неустанной измѣны,
Дайте мнѣ вашихъ грохочущихъ думъ,
Молнійныхъ словъ!

Стр. 157, тамъ же.
Я буду соратникомъ вашихъ
космическихъ споровъ,
Стихiйныхъ сраженiй,

Вотъ примѣръ, относящiйся къ разсужденiю о смольныхъ благоуханiяхъ. Здѣсь еще ярче выдѣляется справедливость выраженной тамъ мысли. Любопытно, что такое хотѣлъ сказать авторъ своими выраженiями «космическiе споры» и «стихiйныя сраженiя»? Споры космоса, сраженiя стихiй, или споры и сраженiя, только похожiе на споры космоса и на сраженiя стихiй? Напримѣръ: варварское сраженiе не одно и то же, что сраженiе варваровъ. То же самое и споръ: варварскiй споръ не одно и то же, что споръ варваровъ. Однако, прилагательныя иногда и спецiализуются, и тогда они употребляются не въ смыслѣ «похожiй», а въ прямомъ, спецiальномъ значенiи, напримѣръ: каменный вѣкъ. Теперь спрашивается: какой же смыслъ имѣютъ разсматриваемыя выраженiя г. Брюсова?

Заключенiе: странные эстетическiе взгляды автора и прочее.

И такъ, вотъ и всѣ результаты моихъ изысканiй въ скучной области чтенiя литературныхъ произведенiй—въ словопониманiи. Окончивъ изложенiе моей работы, я долженъ извиниться передъ читателемъ за то, что не вездѣ былъ строго объективенъ и достаточно равнодушенъ, какъ то обѣщалъ вначалѣ. Окидывая взглядомъ все пройденное и сознавая сдѣланные промахи, я вижу теперь, что иногда я не сдерживался и, вмѣсто простого логическаго разбора отмѣченныхъ мною словъ и выраженiй, излагалъ свой «взглядъ и нѣчто». Но это были минуты слабости, на мой взглядъ вполнѣ извинительной при трудности быть строго объективнымъ въ такой работѣ, во время которой такъ опасно балансировать между субъективнымъ и объективнымъ. Во всякомъ случаѣ, я долженъ еще разъ повторить, что своею работою я нимало не имѣлъ въ виду касаться поэтическаго достоинства стихотворенiй г. Брюсова. Какъ ни странно на первый взглядъ это мое заявленiе, особенно послѣ того, что прошло передъ глазами читателя, однако мои эстетическiе взгляды позволяютъ мнѣ находить ошибки у поэта и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко цѣнить его поэтическое дарованiе... Я не хочу сказать этого о г. Брюсовѣ, т.-е. что я, будто бы, нахожу его талантливымъ, нѣтъ, я говорю такъ лишь для того, чтобы выяснить сущность своей работы. Мнѣ было бы очень непрiятно, если бы кто-нибудь, основываясь на моихъ изысканiяхъ, сталъ бы считать г. Брюсова и поэтовъ, пишущихъ такъ же, какъ и онъ,— бездарными людьми, морочащими простаковъ. Возвращаю такого недогадливаго читателя къ вступленiю моей книги, гдѣ я первымъ долгомъ предостерегъ недогадливыхъ объ опасности впасть въ эту ошибку. Единственное намѣренiе, которое, можетъ-быть, я имѣлъ, излагая свои изысканiя,—это показать читателю, что поэтъ, у котораго такъ много ясно видимыхъ темныхъ мѣстъ и еще больше неясныхъ и трудно опредѣлимыхъ погрѣшностей, даетъ намъ возможность наблюдать поразительный примѣръ спло-

шного недоразумѣнія между русскимъ языкомъ и грубымъ, больнымъ человѣческимъ организмомъ, ощущающимъ въ глубинѣ души своей пѣніе стиха, сладость размѣренной рѣчи и божественную музыку красоты. Вслѣдствіе изложенныхъ въ предисловіи причинъ не задаюсь мыслью, къ чему можетъ послужить подобное мое указаніе. Будущаго предвидѣть невозможно, и слѣдуетъ ограничиться самымъ благоразумнымъ въ этомъ случаѣ,—т.-е. голымъ фактомъ появленія изслѣдованія. Поэтому - то я и не намѣренъ доказывать полезности своей работы и вступать здѣсь въ споры съ какою бы то ни было эстетическою теоріей, даже съ такою, которая стала бы доказывать, что общепринятое словопониманіе вовсе и необязательно для поэта, и что моя работа, такимъ образомъ, есть не что иное, какъ, въ свою очередь, недоразумѣніе, потому что поэтъ вовсе и не желалъ примѣнять слова русскаго языка въ общепринятомъ смыслѣ. Такое открытіе—очень любопытно для цѣли настоящаго заключенія, и я долженъ остановиться на немъ,—не для того, конечно, чтобы возражать, но чтобы ярче выяснить суть его.

И такъ, я напрасно трудился, выписывая сомнительныя выраженія и разсуждая обо всѣхъ этихъ «конкахъ, браздящихъ туманъ», и «слѣдахъ на ниткѣ и на человѣкѣ». Напрасно я воображалъ, что поэтъ и его почитатели не понимаютъ отмѣченныхъ мною погрѣшностей и темныхъ мѣстъ. Нѣтъ, русскій языкъ они такъ же хорошо понимаютъ, какъ всѣ и каждый, но дѣло въ томъ, что эстетика новой поэзіи считаетъ, что поэтъ совершенно свободенъ въ своемъ творчествѣ и во всѣхъ своихъ «хотѣніяхъ» во время его процесса. Поэтъ свободенъ во всемъ: онъ творитъ не для публики и общества, онъ творитъ въ удовлетвореніе своей собственной потребности творить. А отсюда тотъ выводъ, что поэту нѣтъ дѣла до того, какъ его будетъ понимать публика: если публика хочетъ его понимать, то она не должна предъявлять поэту какія-либо требованія, а стараться понять поэзію г. Брюсова такъ, какъ поэтъ самъ понимаетъ ее. Что толку изъ того, что извѣстное выраженіе на самомъ дѣлѣ не то обозначаетъ, что хочетъ поэтъ? Въ стихѣ властвуетъ воля поэта, онъ понимаетъ свой стихъ именно такъ, поэту важно свое собственное удовлетвореніе или неудовлетвореніе, а что тамъ будетъ думать обыватель,—не все ли равно.

Анархизмъ въ творчествѣ.

И такъ, вотъ—истина. Нужно сознаться, что она запечатлѣваетъ собою дѣйствительный фактъ жизни. Я тоже такъ именно и понимаю процессъ творчества. Для меня важно въ произведеніи искусства—красота, а чѣмъ и какъ она вызвана въ жизнь, какое мнѣ до этого дѣло. И пусть это мое заявленіе еще больше предостережетъ читателя отъ ошибки считать поэзію г. Брюсова никуда негодною только потому, что поэтъ съ точки зрѣнія пониманія словъ русскаго языка является для насъ какъ бы глухонѣмымъ, который мычитъ, издаетъ какіе-то звуки. Эти звуки для него самого что-то значатъ и что-то выражаютъ, между тѣмъ какъ намъ они представляются безсмысленными звуками и только. Примѣръ нѣсколько грубоватъ и не передаетъ всѣхъ оттѣнковъ моей мысли, но я все настаиваю на томъ, что оцѣнка стиховъ не можетъ быть произведена съ точки зрѣнія пониманія словъ русскаго языка,—утверждаю, что поэтъ совершенно свободенъ въ своемъ творчествѣ: если анархизмъ гдѣ-либо допустимъ въ жизни, то это въ творчествѣ. Еще разъ повторяю, тамъ не должно быть никакихъ законовъ, каждый творитъ какъ хочетъ

и что хочетъ. Я скорѣе готовъ признать свою работу дѣйствительно недоразумѣніемъ, чѣмъ уступить что-либо изъ этой истины.

Свобода творчества и игра въ творчество.

И когда мнѣ возражаютъ: — если стать на мою точку зрѣнія, то придется мириться съ тѣмъ, что поэты, въ концѣ-концовъ, будутъ создавать каждый свой собственный условный языкъ, придавая словамъ совсѣмъ не то значеніе, какое принято считать за ними, напримѣръ, слово «корова», будутъ понимать въ смыслѣ «лампа» или «щипцы». — Для такого творчества нужно имѣть особыя тетради, чтобы записывать, какъ именно понимается такое-то слово въ такомъ-то стихѣ, такъ какъ нѣтъ возможности надѣяться, чтобы память людская могла въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ сохранять смыслъ извѣстныхъ причудъ творческаго воображенія. Рано или поздно должно случиться наконецъ, что поэтъ и самъ позабудетъ, что именно имѣлъ онъ въ виду подъ словомъ «корова»—лампу или свѣчу, — и такъ, когда мнѣ это возражаютъ, то ясно, что возражающіе говорятъ вовсе не о процессѣ творчества, а о процессѣ игры въ творчество, объ игрѣ въ какія-то загадки и отгадки, о какой-то каббалистикѣ, которая, условившись извѣстнымъ образомъ, читаетъ Евангеліе или молитву Господню не такъ, какъ всѣ, а какъ выходитъ по условной каббалистической азбукѣ *).

Вѣдь, всѣмъ и каждому ясно, что ни о какомъ творчествѣ и настоящемъ искусствѣ нѣтъ и рѣчи въ томъ случаѣ, когда дѣти, напримѣръ, играютъ въ театръ. Для ребенка въ игрѣ все бываетъ условно, но эта условность такого именно характера, что никому въ голову не придетъ говорить, что въ дѣтской игрѣ есть какая-то особенная эстетическая теорія. Всѣмъ ясно, что когда палочки и игрушечные кубики замѣняютъ актеровъ, когда глазки ребенка блестятъ оживленіемъ, фантазія ослѣпляетъ сознаніе, монологи вылетаютъ изъ одного и того же ротика—всѣмъ ясно, что искусства никакого нѣтъ, а передъ вами только игра. Точно такъ же никто не усумнится въ томъ, что видитъ передъ собой игру, когда какой-нибудь шутникъ будетъ выдавать за чтеніе стиховъ — чтеніе книжки для записыванія бѣлья. Я хочу сказать, что игра сразу узнается по тѣмъ условіямъ, которыя окружаютъ ее. Правда, игры въ жизни бываютъ разныя: играютъ и въ церковь, и въ театръ, и въ журналъ, и въ выставку такъ же, какъ и въ семью, и въ школу такъ же, какъ и въ разбойники, и въ солдаты. Правда, это очень трудно всякій разъ разобрать, когда передъ нами игра, когда—нѣтъ, но въ данномъ-то случаѣ мы имѣемъ дѣло съ простѣйшими явленіями. Представьте себѣ, что, въ самомъ дѣлѣ, найдется такой человѣкъ, который, какъ говорятъ возражающіе свободѣ творчества, будетъ подъ видомъ стиховъ сочинять загадки для читателя и для самого себя. Если, въ самомъ дѣлѣ, чтеніе произведеній такого автора будетъ сводиться, въ концѣ-концовъ, къ тому, чтобы догадываться, что такое имѣется въ виду подъ фразой такъ составленной, что въ ней—сразу три смысла,—то кто же задумается сказать, что авторъ такихъ загадокъ вовсе не поэтъ, а взрослый человѣкъ, играющій въ поэзію.

Вотъ, стало-быть, тѣ мотивы, по которымъ я считаю возраженія противъ свободы творчества недѣйствительными. Мнѣ трудно, конечно, въ

---

*) Въ каббалистическомъ примѣненіи извѣстную всѣмъ молитву читаютъ такъ: «О, Іодъ создатель, ты, который находишься въ Энсофѣ; Кетеръ—твое Слово—да святится; Тиферетъ—блескъ твоего царствованія—да испускаетъ свои лучи; IABE—твой циклическій законъ» и т. д.

этомъ маленькомъ заключенiи быть болѣе доказательнымъ, но, собственно, мнѣ этого и не нужно въ настоящемъ трудѣ. Если передъ этимъ я сказалъ нѣсколько словъ, то это было сдѣлано для того, чтобы провести границу между свободой творчества, игрой въ творчество и простымъ конкретнымъ фактомъ появленiя моего изслѣдованiя. Эстетическая теорiя — одно, игра въ сочиненiе стихотворенiй — другое, изысканiе въ словопониманiи русскаго языка—третье. Для цѣльности моего мiросозерцанiя и для дальнѣйшихъ моихъ работъ въ области эстетики мнѣ необходимо, чтобы книга о г. Брюсовѣ имѣла характеръ собранiя голаго матерiала*).

О поэзіи Тютчева и одного моего пріятеля-малоросса.

Все время въ продолженiе только-что изложенной работы, когда мысль моя изощрялась въ аргументацiи и въ поискахъ причинъ неправильности того или другого брюсовскаго оборота, все время меня настойчиво преслѣдовало одно желанiе:—объяснить читателю, въ чемъ дѣло въ этихъ ошибкахъ, но объяснить не анализомъ словъ, а посредствомъ сравненiя стиховъ г. Брюсова со стихами Тютчева и одного моего прiятеля-малоросса.

Нужно сказать, что, когда я послѣдовательно перечитывалъ этихъ поэтовъ — для моей логики получался тотъ особый видъ доказательства, который называется н а г л я д н о с т ь ю. Мнѣ дѣлалось очевиднымъ и почти осязаемымъ то неуловимое, чего нельзя выяснить никакимъ анализомъ. И, кромѣ того, мое сопоставленiе поэтовъ казалось мнѣ полезнымъ еще въ томъ именно отношенiи, что, вѣдь, не каждый

*) Однако, если и возможна у кого-либо эстетическая теорiя, подобная только-что намѣченной, то, во всякомъ случаѣ, не у г. Брюсова, потому что онъ лично, кажется, не находитъ возможнымъ усмотрѣть въ примѣненiи такой игры къ цѣлямъ поэзiи,—какую-нибудь намѣренность, какой-нибудь особый методъ новой школы. Надъ поэтами, которые, подражая г. Брюсову, стараются изо всѣхъ силъ сдѣлать русскую рѣчь неуклюжею,—г. Брюсовъ самъ смѣется, о чемъ упоминаетъ г. Соловьевъ въ своей книжкѣ Crurifragium, на стр. 149 (М. 1908 г.). Тамъ приведены примѣры выраженiй, называемыхъ г. Брюсовымъ «выраженiями, производящими прямо комическое впечатлѣнiе».

«Въ блескѣ выи розы давали мѣсто бѣлымъ лилеямъ».	Выи розъ, блескъ выи или же розы выи, т.-е. у выи есть какiя-то розы.
«Сотни устъ раскрываются на солнцѣ».	Уста на самомъ солнцѣ, т.-е. на планетѣ, или уста на солнцепекѣ, т.-е. подъ солнцемъ, стало-быть на землѣ.

Кромѣ выраженiй «прямо комическихъ» по г. Брюсову, у г. С. Соловьева есть «просто-неправильныя выраженiя». При разборѣ этихъ «просто-неправильныхъ выраженiй» между поэтами произошла любопытная свалка.

Г. С. Соловьевъ выразился:

«Страхъ исчезъ съ сердца».

На стр. 151 Crurifragium приводится такое мнѣнiе г. Брюсова:

«Если говорится *страхъ въ сердцѣ*, то возможна была бы только форма *страхъ исчезъ изъ сердца*».

На это г. Соловьевъ возражаетъ такъ: «Говорятъ,—*печаль у меня на сердцѣ*, *страхъ у меня на сердцѣ*. И какъ отъ *книга лежитъ на столѣ* мы образуемъ *книга исчезла со стола*, такъ и отъ *страхъ на сердцѣ* мы образуемъ *страхъ исчезъ съ сердца*». Я же думаю, что аналогiя г. Соловьева взята не изъ того ряда, который здѣсь возможенъ. Мы не знаемъ, гдѣ лежитъ на самомъ дѣлѣ печаль,—на сердцѣ или въ сердцѣ. Поэтому выраженiе «на сердцѣ» условно, а отсюда слѣдуетъ, что примѣры для аналогiй нужно брать изъ ряда условныхъ выраженiй. И что же мы видимъ:

«Я пришелъ къ нему, и у меня было на умѣ что сказать ему (сказать ему вотъ то-то). А потомъ какъ-то все изъ ума вышло».

Говорятъ: *онъ себѣ на умѣ*, *изъ ума вонъ*, а не говорятъ **с ъ у м а в о н ъ**, какъ бы то слѣдовало по аналогiи г. Соловьева. Вотъ почему я бы сказалъ, **с т р а х ъ и с ч е з ъ и з ъ с е р д ц а**.

же читатель обладаетъ свойствомъ хорошо воспринимать аналитическія доказательства. Есть люди,—и среди почитателей поэта въ особенности,—которымъ вы можете доказывать что-нибудь съ поразительною логичностью, даже съ математическою точностью, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно быть увѣреннымъ, что доказательства въ одно ухо войдутъ, а въ другое выйдутъ. Между тѣмъ, дайте подобнымъ людямъ одно простое сопоставленіе ошибокъ, одинъ намекъ на тожество заблужденія, и ихъ мозгъ далеко опередитъ вашъ анализъ. Они сдѣлаютъ такія наведенія, такія открытія, о которыхъ вы даже и не подозрѣвали *). И вотъ, считаясь

*) Нѣчто подобное случилось у меня на глазахъ. Одинъ поклонникъ г. Брюсова все время насмѣшливо и многозначительно улыбался, каждый разъ, когда я въ кругу знакомыхъ дѣлился результатами моей работы. Однако, когда очередь дошла до Тютчева и поэта-малоросса, то улыбавшійся вдругъ сдѣлался серьезнымъ, и мы часто видѣли его потомъ задумчиво перелистывавшимъ книги своего бывшаго любимца. Однажды открывъ «Вѣнокъ», онъ не могъ удержаться отъ восклицанія: «четвертый смыслъ!» Оказалось, что къ тремъ смысламъ примѣра на стр. 77-й моей книги нужно было прибавить еще четвертый, открытый разбуженнымъ вниманіемъ моего знакомаго.

Вы, надменные, ушли
Въ города стекла и стали
Отъ деревьевъ, отъ земли.

.... и стали отъ деревьевъ, отъ земли, и сдѣлались, стали происходящими отъ деревьевъ и отъ земли.

До сего времени бывшій поклонникъ не можетъ простить г. Брюсову шутки, сыгранной въ стихотвореніи «Къ Олимпійцамъ». Стихотвореніе это настолько любопытно, что его стоитъ привести здѣсь цѣликомъ.

Все какъ было, все какъ вѣчно.
Побѣдилъ—и побѣжденъ!
Разсѣченъ дорогой млечной
Безконечный небосклонъ.

Видимымъ примѣромъ раздѣленія небосклона, поэтъ устанавливаетъ дѣленіе и двойственность обыкновенной жизни.

Милліоны, милліоны
Нескончаемыхъ вѣковъ
Возносились въ бездну стоны
Оскорбляемыхъ міровъ.

Жизнь невыносима, стоны заявляютъ объ этомъ Кому-то, скрывающемуся въ безднѣ.

Все—обманъ, все дышитъ ложью,
Въ каждомъ зеркалѣ двойникъ,
Выполняя волю Божью,
Каждый вывернутый ликъ.

Обманъ и ложь совершаются повсюду на землѣ, каждый выполняетъ волю Пославшаго его.

Всѣ побѣды—униженье,
Всѣ восторги—боль и стыдъ,
Побѣдитель на мгновенье,
Я своимъ мечомъ убитъ!

Все здѣсь обманъ, даже побѣда—пораженіе. И вотъ я убитъ.

На снѣгу нетлѣнно-бѣломъ
Я простертъ. Струится кровь...
За моимъ земнымъ предѣломъ,
Можетъ, властвуетъ любовь!

Вотъ я лежу здѣсь униженнымъ, но это ничего не значитъ, такъ какъ я перешелъ въ ту страну, гдѣ царитъ и властвуетъ любовь.

Здѣсь же, долу, во вселенной—
Лишь обманность всѣхъ путей,
Здѣсь правдивъ лишь смѣхъ надменный
Твой, о братъ мой, Прометей.

Здѣсь же, внизу, во вселенной одна ложь и обманъ. Здѣсь можно только смѣяться, а не любить.

Олимпіецъ! Бурей снѣжной
Замети мой буйный прахъ,—
Но зажженъ огонь мятежный
Навсегда въ твоихъ рабахъ!

И пусть буря и непогода земной жизни дѣлаютъ наши усилія и нашу жизнь ничтожными, въ насъ горитъ огонь вѣчности.

Объясненія, находящіяся противъ каждой строфы, показываютъ приблизительно, какъ понимались стихи поклонникомъ г. Брюсова. Теперь представьте его удивленіе, когда

именно съ этой особенностью человѣческой логики, я выбралъ для сопоставленія съ г. Брюсовымъ Тютчева и поэта-малоросса. Пусть читатель не обижается такимъ кажущимся неуваженіемъ къ первымъ двумъ поэтамъ. Объяснюсь. Для меня въ этой книгѣ не существовали личности и имена, для меня важны были доказательства. Какъ видно уже было выше, въ моей книгѣ Пушкинъ, Крыловъ и Жуковскій брались не какъ имена и авторитеты, а какъ яркіе случаи, примѣры. Говоря проще, эти писатели были для меня только механизмами, доставлявшими то или другое доказательство. Поэтому совершенно безразлично, куда я обращаюсь, къ извѣстному писателю или неизвѣстному. Важно, чтобы цитата была дѣльна и убѣдительна. И вотъ я не могъ найти ничего болѣе раціональнаго, какъ сопоставить трехъ выбранныхъ мною поэтовъ. Связь въ словопониманіи русскаго языка у Тютчева и г. Брюсова несомнѣнна даже малому ребенку. Я бы сказалъ

онъ открываетъ запятую, стоящую послѣ строчки «за моимъ земнымъ предѣломъ». Оказывается, что это **м о ж е т ъ** вовсе не значитъ **ц а р с т в у е т ъ**, оказывается, что это **м о ж е т ъ** не только похоже на **м о ж е т ъ - б ы т ь**, а на самомъ дѣлѣ есть нарѣчіе «можетъ-быть». А если это такъ, то, стало-быть, обманность, двойственность и ложь будутъ и «за моимъ земнымъ предѣломъ». Обманъ вездѣ и во всемъ, нигдѣ нѣтъ отрады, а главное, этого шаблоннаго ожиданія «царствія небеснаго» съ этою банальною любовью. Кому она нужна? Культурѣ, прогрессу..... Но они и такъ двинутся впередъ, потому что «огонь мятежный», все равно, зажженъ въ насъ, въ вѣчныхъ рабахъ. Таковъ новый смыслъ стихотворенія, и онъ тѣмъ хорошъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, не баналенъ. Однако, если ложь и двойственность повсюду, то что же собственно обозначаетъ строфа

Здѣсь же, долу, во вселенной
Лишь обманность всѣхъ путей
Здѣсь правдивъ лишь смѣхъ надменный—

вѣдь это кажется намекаетъ, что-то на опечатку съ этой злосчастной запятой. Если говорятъ **з д ѣ с ь ж е д о л у**, то, стало-быть, ввиду имѣется противоположеніе **т а м ъ ж е в в е р х у**. Здѣсь обманность, тамъ любовь. Тогда **м о ж е т ъ** будетъ не нарѣчіе **м о ж е т ъ - б ы т ь**, а—**ц а р с т в у е т ъ**. Запятая просто-на-просто опечатка, самая простая опечатка. Правда, поэтъ, сказавъ первую строчку строфы, по обыкновенію уничтожилъ весь смыслъ своего **д о л у** и **з д ѣ с ь ж е**. Онъ добавилъ **в о в с е л е н н о й**, т.-е. во всемъ, что человѣчество понимаетъ подъ мірозданіемъ, включая сюда и небо, и землю, и все, все. Такъ что выходитъ невозможно установить какую-нибудь разницу въ образѣ жизни, нѣтъ такого мѣста, гдѣ бы не было двойственности, лжи и обмана. Самые стихи г. Брюсова, даже и тѣ двойственны, и нѣтъ такого человѣка, который бы могъ сказать, какой настоящій смыслъ ихъ. Можно понимать ихъ и такъ и этакъ. Согласитесь, что это же геніально и невѣроятно! Пусть кто-нибудь нарочно выдумаетъ подобную двойственность!

Говорятъ, что все геніальное просто. Вотъ лишній примѣръ, доказывающій эту истину. Маленькая, ничтожная запятая дѣлаетъ человѣка геніальнымъ, потому что, не будь этой запятой, смыслъ стихотворенія былъ бы самымъ зауряднымъ, такъ какъ **м о ж е т ъ** понималось бы, какъ **ц а р с т в у е т ъ**, и тогда все сводилось бы къ увѣренности героя, что за нашимъ земнымъ предѣломъ есть рай, царствіе небесное, гдѣ, наконецъ, не будетъ лжи и двойственности. Старая исторія, словомъ. Теперь посмотрите, что случилось со словомъ **в с е л е н н а я**. Эта **в с е л е н н а я**, понимаемая въ общепринятомъ смыслѣ, какъ мірозданіе, какъ все находящееся внѣ насъ, говоритъ одно, но то же самое слово, понимаемое по церковному, говоритъ уже только про видимый матеріальный міръ въ отличіе отъ духовнаго—церковнаго, т.-е. отъ рая и ада. Тогда

Здѣсь же, долу, во вселенной

только неловкое выраженіе и больше ничего. Поэтъ разграничиваетъ міры, какъ священникъ, онъ вкладываетъ въ своего героя увѣренность, что внѣ вселенной будетъ все въ порядкѣ, т.-е. любовь будетъ царить, гдѣ ей полагается, и, **м о ж е т ъ**, значитъ, **ц а р с т в у е т ъ**. Запятую послѣ предѣла, стало-быть, нужно выбросить: это опечатка. Неловкость, такимъ образомъ, будетъ не одна, а цѣлыхъ три: первая—**в с е л е н н а я** не

даже, что сущность языка г. Брюсова состоитъ въ томъ, что г. Брюсовъ нарочно, намѣренно упорствуетъ въ ошибкахъ Тютчева: по образцу одной тютчевской ошибки, г. Брюсовъ дѣлаетъ десятки подобныхъ же ошибокъ. Что же касается до поэта-малоросса, то здѣсь дѣло вотъ въ чемъ.

Для того чтобы сдѣлать ясною болѣзнь г. Брюсова, мнѣ нужно было помимо источника болѣзни указать какой-нибудь гипертрофическій случай, т.-е. выбрать такой примѣръ этого рода болѣзни, гдѣ она сама по себѣ была бы очевидна. Какъ я уже говорилъ, аналогія съ Тютчевымъ

такъ сказано, вторая—запятую не нужно, и третья—это злосчастное **м о ж е т ъ** не слѣдовало бы говорить. Потому что ритмъ идей сомнѣнія

За моимъ земнымъ предѣломъ,
Можетъ, властвуетъ любовь,

нарушаетъ какъ-то темпо стихотворенія. Эти двѣ строчки говорятъ о чемъ-то приниженномъ, неувѣренномъ, о какомъ-то безсиліи, угнетенности. Дѣлается непонятнымъ, что такое случилось съ героемъ, куда дѣвалась его самоувѣренность: вѣдь, онъ такъ твердо говорилъ о своемъ открытіи, о двойственной игрѣ мірозданія. И вдругъ, когда дѣло коснулось того, что дѣлается за нашимъ земнымъ предѣломъ, то онъ позабылъ и про двойниковъ, и про обманъ по волѣ Божіей, про ложь и двойственность мірозданія и про млечный путь, который дѣлаетъ двойственнымъ даже и «безконечный небосклонъ». И если у героя появилась подобная неувѣренность въ своихъ познаніяхъ, то съ какой стати онъ заявляетъ Олимпійцу:

Олимпіецъ, бурей снѣжной
Замети мой буйный прахъ,—
Но зажженъ огонь мятежный
Навсегда въ твоихъ рабахъ!

Разъ неизвѣстно, что будетъ за нашимъ земнымъ предѣломъ, то что толку изъ нашего мятежнаго огня, къ чему заводить о немъ разговоръ? Если для препровожденія времени, какъ говорятъ, то стихотвореніе еще не окончено, и его можно продолжать и далѣе. Можно разговаривать съ Олимпійцемъ про свой огонь, про его Олимпъ, про молнію и т. п. Пусть читатель пробѣжитъ вновь стихотвореніе, понимая слово **м о ж е т ъ**, какъ «может-быть»—и онъ увидитъ, что я правъ; темпо нарушено, все скомкано, и отъ общаго смысла ничего не остается, кромѣ какого-то брюзжанія и ворчанья.

Конечно для стихотворенія выгоднѣе, чтобы **м о ж е т ъ** понималось, какъ царствуетъ. Однако, кто же разрѣшитъ подобное пониманіе? Если г. Брюсовъ въ слѣдующемъ изданіи и вычеркнетъ запятую передъ **м о ж е т ъ**, то это дѣла не поправитъ, такъ какъ его намѣреніе попрежнему будетъ темно. Опять появится сомнѣніе, не опечатка ли, что запятой нѣтъ? Не слѣдуетъ ли понимать **м о ж е т ъ** какъ **м о ж е т ъ-б ы т ь**? Двойственность и лживость стиха попрежнему будетъ дѣлать больно чувству.

Вотъ исторія съ поклонникомъ г. Брюсова. Этотъ поклонникъ указалъ мнѣ, между прочимъ, примѣры лживыхъ стиховъ болѣе удачные, чѣмъ выписаны у меня. Боюсь приводить здѣсь вновь открытое, такъ какъ тогда книги г. Брюсова будутъ у меня цѣликомъ переписаны: по прилагаемому алфавиту стихотвореній на стр. 142 можно видѣть, какъ много взято уже мною. Укажу лишь на коротенькій примѣръ, характеризующій чуткость языка большую, чѣмъ моя.

Относительно соединенія несоединимыхъ словъ мною были приведены такіе примѣры: загадочно-былые и черно-безжизненный, но, оказывается, лучше бы было указать на **к р ы л а т о - р а д о с т н ы е**, потому что ложь пріема г. Брюсова тутъ очевиднѣе. «Крылато-радостные лики» могутъ обозначать, во-первыхъ, что лики были и крылатые и радостные, а во-вторыхъ, что лики были радостны крылатою радостью, т.-е. радостью, слетавшею съ ликовъ, передававшеюся.

устанавливала лишь тожество болѣзни и источникъ ея происхожденія. И гипертрофія тоже ясна была, но убѣдительности ея мѣшалъ авторитетъ поэта. Чтобы уничтожить это препятствіе, слѣдовало доказать сначала бездарность стиховъ Тютчева, а это не могло имѣть мѣста въ настоящей книгѣ. Отсюда истекла необходимость отыскать такой примѣръ, гдѣ бы во-первыхъ, наблюдалась одинаковая болѣзнь, во-вторыхъ, болѣзнь относилась бы къ гипертрофіи, и, въ-третьихъ, гипертрофія не маскировалась бы авторитетомъ. Конечно, самымъ подходящимъ для этого должны явиться обыкновенные любительскіе стихи. Въ томъ, что я для моей цѣли отыскалъ поэта-инородца, нѣтъ рѣшительно никакой случайности, но это слишкомъ ужъ долго разсказывать. Какъ вопросъ о зарожденіи изслѣдованія, конечно, это можетъ быть и интересно, но сейчасъ довольно и одного факта, что бездарность найдена и что аппаратъ словопониманія одинаковъ съ Тютчевымъ и г. Брюсовымъ. Если отношеніе г. Брюсова къ русскому языку, какъ-то по особенному, какъ-то по строго опредѣленному и точно выработанному шаблону въ заблужденіяхъ и ошибкахъ не ясно будетъ послѣ стиховъ Тютчева, то послѣ ознакомленія съ ошибками поэта-малоросса наличность болѣзни у трехъ поэтовъ дѣлается очевидною. Рѣчь поэта-малоросса—шаржъ на русскій языкъ, и ошибочность стиховъ такова именно, что заблужденія гг. Брюсова и Тютчева дѣлаются сразу очевидными безъ всякой аргументаціи. Стихи эти, нужно сказать, — вовсе не шутка. Мой поэтъ прибылъ въ Москву лѣтъ семнадцати, т.-е. когда аппаратъ рѣчи заканчиваетъ уже свое развитіе. Многіе малороссы говорятъ довольно чисто по-русски, но мой пріятель даже къ сорока годамъ не могъ отучиться отъ малороссійскаго выговора нѣкоторыхъ русскихъ словъ. Однако, для меня ясно было, что пріятель мой видитъ разницу своего и русскаго языка, потому что въ первыхъ стихотвореніяхъ по пріѣздѣ въ Москву попадались такія выраженія, какъ «мововo» вмѣсто «моего». Позднѣе такія неправильности исчезли, что и доказывало пониманіе ошибокъ. Я указываю на грубый примѣръ незнанія поэтомъ-инородцемъ языка, но всякій понимаетъ, что въ болѣе тонкихъ случаяхъ такое непониманіе сказывалось точно такъ же, только уловить его пріятелю моему было трудно, разъ онъ не понималъ сразу, будучи университетскимъ человѣкомъ, — разницу между «моего» и «мовово». Еще разъ говорю, что стихи его не шутка, а фактъ. Тютчевъ во многомъ сходенъ съ поэтомъ-малороссомъ, г. Брюсовъ же только упоренъ въ заблужденіяхъ Тютчева.

И такъ, повторяю, я думалъ ограничиться только этой аналогіей, развивъ ее болѣе или менѣе удовлетворительно, но потомъ рѣшилъ, что доказательное для меня можетъ быть не доказательно для большинства, и потому лучше привести анализъ выраженій и подъ конецъ эту аналогію. Въ дѣлѣ аргументацій никогда не знаешь, что именно будетъ всего убѣдительнѣе: одни довольствуются э т и м ъ, другимъ нужно т о. Буду стараться избѣгать длинныхъ разъясненій, т. к. ходъ ихъ долженъ быть приблизительно такой же, что и въ разборѣ выраженій г. Брюсова, и изъ стиховъ буду выбирать тѣ, которые наиболѣе ярки своею несуразностью. Сначала передъ читателемъ пройдутъ явно ошибочные стихи поэта-малоросса, а затѣмъ похожія на нихъ стихотворенія Тютчева. Такими двумя сопоставленіями можетъ-быть мнѣ удастся доказать очевидное и безъ того, а именно: самый плохой москвичъ говоритъ по-русски все-таки лучше, чѣмъ самый образованный нѣмецъ.

Стихи поэта-малоросса.

Ты здѣсь опять! Цѣлуй же горячѣй!
Цѣлуй еще, еще разъ дорогая,
Прелестная..: Огни твоихъ очей
Живятъ меня и тихнетъ болѣзнь злая

Въ послѣдней строчкѣ удареніе въ словѣ болѣзнь не на ѣ, а на о.

И милый взглядъ на вѣкъ для ней угасъ.

По-русски не для ней, а для нея.

Но голосъ твой! Съ тобою встрѣчи,
Твоя улыбка, взоръ очей
Иныя дорогія рѣчи
На памяти будятъ моей.

Въ послѣдней строчкѣ въ словѣ будятъ удареніе приходится не на у, а на я. Кромѣ того, по-русски говорятъ будятъ въ памяти, а не на памяти. Относительно на памяти слѣдуетъ указать на особенное выраженіе: это произошло на моей памяти. Оно имѣетъ смыслъ указанія прошедшаго времени. Поэтъ, очевидно, и имѣлъ въ виду этотъ смыслъ, но онъ позабылъ, что на памяти только тогда будетъ обозначать что-нибудь прошедшее, когда это выраженіе станетъ въ подходящія для такого смысла условія. Просто же, такъ, само по себѣ на памяти хотя и принадлежитъ къ числу условныхъ выраженій со спеціальнымъ смысломъ, но выраженіе это употребительно и въ другихъ различныхъ случаяхъ, смыслъ которыхъ очень отдаленъ другъ отъ друга. Напримѣръ: «сейчасъ мнѣ пришло на память», «подарю на память» и проч. Подобную же неосторожность со словами, имѣющими отдаленный другъ отъ друга смыслъ, мы видѣли и у Брюсова, вспомните: мы задвинемъ край изгнанія безднoй вихрей...

Положи меня печатью
Въ сердцѣ любящемъ твоемъ
Чтобъ на немъ могла лежать я
Точно выжжена огнемъ.

Вотъ замѣчательное мѣсто: здѣсь незнаніе языка очевидно до чрезвычайности. Первая строчка понимается не какъ просьба о наложеніи печати, но какъ просьба положить что-нибудь, какъ предметъ, которымъ печатаютъ. Кромѣ того, созвучіе въ третьей строчкѣ: лежатья—показываетъ неразборчивость поэта въ средствахъ для прісканія риѳмы. Но какъ это лежатья напоминаетъ брюсовскія: «упадуя» «боемструй», «мракъ и пракъ».

И хочется мнѣ знать сейчасъ: когда оглянешь
Ты зоркою мечтой пройденный уже путь.

Опять какъ у г. Брюсова: въ послѣдней строчкѣ выходитъ, что путь пройденъ зоркою мечтой. Ты мечтала и мечтою прошла извѣстный путь. Мнѣ хочется знать, когда ты оглянешь этотъ путь.

Но кромѣ этого смысла есть и другой, именно тотъ, что мнѣ хочется знать, когда твоя мечта обѣжитъ еще разъ путь твоей жизни.

. . . . но я хочу молиться
Тебѣ, какъ божеству живому и съ душой
Трепещущей тоской смотрѣть вглубь ясныхъ глазъ.

Вторая строчка говоритъ о «божествѣ живомъ и съ душой». Третья же строчка сначала какъ бы поддерживаетъ это понятіе, дополняетъ, какая именно душа у божества: душа, трепещущая тоской. Но потомъ вдругъ недоразумѣніе разъясняется, и, оказывается, что авторъ хотѣлъ бы самъ со своей душой смотрѣть въ милые глаза.

Когда шли тучей слезы, стоны
Его чадъ многіе года
Къ подножію моего трона
Моля и требуя суда.

На третьей строчкѣ любопытное ударение въ словѣ мое́го. Въ первой и второй строкахъ поразительная разстановка словъ: ну, чѣмъ не г. Брюсовъ?

О чемъ мечталъ и всей душой любилъ
Постыло мнѣ и даже идеала
Своего всю красу перезабылъ.

Къ «мое́го» предыдущаго примѣра слѣдуетъ прибавить «свое́го» этихъ трехъ строчекъ. Примѣчательно слово «краса». Въ данномъ случаѣ, конечно, и рѣчи быть не можетъ, что оно взято поэтомъ для стиля: просто - напросто это, какъ бы старинное слово,—такого именно характера, что языкъ инородца, очевидно, чувствуетъ его роднѣе для себя, чѣмъ «красота». Для человѣка, не владѣющаго русскимъ языкомъ, двѣ буквы *о* и *т*, добавленныя въ «краса», совершенно лишни: безъ нихъ слово короче и болѣе подходяще къ тому языку, на которомъ поэтъ говорилъ въ дѣтствѣ. Я не хочу сказать къ малороссійскому, такъ какъ нимало не имѣю въ виду языкъ моего пріятеля, но—аппаратъ рѣчи, приспособившійся уже къ извѣстному словообороту. Какой этотъ словооборотъ, малороссійскій ли вообще, или какой-нибудь спеціальный

мѣстный,—я не знаю. Для меня важно, чтобы читатель понялъ мою мысль о томъ, что брюсовскія старинныя слова на самомъ дѣлѣ не старинныя, а какія-то специфично-личныя, поповскія, какъ бы я назвалъ. Священникъ, употребляя въ обыденной жизни церковныя слова, къ которымъ онъ привыкаетъ по профессіи, нисколько не дѣлаетъ свою разговорную рѣчь стильною, а только смѣшною: таково и брюсовское: «Ахъ книги краше розъ».

Что взоръ прелестный глазокъ милыхъ
Твоихъ я не могу забыть,
Что тебя, словомъ, разлюбить
Пока еще не въ моихъ силахъ.

Удареніе въ словахъ, «тéбя» и «мóихъ».

Исчезло все, что сердцемъ я любилъ,
Какъ лживое пустое сновидѣнье,
Погасъ огонь, его пепéлъ остылъ.

Въ странномъ словѣ пепéлъ многіе могутъ не узнать русскаго пепла, потому что никто не предполагаетъ, что у огня есть пепелъ. Русскихъ хотя и относятъ къ азіатамъ, но все же у нихъ не такое воображеніе, какъ у восточныхъ народовъ, и такъ, какъ эти послѣдніе обобщаютъ явленія, мы не можемъ выражаться: для насъ, правда, пепелъ остается послѣ огня, но мы все-таки не скажемъ, что пепелъ огня: огня и послѣ огня—для насъ совершенно разныя понятія.

Разстались мы. Года разлуки,
Заботъ, труда, борьбы мои
Не исцѣлили сердца муки.

Выходитъ, что сердца муки не были исцѣлены ни борьбами поэта, ни годами разлуки. На самомъ же дѣлѣ поэтъ имѣетъ въ виду годы разлуки и годы борьбы.

Но въ сладкія минуты встрѣчи
Молимой сердцемъ съ давнихъ поръ.

Молимая встрѣча—какъ-будто бы и похоже на встрѣчу, которую вымаливаютъ у кого-нибудь, но, съ другой стороны, по-русски «молятъ кого-нибудь», а не что-нибудь. У г. Брюсова: богомольный храмъ, побѣдительная война, удаленныя деревни.

Юность настала, а я

Юность насталая.

Встрѣтить я фею мечталъ.

Встрѣтить яфею.

О, не глумись ты надъ моей любовью
Не клевещи признанія мои.

Вотъ вамъ и «слѣдить нить», «править ласки»; вѣдь, это же все равно, что клеветать признанія. Очевидно, въ языкѣ поэта-малоросса «клеветать» можно кого, а не на кого, какъ мы говоримъ по-русски.

Безумный, я хотѣлъ разсудка властью...

Если бы перечитать всѣхъ поэтовъ, чтобы найти хоть одну строчку подобную выписанной, то только у г. Брюсова можно встрѣтить такую близкую къ логикѣ чепуху, какая получилась у моего пріятеля. По смыслу строчки выходитъ, что у какого-то человѣка появилось хотѣніе не волевое, а разсудочное, т.-е фактъ безусловно больной, могущій имѣть мѣсто у сумасшедшаго. И что поразительно, то—поэтъ и не оспариваетъ такого заключенія читателя, а кажется даже и самъ подтверждаетъ его, вкладывая въ рѣчь говорящаго названіе имъ себя «безумнымъ».

«Безумный, я хотѣлъ разсудка властью».

Очевидно, для поэта не существовалъ смыслъ языка, смыслъ словъ,—въ немъ горѣлъ огонь размѣренной рѣчи, музыка стиха. Его стихъ имѣетъ какой-то внутренній остовъ, для котораго слова русскаго языка только необходимая для приличія одежда,—потому что иначе совершенно непонятно, какъ же такъ онъ не видѣлъ чепухи, которая вышла у него изъ-подъ пера. Повторяю, только еще одинъ г. Брюсовъ можетъ заявлять съ подобною же категоричностью:

За моимъ земнымъ предѣломъ,
Можетъ, властвуетъ любовь!

Оказывается, герой стихотворенія вовсе не сумасшедшій, и все у него въ порядкѣ, т. к. онъ желалъ побѣдить власть какихъ-то милыхъ глазъ властью своего разсудка.

«Безумный, я хотѣлъ разсудка властью
Власть милыхъ глазъ надъ мною побѣдить».

Стихотворенія Тютчева.

Относительно неправильности языка Тютчева я долженъ установить съ самаго начала нѣсколько своеобразную, если не сказать оригинальную, точку зрѣнія. Неправильности существуютъ у всѣхъ поэтовъ: у Пушкина, у Крылова, у Жуковскаго и у другихъ, но неправильности ихъ происходятъ или отъ обычая въ произношеніи того времени или же отъ неразборчивости въ средствахъ ремесла. Я бы такъ выразился: отъ негигіеничности взглядовъ на языкъ поэзіи. Это ближе подходитъ къ тому, что мнѣ хочется объяснить читателю. Какъ въ обыденной жизни случается, что понятіе о гигіенѣ недостаточно развито въ различныхъ классахъ общества, и мы видимъ совершенно здоровыхъ людей, заражающихся вслѣдствіе своей нечистоплотности, такъ и въ жизни литературнаго языка бываетъ, что понятіе о тщательной работѣ надъ языкомъ недостаточно сознается различными литературными кругами, и писатели очень высокаго таланта даютъ намъ возможность видѣть свою нечистоплотность въ языкѣ. Поэтому-то и выходитъ, что Крыловъ, владѣющій самымъ замѣчательнымъ, на мой взглядъ, русскимъ языкомъ, можетъ, при всемъ своемъ дарованіи въ музыкѣ рѣчи, писать такія строчки:

Путемъ, усыпаннымъ цвѣтами,
Ведетъ надежда рыбака,
Другъ нѣжный розъ, любовникъ Флоры,
Чиня съ ручьемъ безмолвны споры,
Противъ стремленья быстрыхъ водъ
Въ жилище рыбы уду мещетъ;
Она дрожитъ; рыбакъ трепещетъ—
И до́бычу къ брегу́ ведетъ.

Ягненка видитъ онъ, на до́бычу стремится...

Вотъ, въ самомъ томъ саду, гдѣ также спѣть все стало,
Налйвное, сквозное, какъ янтарь,
При солнцѣ яблоко на вѣткѣ дозрѣвало.

Сквозь слезъ Чижъ бѣдный отвѣчалъ...

Крыловъ пишетъ такъ вовсе не потому, что въ его время существовало подобное произношеніе. Про до́бычу и къ брегу́ я уже не буду говорить, такъ какъ неловкость языка здѣсь слишкомъ очевидна каждому, но налйвное и сквозь у Пушкина, напримѣръ, имѣютъ совершенно правильное удареніе и падежъ:

И къ царевнѣ наливное,
Молодое золотое
Прямо яблочко летитъ.

Ихъ кони по полямъ побѣды
Скакали рядомъ сквозь огни.

То же у Державина:

Сквозь дождь, сквозь вихрь; сквозь градъ блистая...

Стало-быть, падежъ винительный, а не родительный.

Читая Пушкина, Крылова и Жуковскаго, поражаешься мелодичностью ихъ русскаго языка. Какъ чистъ онъ у нихъ, какъ музыкаленъ! Какія бы ошибки они ни дѣлали, какія бы неправильныя ударенія и старинныя формы они ни примѣняли въ своей рѣчи, все же языкъ ихъ чувствуется такимъ роднымъ, своимъ. Встрѣчаясь же съ неправильностями языка Тютчева, въ большинствѣ случаевъ чувствуешь, что неправильности его—не ошибки, не оговорки, смѣшныя для самого автора, а намѣренное убѣжденное искаженіе языка. Тютчевъ, какъ и г. Брюсовъ, весь фальшивъ со стороны музыки языка. Однако, гдѣ именно сидитъ фальшь, указать нѣтъ возможности, какъ я уже говорилъ, разсматривая фальшивое у г. Брюсова. Указанія, которыя читатель найдетъ здѣсь ниже,—собственно, частный случай общаго недомоганія языка Тютчева. Мнѣ могутъ сказать, что во времена Тютчева такъ говорили: часа́, озера́, высота́мъ. Мнѣ могутъ указать у Пушкина и у Жуковскаго подобныя же ударенія, но на это я отвѣчу, что ошибки Тютчева не изъ однихъ только удареній состоятъ. Я выписалъ довольно-таки мѣстъ, и часы съ озера̀ми большой защитой Тютчеву не послужатъ. А, кромѣ того, снова повторяю, что Пушкинъ и Жуковскій ошибаются отъ однѣхъ причинъ, а Тютчевъ отъ другихъ. Когда два человѣка, слѣпой и зрячій, ѣдятъ на грязныхъ тарелкахъ, то ясно, что отсутствіе чистоплотности у зрячаго происходитъ отъ одной причины, у слѣпого совершенно отъ другой. Зрячій будетъ нечистоплотенъ только до извѣстныхъ предѣловъ, напримѣръ, въ грязную яму онъ не полѣзетъ безъ необходимости, слѣпой же прямо въ нее такъ и свалится. Вы читаете десятки страницъ Жуковскаго и Пушкина и съ большимъ трудомъ встрѣтите какую-нибудь неправильность, у Тютчева же и Брюсова нѣтъ возможности встрѣтить хоть одну страницу безъ погрѣшностей. Чтобы найти неправильность у Жуковскаго и Пушкина, нужны трудъ и вниманіе, у Тютчева и Брюсова сонный даже можетъ указать множество ошибокъ. Итакъ, въ отношеніи ошибокъ Пушкинъ и Жуковскій, а особенно Крыловъ—только нечистоплотны, Тютчевъ же—слѣпъ.

Изданіе «Русскаго Архива». М. 1899.

Недомоганіе языка общее съ поэтомъ-малороссомъ.

Стр. 59. Mal'aria. Какъ вѣдать? Можетъ быть и есть въ природѣ звуки, Благоуханія, цвѣта и голоса— Предвѣстники для насъ послѣдняго часа́.	Обращается вниманіе на удареніе: ча́са.
Стр. 60. Взоръ постепенно изъ долины, Подъемлясь, всходитъ къ высота́мъ.	Удареніе: высо́тамъ.

Стр. 64.
И для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись,

По-русски нужно сказать, что-де для него сѣнь деревьевъ разрослась гостепріимно. Деревья же разрослись сѣнью по-русски понимается въ смыслѣ какъ бы формы листвы и вѣтвей: куполомъ, пирамиды и т. п. Или такъ еще можно понимать, что гостепріимная сама по себѣ сѣнь деревьевъ для него разрослась, какъ бы располнѣла, т.-е. опять-таки выходитъ совсѣмъ не то, что слѣдуетъ сказать.

Стр. 67. Фонтанъ.
Какъ пламенѣетъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.
Лучомъ поднявшись къ небу, онъ

Двѣ послѣднія строчки по одинаковости своего построенія заставляютъ предполагать и одинаковую законченность мысли, между тѣмъ онъ относится къ слѣдующей мысли—«коснулся высоты завѣтной».

Стр. 68.
Онѣ плывутъ въ одной метѣ.

По-русски такого слова нѣтъ. Это что-то мѣстное. По-польски говорятъ, напримѣръ, мета—значитъ цѣль.

Мета есть еще понятіе о какомъ-то лошадиномъ ходѣ, но я спрашивалъ объ этомъ ходѣ коннозаводчиковъ, и тѣ мнѣ отвѣтили, что такого слова они и не слыхивали. Игра какая-то есть въ мету, но опять-таки малоизвѣстная.

Стр. 71. Первый листъ.
Смотри, какъ листьемъ молодымъ

Листье есть по-русски, но даже у Даля нѣтъ къ нему примѣровъ,—такъ это слово не въ ходу. Примѣръ этотъ взятъ мной для того, чтобы показать, откуда у г. Брюсова такая любовь къ страннымъ словамъ:—воскрылія, чресла, естество и т. п.

Стр. 83.
Что ты клонишь надъ водами,
Ива, ма́кушку свою

Удареніе: маку́шку.

Стр. 84.
Что даже утѣшенья
Друзей намъ не смѣшны,—

Разстановка словъ, какъ у поэта-малоросса.

Стр. 98.
Кругомъ, какъ кимвалы, звучали скалы̀,
И вѣтры свистѣли и пѣли валы.

Стр. 101.
Пріюти въ своемъ просторѣ
Тайну скромнаго челнà!

Стр. 107.
Солнце зимнее ли мещетъ

Стр. 112.
Не вѣритъ онъ, хоть видѣлъ
их҃ъ вчера,
Что есть края, гдѣ радужныя
горы
Въ лазурныя глядятся озерà...

Стр. 118.
И не жалѣла, не щадила,
Для ней ни ласки, ни труда

Помимо неправильнаго падежа въ этомъ примѣрѣ обращаю вниманіе на глаголъ щадить. По-русски говорятъ иногда: не щадя живота своего, не щадя жизни... дѣлалъ онъ то-то и то-то. Но нельзя сказать не щадя ласки. Это же смѣшно.

Стр. 126.
О, не тревожь меня укорой
справедливой!
Повѣрь, изъ насъ изъ
двухъ завиднѣй часть твоя:

По-русски, правда, помимо существительнаго «укоръ» есть и «укора», но говорятъ только «укоръ», т.-е. берутъ больше мужескій родъ.

Изъ насъ изъ двухъ—очень и очень сомнительно по-русски. Я не соображу почему, но, кажется, дѣло въ томъ, что двухъ—родительный падежъ отъ числительнаго два, между тѣмъ нельзя сказать два насъ, говорятъ двое насъ, а отъ двое родит. пад. будетъ двоихъ. Такимъ образомъ нужно сказать не изъ насъ изъ двухъ, а изъ насъ двоихъ.

Стр. 132.
И сквозь величія земного
Вся прелесть женщины мель-
кнетъ;

Стр. 136.
Твоя любовь для ней была,

Стр. 178. Наполеонъ.
Два демона ему служили,
Двѣ силы чудно въ немъ сли-
лись:
Въ его главѣ—орлы парили,
Въ его груди змѣи вились

Стр. 182. Изъ Манцони,
Два ра́за брошенъ былъ во прахъ
И два раза́ на тронъ!..

Для Тютчева все равно, что «два ра́за», что «два раза́»: музыки языка онъ не слышитъ, для него важно понятіе, скрывающееся въ словѣ.

Стр. 183. Тамъ же.
Предметъ вражды неистовой,
Преда́нности слѣпой!..

Стр. 183. Тамъ же.
Онъ зрѣлъ въ умѣ: подвижные
Шатры, равнины боевъ,

Хорошо это зрѣлъ въ умѣ. Въ школѣ говорятъ на урокахъ ариѳметики: «два въ умѣ», но въ общежитіи такого выраженія — не употребляютъ. Про понятіе видѣть въ связи съ воображеніемъ говорятъ, что-де, «онъ мысленно видѣлъ», но не «онъ видѣлъ въ умѣ».

Бо́евъ есть и у г. Брюсова. Александръ Великій: «Но не въ часъ ужасныхъ бо́евъ, возлѣ древнихъ Гавгемалъ».

Стр. 203. Нашъ вѣкъ.
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ;
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тѣни̇

Стр. 211.
Эта нить порой вѣститъ.

Какъ про́сто, въ самомъ дѣлѣ: вотъ и у г. Брюсова тоже новое словопроизводство: огонь—огневѣть.

У Тютчева вѣсть—вѣстить.

Но тогда почему и не быть такимъ глаголамъ:

Окно—окнить.
Домъ—домить.
Ящикъ—ящикить.

Все́ великое просто. Дѣло не въ удачѣ, а въ самомъ принципѣ.

Стр. 254. Телеграмма.
Гдѣ весь день, не умолкая,
Словно буря дождевая,
Въ ку́стахъ зелени поетъ.

Въ ку́стахъ—чѣмъ не бо́лѣзнь злая поэта-малоросса.

Предлоги и падежи.

Стр. 23.
Сквозь слезъ гляжу,

Стр. 75.
И видимъ мы сквозь слезъ,

Стр. 32.
И быстро выступятъ изъ мраку

Стр. 54.
По влажной неба синевѣ,
Воздушная воздвиглась арка

У г. Брюсова тоже есть исторія съ воздушной аркой. Въ сборникѣ «Пути и Перепутья», стр. 72. Числа.

Вы радугой связующей повисли
Къ раздуміямъ съ вершины вдохновенья.

Стр. 56.
А я, здѣсь, въ потѣ и пыли,
Я, царь земли, приросъ къ земли!

Стр. 64.
Какъ бѣдный нищій, мимо саду

Стр. 78.
Порою облака слѣдить;

Вотъ оно наконецъ брюсовское «слѣдить» мѣсяцъ и нитку.

Стр. 147.
Тутъ первая меня достигла вѣсть,

Опять вотъ брюсовское «постигнетъ». Въ дни запустѣній:

А наши башни, города, твердыни
Постигнетъ голосъ страшнаго суда.

Русскій языкъ какъ-то любитъ дополнять приставки глаголовъ предлогами. Напримѣръ, я въѣхалъ въ ворота, я дошелъ до дому и т. п.

Точно такъ же и достигла у Тютчева. Нужно достигла до меня или ужъ настигла меня. Однако, Тютчевъ сказалъ-то все-таки правильно въ смыслѣ образа: дѣйствительно, вѣсть мчится, переходитъ съ мѣста на мѣсто, поэтому къ ней можно присоединить такой глаголъ, какъ достигать. Но г. Брюсовъ переусердствовалъ въ подражаніи Тютчеву и связалъ глаголъ «постигнуть» съ голосомъ страшнаго суда и съ городами.

Стр. 158.
Не время выкликать тѣне́й:

Винительный падежъ будетъ не тѣней, а тѣни.

Стр. 182. Изъ Манцони.
И сѣлъ межъ нихъ судьей!

У г. Брюсова тоже есть межъ нихъ: Замкнутые. «Я слушалъ между нихъ

заученный напѣвъ». Какъ у г. Брюсова, такъ и у Тютчева непонятно, къ чему относится межъ: къ глаголу или къ существительному?

Стр. 258. На юбилей князя Вяземскаго.
Не то отъ ней присужено намъ было:

Стр. 266.
Но сквозь рѣдѣющаго сна

Сокращенія. Стр. 4.
Дѣля, не съединяетъ ихъ?

Стр. 7.
Онъ узнаетъ наслѣдье родовое.

Стр. 72. Весна.
Какъ ни браздятъ чело морщины,

У г. Брюсова есть—огни уползающихъ конокъ браздятъ туманъ.

Тутъ же.
По небу много облакъ бродитъ,
Но эти облака ея...

Съ прелестною наивностью здѣсь наглядно показано, почему въ поэзіи берутся сокращенія. На одной строчкѣ «облакъ» какъ-будто для стиля взято въ старинномъ употребленіи, но на другой строкѣ стиль нарушенъ современной формой того же слова и читателю ясно, что поэтъ слабъ въ стихосложеніи.

У Брюсова есть «Облакъ» въ «Орфей и Евридика»:

«На взорахъ облакъ черный».

Тутъ же.
Не свѣетъ съ древа ни листа:

Стр. 123. Предопредѣленіе.
Ихъ съединенье, сочетанье,

Стр. 136.
Ей оставались вспоминанья...

Тутъ же.
Какъ пеплъ сберечь ей удалось?

Стр. 144.
Угрюмый, тусклый огнь желанья...

Стр. 177. Колумбъ.
Такъ связанъ, съединенъ отъ
въка

Стр. 33.
Востокъ бѣлѣлъ... Ладья ка-
тилась;
Вѣтрило весело звучало!
Какъ опрокинутое небо,
Подъ нами море трепетало.

Востокъ алѣлъ... Она молилась,
Съ кудрей откинувъ покрывало;
Дышала на устахъ молитва,
Во взорахъ небо ликовало.

Востокъ вспылалъ... Она склонилась,
Блестящая поникла выя,
И по младенческимъ ланитамъ
Струились капли огневыя...

Напыщенность ни къ селу ни къ городу.

Какими обстоятельствами вызывается возвышенный тонъ этого стихотворенія? молитвою дамы поэта. Но едва ли это достаточный поводъ. Въ такихъ малоуважительныхъ случаяхъ возвышенность стиля превращается въ напыщенность. Въ самомъ дѣлѣ, ну, если бы возвышенный стиль касался молитвы, онъ былъ бы еще умѣстенъ, но ладья—вмѣсто лодка, вѣтрило—вмѣсто паруса, выя—вмѣсто шея, ланиты капли огневыя, востокъ вспылалъ... къ чему это все? Если ужъ стиль, то—до конца, а то половина—стильно, а половина нѣтъ. У г. Брюсова же не полустильные стихи, а четверть-стильные: см. отдѣлы «Возвращеніе», «Любимцы вѣковъ», «Правда Кумировъ», «Изъ ада изведенные». Тамъ какой-то наборъ не то старинныхъ словъ, не то сокращенныхъ современныхъ. На примѣрахъ отдѣла «Старинныя слова и обороты», я уже доказалъ, что наборъ этотъ фальшивъ, что авторъ не понимаетъ старинныхъ словъ и ставитъ ихъ для франтовства, для напыщенности и для риѳмы. Еще разъ прошу читателя вспомнить: величье-птичье, вѣнчаніе чреслъ, радостный бѣгъ влекомый триремы, и т. п.

Стр. 61.
Ученый пастырь сановитый
Рѣчь погребальную гласитъ:

Рѣчь бываетъ надгробная, а не погребальная. И гласитъ тоже неудачно. Гласить значитъ—объяснять: надпись гласила о томъ-то. Если же гласить произведено сокращеніемъ отъ голосить, то это еще хуже.

Гласить есть еще въ одномъ мѣстѣ у Тютчева: въ «Весеннія воды». Но тамъ гласятъ потому удачнѣе, что гласить тамъ можно понимать въ смыслѣ «объяснять». Даже если понять голосить—и то къ водамъ это выраженіе примѣнимѣе, чѣмъ къ пастырю.

А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ.
Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ...»

Двойной смыслъ.

Стр. 8.
Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной,

Первый смыслъ самый обыкновенный, про который всѣ скажутъ, что-де онъ каждому прійдетъ на умъ: шаръ земной обнятъ океаномъ. Однако, въ виду того, что цитируемая строчка въ стихотвореніи—первая, и читатель не знаетъ еще дальнѣйшаго, осторожность его должна быть встревожена возможностью ошибки. Совершенно вѣрно, что шаръ земной не можетъ обнимать океана, и если говорятъ про объятія, то ужъ конечно про объятія со стороны океана, а не земного шара, но вдругъ... а если.., Какое же можетъ быть если въ этомъ случаѣ? Можетъ-быть поэтъ хочетъ воспользоваться невозможностью, какъ своего рода поэтической фигурой, и тогда его выраженіе имѣетъ такой видъ: Какъ шаръ земной не можетъ обнять океана, такъ... дальше идетъ вопросъ, разрѣшеніе котораго слѣдуетъ найти въ дальнѣйшихъ мысляхъ поэта. Фигура невозможности примѣняется въ языкѣ, у насъ есть выраженіе:

«Какъ ушей своихъ не видать»... Въ виду всего этого, чтобы не попасть въ просакъ, волей неволей, приходится спросить: не намѣренна ли здѣсь ошибка, если дальнѣйшее обнаружитъ, что въ этой строчкѣ есть ошибка.

Можетъ-быть поэтъ говоритъ свою фразу по обычаю стихотворцевъ, переставляя слова:

«Какъ уши свои видишь ты», т.-е. не видишь.

Какъ океанъ объемлетъ шаръ земной», т.-е. не объемлетъ.

Стр. 56.
Природа мать ему дала

Съ перваго взгляда кажется, что природа дала мать, а на самомъ дѣлѣ: мать-природа дала два мощныхъ крыла, какъ говорится дальше въ стихотвореніи. Однако, можетъ быть, что крылья служатъ коршуну, какъ мать, такъ что природа дала ему мать въ видѣ двухъ крыльевъ. Ну, кормятъ, тамъ, что ли они его.

Стр. 67. Фонтанъ.

Какъ пламенѣетъ, какъ дробится
Его на солнцѣ влажный дымъ.

Какъ пламенѣетъ, какъ дробится его дымъ влажный на солнцѣ. (Влажный отъ того, что на солнцѣ).

Какъ дробится и пламенѣетъ на солнцѣ его влажный дымъ. (Влажный самъ по себѣ.)

Стр. 82.

Въ небѣ таютъ облака
И лучистая, на знoѣ,
Въ искрахъ катится рѣка,
Словно зеркало стальное.
. . . .
. . . .
. . . .
И поля дышатъ на знoѣ.

Рѣка ли катится на знoѣ, или рѣка лучистая оттого, что она — на знoѣ? Судя по полямъ, дышащимъ на знoѣ, выходитъ, что рѣка лучистая отъ зноя, но съ другой стороны поэтъ можетъ-быть и не ставитъ лучистость рѣки въ зависимость отъ зноя, можетъ-быть онъ хочетъ сказать, что рѣка катится на знoѣ, т.-е. на самомъ жаркомъ мѣстѣ.

Стр. 254. Телеграмма въ Петергофъ князю П. А. Вяземскому.

И привѣтъ мой хромоногій
Окрылитъ пусть телеграфъ.

Кто кого окрылитъ: привѣтъ телеграфъ или телеграфъ привѣтъ? Въ первомъ случаѣ телеграфъ окрылится оттого, что будетъ передана телеграмма, по проволокѣ, дотолѣ нѣмой, пробѣжитъ теперь токъ. Во второмъ случаѣ телеграмма, написанная на бумажкѣ, перейдя въ телеграфическій аппаратъ, какъ бы полетитъ, окрыленная.

И привѣтъ мой хромоногій
Окрылитъ пусть телеграфъ.

Пусть умчитъ его, играя,
Въ дивный, свѣтлый уголъ тотъ,
Гдѣ весь день, не умолкая,
Словно буря дождевая,
Въ кустахъ зелени поетъ...

Интересно: кто это поетъ,—буря или кто-то еще поетъ, какъ буря? Съ одной стороны стихотвореніе какъ-будто и некончено, такъ какъ несказано, кто поетъ словно буря, но съ другой стороны, нужно сказать, что по-русски говорятъ иногда одно сказуемое безъ указанія подлежащаго, напримѣръ: свѣтаетъ, сегодня дождитъ и т. п. Но всѣ понимаютъ, что не для каждаго глагола существуетъ такая форма. Нельзя же сказать: затворяетъ, сегодня поетъ. Потомъ это какъ-то грубо по представленіямъ выходитъ: дивный свѣтлый уголъ и буря дождевая. Фраза Тютчева походитъ на то, какъ если бы кто сказалъ: Цвѣтовъ уже не было въ комнатѣ, но настойчивый ароматъ ихъ все еще оставался, какъ запахъ скрывшагося автомобиля.

Стр. 261.

Но Муза сираго взяла

Муза ли взяла кого-нибудь, или это чья-нибудь муза?

Просто-напросто—чепуха.

Стр. 50.
Иль то капли дождевыя
Зачинающей грозы?

По-русски такъ не говорятъ: зачинающая гроза. Такъ же грубо, но все-таки правильнѣе было бы сказать зачинающейся грозы. Зачинающая по смыслу ближе къ «зачатью»—чѣмъ къ «началу». Однако, если даже и не допускать у грозы беременности, то все же «зачинать», требуетъ дополненія на вопросъ что?

Стр. 61.
А небо такъ нетлѣнно-чисто,

Нетлѣнно-чистый все равно что лампово-мокрый. Конечно, есть прилагательное ламповый и прилагательное мокрый, но при чемъ ихъ соединеніе? Это все равно, что у г. Брюсова въ «Утренней звѣздѣ»: На черно-безжизненный садъ, или въ «Кинжалѣ»: Загадочно-былые вѣка.

Стр. 63.
Любовью воздухъ растворенъ,

Растворяютъ что-нибудь въ чемъ-нибудь, и поэтому нужно сказать или любовь растворена въ воздухѣ или воздухъ въ любви. Когда говорятъ, что квасцы растворены водой, то само собой понятно, кто кого растворилъ, но когда говорятъ про растворъ: вода растворена квасцами, — то получается что-то темное. Въ концѣ-концевъ и разберешься, въ чемъ дѣло, но представьте себѣ растворъ изъ любви и воздуха, кто пойметъ его сущность? Наконецъ, мало того, есть еще смыслъ глагола «растворенъ» — именно: открытъ. Но и это тоже чепуха.

Стр. 73. Весна.
Ихъ жизнь, какъ океанъ безбрежный,

Стр. 79.
Еще шумѣлъ веселый день,
Толпами улица блистала,

Ну, ужъ это Богъ знаетъ что!
Однако если у Тютчева есть облакъ, то и у г. Брюсова будетъ облакъ, если у Тютчева есть несуразность съ улицей, то г. Брюсовъ ни за что не отстанетъ: онъ говоритъ: улица была, какъ буря...

Стр. 91.
И душу намъ обдастъ какъ бы весною.

Относительно весны у Тютчева есть еще выраженіе: «а воды ужъ весно шумятъ». Но тамъ, несмотря на то, ч не прибавлено даже «какъ бы»—са

собой понятно, что воды не встряхиваютъ весну, какъ какой-нибудь шумящій предметъ, а шумъ этихъ водъ полонъ весеннимъ настроеніемъ. Здѣсь же въ «обдастъ какъ бы весною»—весна не склеивается съ глаголомъ обдать, несмотря на «какъ бы». Точно то же случится и въ такихъ выраженіяхъ:

Меня обдало какъ бы домомъ.
Меня обдало какъ бы календаремъ.
Меня обдало какъ бы окномъ.

Почему такая разница? Всѣмъ понятно, что ни шумѣть, ни обдавать весною—нельзя. Однако, въ одномъ случаѣ выраженіе умѣстно, въ другомъ—нѣтъ. Говорятъ: здѣсь пахнетъ преступленіемъ, но не говорятъ: здѣсь обѣдаютъ преступленіемъ. У г. Брюсова:

—«Въ твоихъ какъ будто кованыхъ стихахъ».

Стр. 100. Осенній вечеръ.
Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ

Вотъ брюсовскіе «ряды сопоставленныхъ лицъ».

Стр. 252. А. А. Фету.
И пусть, сочувственный поэтъ,

У г. Брюсова есть «сочувственныя» звѣзды, въ стихотвореніи «Новые завѣты». Помимо этого указанія на подражаніе, скажу еще, что можетъ быть пламенное объятіе, пламенный взглядъ, но не пламенный человѣкъ. Точно такъ же можетъ быть сочувственное рукопожатіе, сочувственный взглядъ, но не сочувственный человѣкъ.

Стр. 260. На юбилей князя Вяземскаго.
Теперь они, покинувъ горній міръ,
Сочувственно витаютъ между нами

Точно такъ же, какъ нельзя связывать прилагательное «сочувственный» со всякимъ существительнымъ, нельзя связывать нарѣчіе «сочувственно» съ какимъ угодно глаголомъ. Можно сочувственно пожать руку, но нельзя сочувственно пить, сочувственно итти, сочувственно писать и т. п.

Стр. 10. Ночные голоса.
Проснулся чудный, еженочный гулъ...

Сомнительныя выраженія и созвучія.

Почему-то говорятъ ежечасно, ежеминутно, но не говорятъ ежевѣчно, ежеденно, ежесумеречно, ежеутренне. Все это предразсудокъ: почему можетъ быть ежегодно, а ежелѣтно не можетъ быть?

Стр. 17. Графинѣ Лерхенфельдъ.
На плечи юныя *свѣвалъ*.

Стр. 57. Лебедь.
Но нѣтъ завиднѣе удѣла,
О лебедь чистый, твоего!

Стр. 58. Безуміе.
Припавъ къ растреснувшей землѣ,

Если *растреснувшей* — то по крайней мѣрѣ ужъ *что*. Если же неизвѣстно, что́ земля растреснула, то — *растреснувшейся*...

Стр. 61.
Вѣщаетъ бренность *человѣчью*,

Стр. 97.
Сходила ночь, туманъ вставалъ.

Кожа сходила—значитъ уничтожалась. А сходить съ лѣстницы—значитъ спускаться. Что здѣсь?

Стр. 98. Сонъ на морѣ.
Я, сонный, былъ преданъ всей прихоти волнъ;

Ясонный...

Стр. 103.
Гляжу съ участьемъ умиленнымъ,
Когда, пробившись изъ-за тучъ,

Я слышалъ такъ въ Петербургѣ говорятъ *пробившись изъ-за*. У насъ въ Москвѣ больше: — *пробившись черезъ*.

Стр. 105. Mobile comme l'onde.
Отражая *неба сводъ*,
Иль мятешься ты иль бьешься

Стр. 125. Двумъ сестрамъ.
Та жъ *тихость* взора, нѣжность *гласа*,

Стр. 147.
Колоколовъ Кремля я слышалъ *завыванье*.
За мѣдною слѣдилъ я бурей,

У Тютчева колокола *воютъ*, а у г. Брюсова рояль *звенитъ*.
Ябурей...

Стр. 172. Цицеронъ.
Застигнутъ ночью Рима былъ!

Стр. 181.
И ты стоялъ, передъ тобой Россія!

Съ натяжкой, а все-таки выходитъ, что кто-то стоялъ самъ передъ собой. *Ты стоялъ передъ тобой*...

Стр. 214. Memento.
. . . . . . понятно стало,
Что чья душа такъ царственно свѣтла,

Что чья—похоже на «чуждый чарамъ черный челнъ», т.-е. на нѣчто геніальное.

Стр. 81.
Тамъ, гдѣ обвѣянный ихъ мглами,

Опять-таки брюсовскія «звяканья», «шумы» и т. п. множественныя числа у единственнаго.

Оглавленіе отдѣловъ книги «Стихи В. Брюсова и русскій языкъ» находится въ самомъ концѣ, но оглавленіе не даетъ возможности быстро отыскивать нужный примѣръ. Поэтому для болѣе удобнаго пользованія объясненіями составлено два алфавитныхъ указателя. Въ одномъ помѣщены названія стихотвореній, изъ которыхъ взяты примѣры, въ другомъ — слова, входящія въ составъ примѣровъ. Такимъ образомъ, чтобы отыскать требующееся мѣсто, нужно знать или названіе стихотворенія г. Брюсова, или же какое-нибудь слово изъ взятыхъ мною строчекъ. Буквы М и Т указываютъ, что слово находится или въ стихахъ Тютчева или поэта-малоросса.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

брюсовскихъ стихотворенiй, изъ которыхъ взяты примѣры для книги «В. Брюсовъ и русскiй языкъ». Цифры послѣ тире показываютъ страницы книги.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

словъ, входящихъ въ примѣры книги «Стихи В. Брюсова и русскій языкъ».

Замѣченныя опечатки.

		Слѣдуетъ:
Стр.	7. На 17-й строчкѣ снизу: понятій.	понятія.
„	9. Въ колоннѣ примѣровъ на 3-й строчкѣ сверху: Царь........	Царю.
„	11. Въ четвертомъ примѣрѣ стихи начинаются съ большой буквы: На всѣхъ......................	на всѣхъ запястьяхъ и т. д.
„	16. На 18-й строчкѣ сверху: имѣе ъ	имѣетъ.
„	27. Надъ колонной примѣровъ пропущено......................	Изъ сборника „Пути и Перепутья"
„	31. Въ первомъ примѣрѣ послѣ слова вліяніе стоитъ точка, а слѣдуетъ быть запятой.	
„	32. Вмѣсто заглавія страницы „Неудачныя созвучія"...........	Предлоги.
„	35. 9-я строчка снизу. Послѣ усвоивъ которую пропущена запятая.	
„	38. На 12-й строчкѣ снизу передъ Брюсова нѣтъ г.	
„	44. Въ нижнемъ примѣрѣ невѣрно указана страница, нужно: 127.	
„	46. Въ первомъ примѣрѣ пропущено и	Въ небѣ и блескъ и величье.
„	48. Въ колоннѣ примѣровъ страница 153........................	151.
„	52. Во второмъ примѣрѣ запятая пропущена......................	Гдѣ ты, милый.
„	58. Страница перваго примѣра 139..	130.
„	62. Въ первомъ примѣрѣ сказано: заслышавъ....................	Заслышалъ
„	64. Въ первомъ примѣрѣ пропущено два восклицательныхъ знака. ..	Да! я гублю!
„	77. Въ четвертомъ примѣрѣ запятая пропущена послѣ поле	
	Въ шестомъ примѣрѣ: Составьте .	Поставьте.
	Въ седьмомъ примѣрѣ запятая пропущена послѣ начнутъ свершать.	

Стр. 78. Въ первомъ примѣрѣ запятую слѣдуетъ послѣ р о д н и к ъ

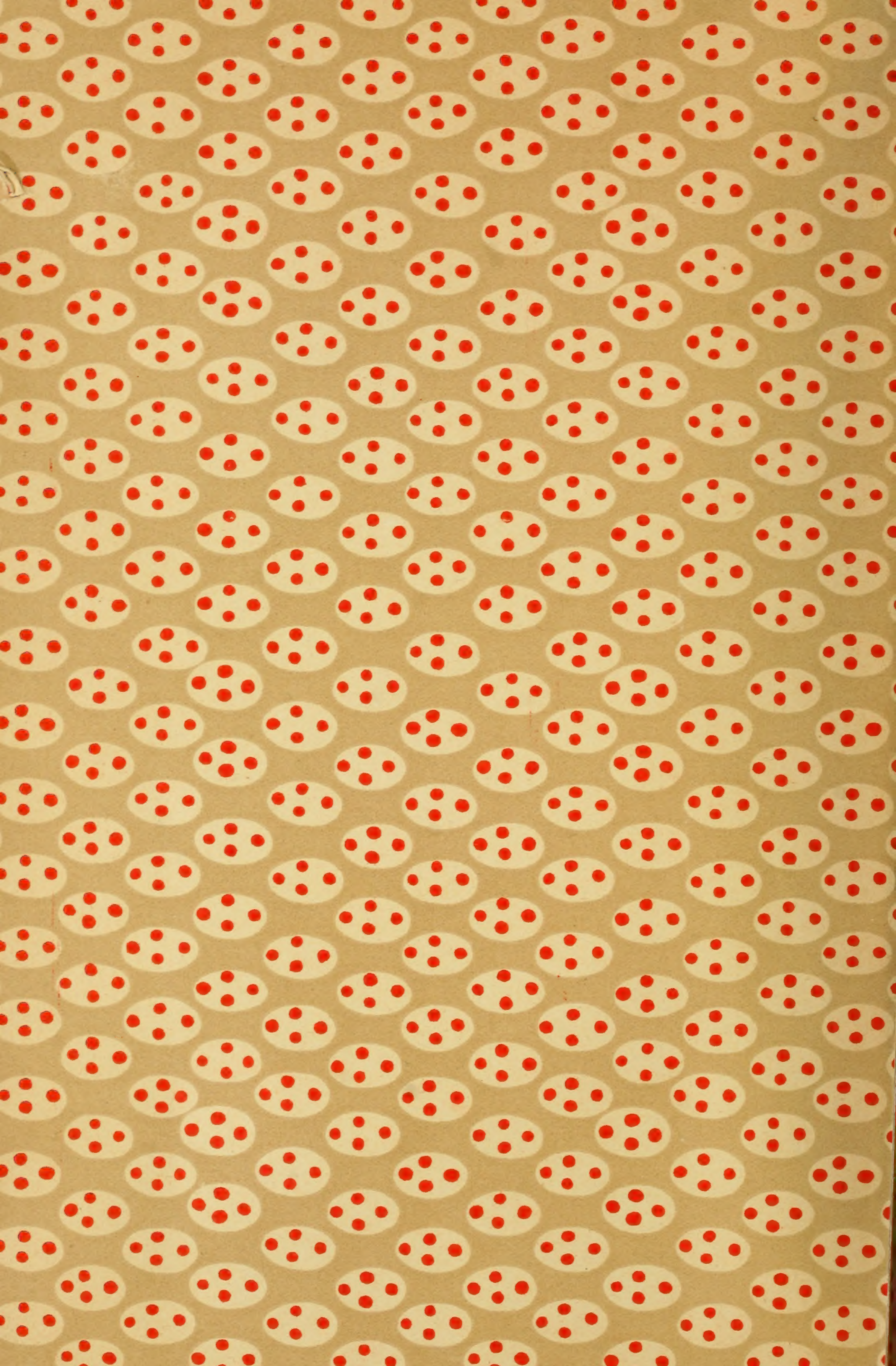
„ 79. Во второмъ примѣрѣ С у д ь б а въ запятыхъ должна быть.

„ 80. Въ примѣрѣ слѣдуетъ поставить въ запятыхъ въ с м я т е н ь и.

„ 89. Во второмъ примѣрѣ нужно запятую послѣ м ы б ы л и б ъ.

„ 90. Страница второго примѣра 151.. 152.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 12 19 03 011 8